

«Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венеков и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

*Корнелий Тацит.
О происхождении германцев
и местоположении Германии.*

ГЕРМАНИЯ—САРМАТИЯ

III

GERMANIA—SARMATIA

III

Moskau
2020

Москва
2020

УДК
902(4)
ББК 63.48
ГЗ8

Редакционный совет:

Войцех Новаковский (Варшава)
Анна Битнер-Врублевска (Варшава)
Аудронэ Блюэнэ (Клайпеда)
Клаус фон Карнап-Борнхайм (Шлезвиг)
Михаил Любичев (Харьков)
Сергей Демиденко (Москва)
Владимир Малашев (Москва)
Андрей Обломский (Москва)
Михаил Казанский (Париж)
Борис Магомедов (Киев)
Александр Симоненко (Киев)
Олег Шаров (Санкт-Петербург)
Ольга Щеглова (Санкт-Петербург)

Ответственный редактор
Олег Радюш

Выпуск под редакцией
Олег Радюш, Аудронэ Блюэнэ, Михаил Любичев

Рецензенты
Игорь Гавритухин, Сергей Вальчак (ИА РАН)

Технический редактор
Галина Король

Перевод
Николай Наумов

Верстка и элементы дизайна
Олег Радюш, Игорь Голобородько, Алексей Шолош, Александр Крехов

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

ГЗ8 Германия-Сарматия. Вып. III. сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы / ред. Радюш О., Блюэнэ А., Любичев М.; Москва: ИА РАН, 2020. - 432 с., илл.
ISBN 978-5-94375-263-6

В сборнике представлены научные статьи по различным проблемам археологии варварского мира Европы от позднелатенского времени до начала эпохи Великого переселения народов. Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Археологии РАН, 2020

© Авторы статей

© Радюш О. Составление, дизайн

© Голобородько И., Шолош А., Крехов А.

верстка, элементы дизайна.

ISBN 978-5-94375-263-6

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-263-6

Оглавление.

	Предисловие	8
	Фотографии исследователей эмалей	11
Л.С. Воротинская <i>L. Worotinskaja</i>	Эмали у кельтов в период Латена <i>Email bei Kelten der Latènzeit</i>	12
О.С. Румянцева <i>O. Rumjanzewa</i>	Наборы бус финнов Среднего Поочья <i>Die Glasperlengarnituren als Kleidungselement bei den Finnen im Mitteloka-Gebiet: Ursprungsfragen</i>	30
М.А. Раззак (Юшкова) <i>M. Rassak (Juschkowa)</i>	Предметы с эмальями в культуре могильников с каменными оградками <i>Emailstücke in den s.g. Tarandgraves-Kultur</i>	44
С.В. Воронятов, Т.В. Столярова <i>S. Woronjatow, T. Stoljarowa</i>	Глажевская коллекция: история изучения и анализ состава <i>Der Hortfund von Glažewo: Forschungsgeschichte und Bestandanalyse</i>	64
С.В. Воронятов, Е.А. Шинаков <i>S. Woronjatow, E. Schinakow</i>	Отдельные находки и клады круга «варварских эмалей» в Брянском Подесенье <i>Die Hort- und Einzelfunde des Barbarenemails im Brjansker Desna-Gebiet</i>	80
Е.А. Шинаков, А.А. Чубур <i>A. Šibur, J. Schinakow</i>	Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в среднедеснинском регионе <i>Lunilaanhänger im Verbreitungsgebiet der Barbarenemaile im Mitteldesna-Gebiet</i>	116
Н.Г. Рябчевский <i>N. G. Rjabchewskij</i>	Находки восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Брянской области (материалы к своду) <i>Die osteuropäischen Champlévé-Emailfunde auf dem Territorium Brjansker Gebiets.</i>	128
О.А. Радюш <i>O. Radjusch</i>	Распространение «варварских» эмалей в верхнем течении Днепра и Северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу). <i>Champlévé-Emailstücke im Oberdnepr- und Memel-Gebiet (aufgrund von Materialien aus Weißrussland sowie aus den russischen Gebieten Smolensk, Kursk, Orjol und Brjansk)</i>	154

М.В. Любичев, М.И. Скорый <i>M. Ljubičew, M. Sajanyj</i>	Новые находки «выемчатых эмалей» в верхнем течении Северского Донца в Харьковской области <i>Neue Champlevé-Emailfunde im Oberlauf von Siwkerkyj Donez (Gebiet Charkiw, Ukraine)</i>	186	С.В. Воронятов Б.А. Раев, <i>S. Woronjatow, B. Rajew</i>	Необычные предметы круга «варварских эмалей» из позднесарматского погребения могильника Валовый 1 на Нижнем Дону <i>Die ungewöhnlichen Barbaren-Emailstücke aus dem spätsarmatischen Grab Walowuj 1 im Niederdon-Gebiet</i>	306
К.В. Мызгин, О.А. Радюш, М.В. Любичев <i>K. Mysgin, O. Radjusch, M. Ljubičew</i>	Новые данные к вопросу о поздней дате вещей круга «выемчатых эмалей» на территории Поднепровья. <i>Neue Daten bezüglich der Spätdatierung von Champlevé verzierten Gegenständen auf dem Gebiet im Bereich der Dnepr</i>	198	О.А. Радюш <i>O. Radjusch</i>	Варварские эмали Восточной Европы – современное состояние источниковой базы и опыт картирования <i>Barbarische Emails aus Osteuropa - Stand der Quellen und Erfahrung der Kartierung</i>	316
А.В. Никитина <i>A. Nikitina</i>	Находки вещей круга выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья <i>Grubenemail-Fundstücke in der Waldsteppezone des Mittelwolga-Gebiets</i>	220	В.П. Глебов, И.А. Гордин, А.В. Дедюлькин <i>W. Glebow, I. Gordin, A. Dedjulkin</i>	Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье <i>Neuere Entdeckungen von "rituellen Hortfundorten" im Niederdon-Gebiet</i>	354
Д.В. Акимов, И.В. Зиньковская, Я.П. Мулкиджанян <i>D. Akimow, I. Sinkowskaja, J. Mulkiđžanjan</i>	Случайные находки эмалей в лесостепном Подонье: описание, реконструкция, интерпретации <i>Die zufälligen Funde des barbarischen Champlevé-Emails in der Waldsteppenzone des Don-Gebiets: Beschreibung, Rekonstruierung und Interpretation</i>	244	В. Новаковский <i>W. Nowakowski</i>	Римляне на побережье Балтийского моря по сообщению Плиния Старшего и надписи из Больдог <i>Die Römer an der Ostseeküste nach Plinius dem Älteren und der Aufschrift aus Boldog (Slowakei)</i>	386
А.М. Воронцов <i>A. Woronzow</i>	Находки круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории мощинской культуры <i>Die osteuropäischen Champlevé-Emailfunde im Moschčín-Kulturgebiet</i>	258	А.С. Милашевский <i>A. Milaschewskij</i>	Фибулы с использованием зерновой кольцевой гарнитуры <i>Die Fibeln mit gekörnter Ringgarnitur und gekerbten Drahrtringen in der Černjachow-Kultur</i>	398
О.К. Савельев <i>O. Saweljew</i>	Эмалевые фибулы восточноевропейского стиля на западе сарматского мира и некоторые вопросы варварских контактов накануне «Скифских» войн <i>Die osteuropäischen Emailfibeln im Westen der Sarmatenwelt im Lichte einiger Fragen über barbarische Kontakte am Vorabend der s.g. skythischen Kriege</i>	276	А.А. Васильев <i>A. Wasiljew</i>	Катакомбные погребения кочевников рубежа Римской эпохи и эпохи Великого переселения народов в низовьях Дуная <i>Die spätsarmatischen Fundorten im Dnestr-Donau-Gebiet</i>	420
А.А. Кадиева <i>A. Kadiewa</i>	Изделия круга выемчатых эмалей с территории Северного Кавказа (из коллекции Государственного Исторического музея) <i>Champlevé-Emailstücke aus dem Nordkaukasus-Gebiet</i>	288		Список сокращений	430
С.В. Воронятов <i>S. Woronjatow</i>	Переключчатая фибула с эмалью из окрестностей села Верхнепогромное на Волге <i>Die emailverzierte Sprossenfibel aus der Gegend des Dorfes Werchnepogromnoje im Wolga-Gebiet</i>	300			

Новые данные к вопросу о поздней дате вещей круга «выемчатых эмалей» на территории Поднепровья

К.В. Мызгин, О.А. Радюш, М.В. Любичев

**Мызгин
Кирилл Валерьевич**

Кандидат исторических наук, доктор философии (PhD), адъюнкт Института истории Варшавского университета, г. Варшава

kvmyzgin@gmail.com

**Радюш
Олег Александрович**

Научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН, г. Москва

radjush@mail.ru

**Любичев
Михаил Васильевич**

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Восточной Европы, заведующий Учебно-исследовательской лабораторией Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, член-корреспондент Германского археологического института, г. Харьков.

gsae@karazin.ua

Как ранняя, так и поздняя даты бытования вещей круга «выемчатых эмалей» до сих пор остается крайне спорным вопросом. Этому способствуют особенности выпадения самих вещей на территории Восточной Европы, где подавляющее большинство из них остаются «случайными» находками, а закрытые комплексы в основном выявлены за пределами ареала их массового распространения. В ходе обсуждения вопроса нижняя граница, на основании погребений относительно точно определена для территории Польши и Прибалтики в рамках фаз B2-B2/C1 римского времени (Битнер-Врублевская, 2019. С. 185; Michelbertas, 2016), с чем согласно большинство специалистов. В то время как для Поднепровья подобные комплексы отсутствуют, что вызывает сомнение в перенесении вышеуказанных дат на этот регион.

Финал использования вещей, выполненных в эмалевой стилистике, в литературе обозначен не столь отчетливо. Если не касаться взглядов специалистов до начала 1980-х гг., пытавшихся выявить диапазон бытования вещей в целом на уровне современной им источниковой базы и понимания историко-культурных процессов своего времени, то на текущем этапе развития науки устоялась точка зрения киевских и московских археологов, выработанная в трудах Е.Л. Гороховского, А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского. Согласно их представлениям, своего наивысшего развития эмалевая традиция достигла ко второй половине III века, предполагая возможное переживание единичных вещей вплоть до конца IV века. При этом само развитие эмалевого комплекса в финальной стадии происходило без использования непосредственно эмалей в виде «дерригатов» (Обломский, 2018. С. 7). В то же время, в последнее десятилетие стал известен ряд кладов и десятки отдельных находок, стилистически относящихся к «развитой» стадии стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. М.Е. Левада сравнительно недавно опубликовал важный для уточнения датировки позднейших вещей с эмалью утраченный комплекс из Сухоносовки в Полтавской области, который, судя по сопровождающим вещам, относится к концу IV – нач. V вв. Клад, состоящий из парных треугольных «процветших» фибул, 4 крупных серебряных пластинчатых подвесок-лунниц, серебряного пластинчатого венчика, трех бронзовых браслетов

с расширенными концами и ожерельем из 38 бусин (18 уплощенных полиэдрических сердоликовых, 14 миниатюрных коралловых, 4 из раковин, 1 округлой янтарной, 1 кубической синего стекла). На поверхности фибул прослеживались элементы припоя, накладки из тонкой серебряной фольги, на некоторых читались следы пуансона, выбитые изнутри (Левада, 2010. С. 557-562). Помимо непосредственно публикации вещей, статья представляет собой пожалуй первую попытку разобраться в датировке финала этой ювелирной традиции. Были подобраны многочисленные аналогии типам вещей из Сухоносовки, демонстрирующие достаточно широкое их распространение от Прибалтики до Причерноморья (Левада, 2010. Рис. 25). В качестве финальной даты автор подразумевает конец IV века, включая «даже» начало V в. В то же время полной уверенности в том, что этот комплекс является не единственным/уникальным, учитывая его выпадение на территории с вероятной сохранившимся черняховским населением, у М.Е. Левады не было.

За прошедшее десятилетие количество находок вещей и кладов схожих с «Сухоносковским» увеличилось. Настоящая публикация посвящена введению в научный оборот одного из таких комплексов, имеющих важнейшее значение для датирования финала эмалевой ювелирной традиции и понимания происходящих процессов, связанных с изменением «костюмной» традиции в Поднепровье на стыке позднеримских и раннесредневековых культур.

Клад у с. Мощное

В июле 2013 года, к северо-востоку от с. Мощное Менского района Черниговской области, на небольшой возвышенности, ограниченной балкой и руслом небольшой реки (рис. 1), был обнаружен монетно-вещевой клад. Вещи были найдены на площадке размерами 2x2 м и на глубине от 0,2 до 0,35 м. Внутри этой площади они залегали не компактно, а были обнаружены в нескольких точках. По словам находчика, фибулы с эмалью найдены глубже, а серебряные накладки (фольга) находились на большой площади внутри квадрата с находками. Первоначально из земли были изъяты крупные предметы: фибулы и браслеты, и только затем – более мелкие. За пределами площадки, но недалеко от нее, были обнаружены

Рис. 1. Место находки клада у с. Моchno Менского района (основа Яндекс-карты - <https://yandex.ru>)

серебряные лунницы. Наконец, на удалении 10-15 м от основного места находки были найдены венчики и шейная гривна. В течении последующих дней кладоискателем было обнаружено несколько ромбовидных подвесок, пронизей и монеты. По словам находчика, следов керамики непосредственно на месте клада им выявлено не было, хотя она в большом количестве встречалась неподалеку. В январе 2014 года гражданин разместил информацию о кладе на Интернет-форуме. В дальнейшем один из авторов публикации вел длительную переписку с находчиком, от которого получил подробную информацию об условиях обнаружения клада, а позже, в апреле этого же года, появилась возможность непосредственно изучить, измерить найденные вещи и осмотреть место находки. В результате выезда в Черниговскую область была проведена непосредственная работа с комплексом, выполнены замеры и фотографирование вещей и натурный осмотр места, где предметы были выкопаны. Все это позволяет нам считать сведения о публикуемых находках достаточно достоверными. Сложная социо-политическая ситуация в регионе привела к потере контактов с находчиком уже на этапе подготовки комплекса к передаче в музей¹. Позднее, уже в 2018 г. часть оставшихся вещей из клада была передана семьей гражданина, выкопавшего клад, в Шосткинский государственный краеведческий музей.

Во время выезда на место К.В. Мызгин выяснил, что в 600-800 м севернее от места находки, вдоль русла бывшей реки, располагается поселение киевской культуры (рис. 1), на котором ранее были обнаружены бронзовая лунница с эмальями и фибула-брошь с эмальями, аналогичная имеющимся в составе клада (рис. 3:1). В Шосткинский музей были также сданы находки, сделанные на этом поселении – четыре железные фибулы со сплошными приемниками «воинского» типа, относящиеся к поздним вариантам, которые могут быть датированы концом IV – началом V вв.

Состав клада

В состав клада входило не менее 85 предметов и 12 монет (рис. 2). Среди вещей следует выделить несколько основных категорий: двухпластинчатые фибулы, фибулы-броши с вихревой розеткой, пластинчатые гривны (венчики), головной обод с пластинчатыми и комбинированными подвесками, ведерковидные подвески, пластинчатые пронизы, браслеты с расширенными концами, пластинчатые лунницы, кольца, римские денарии.

Дисковидные фибулы-броши круга выемчатых эмалей

Две фибулы броши (рис. 3) (третья как, уже упомина-

¹ Учитывая уникальность находки, авторы считают необходимым введение в научный оборот полученных материалов. Полные описания и фотографии вещей клада, сделанные К.В. Мызгиным, так же находятся в распоряжении М.Е. Левады, который одним из первых обратил внимание на комплекс. Заметим, что М.Е. Левада также высказал сомнения по поводу состава комплекса: возможно, это материалы двух кладов. В настоящей публикации мы все же придерживаемся мнения, что это был один комплекс. В любом случае, сердечно благодарим М.Е. Леваду за ценные замечания, высказанные в процессе обсуждения состава клада в 2014 году

лось, была найдена на соседнем поселении, однако к моменту поездки К.В. Мызгина, она была уже продана находчиком. Сохранилась лишь одна фотография).

Фибула 1 (Рис. 3:2) – имела диаметр около 12 см, центральная розетка с четырехконечным вихревым орнаментом, все четыре поля заполнены красной эмалью, в центральной части расположена полусферическая серебряная деталь. Второе прорезное поле отделено напаянной концентрической накладкой из белого металла. Прорезное поле также связано с солярной вихреобразной символикой. Обод отделен концентрической напаянной накладкой из белого металла. По ободу, на слившихся по краям выступах, расположены напаянные круглые пластинки из серебра. Вся поверхность фибулы также носит следы покрытия из белого металла. С обратной стороны расположены крепления для иглы, традиционные для брошей – перекадина и массивный иглоприемник.

Фибула 2 (Рис. 3:3) – диаметром около 10 см. Имеет схожую с первой конструкцию, но она несколько более грубая в детализации. На полях вихревой розетки сохранились незначительные следы красной эмали.

Фибула 3 (Рис. 3:1) найдена на поселении и идентична первому из вышеописанных экземпляров. Основное отличие заключается в пропорциях лучей в центральной розетке, у поселенческой находки они более крупные.

Двупластинчатые фибулы

Двупластинчатые фибулы представлены тремя экземплярами (рис. 3:4) Наиболее крупная серебряная имела длину 15 см. Дужка – подтреугольная в сечении, щиток полукруглый с одним декоративным выступом-шишечкой. Сохранились детали пружинного аппарата с двумя осями, заканчивающимися декоративными шишечками. Основания дужки украшены декоративными накладками в виде лепестков. Ножка – пластинчатая удлиненная с подтреугольным окончанием.

Вторая серебряная фибула значительно меньшего размера – около 8 см длиной (Рис.3:5). Дужка – короткая полукруглая, треугольная в сечении. У основания дужек расположены кольца, украшенные псевдозерненным декором. Щиток полукруглый с одним декоративным выступом, украшенный шишечкой. На нижней части щитка крепление под пружинный аппарат с двумя осями. Игла сохранилась. Ножка – пластинчатая удлиненная с подтреугольным окончанием.

Третья фибула выполнена из сплава цветного металла (Рис.3:6). Ее длина 5 см. Дужка – короткая, уплощенная, треугольная в сечении. Щиток – полукруглый, ножка короткая, с наибольшим расширением в верхней части, окончание – подтреугольное.

Гривны, браслеты

Гривна серебряная (Рис. 4:1) шириной около 17 см, с расширением в центральной части, до 1 см в диаметре, и сужением к концам до 3-4 мм. Украшение сломано в одном месте. С замком в виде петли и крючка. Диаметр в наиболее

Рис. 2. Состав клада найденного у с. Мощное Черниговской обл.

массивной части – около 10 мм. На поверхности прослеживается ряд надчеканов различной формы, выстроенных в ряд (рис. 4).

Кольца серебряные в количестве 5 экземпляров (1-й набор). Диаметр наружный 45-50 мм. Диаметр дрота: 4-5 мм. На концах в двух случаях – замкнутые, в трех – разомкнутые. Близкие по типу и размерам 6 других серебряных экземпляров образуют второй набор (Рис. 2).

Браслет (?) из серебряного сплава – 1 экземпляр (Рис. 2). Размеры около 3х3 см, диаметр: в центральной части – 5 мм, расширенные окончания – 7-8 мм.

Браслеты из сплава цветного металла – 10 экземпляров (Рис. 5). Браслеты имеют расширенные окончания подтравленного или округлого сечения, в четырех случаях украшенные рядами косых насечек, разделенных между собой поперечными (Рис. 5:3, 6, 7, 10). На остальных насечки либо отсутствуют, либо заметны по слабо уловимым визуально следам. Размеры от 8х7 см до 7х5 см.

Пластинчатые головные украшения

Пластинчатые венчики – 4 экземпляра (рис. 2, 6:2, 3, 4). Два сохранились полностью (Рис. 6:2, 4) – они визуально определены как серебряные. Целый экземпляр не имеет ornamentации, кроме тисненых полос по контуру, замок – в виде массивных шишечек, обломок также имеет тиснение по всему контуру и ornamentацию, выполненную круглым штампом, замок также оформлен в виде массивной шишечки с расширенной нижней частью. Второй венчик имел ширину 3 см (Рис. 6:2) и тисненый орнамент, валиком идущий вдоль края. Окон-

чания замка оформлены в виде коротких конических шишечек. Третий обломок серебряного венчика сохранился на длину около 12 см, имеет ширину около 3 см (Рис. 6:3) с коротким замком, завершающийся шишечкой – окончанием в виде катушки. Вдоль краев венчик орнаментирован тиснением в виде парных валиков и тремя тисненными циркульными элементами, образующими композицию треугольной формы. Четвертый экземпляр – серебряный, изготовлен из полосы шириной 4 см (Рис. 2), сохранившейся фрагментарно в виде трех крупных кусков и множества мелких. На полосах прослеживаются пробитые отверстия и окантовка в виде парных узких валиков по краю.

«Головной» обод (рис. 6:1) имеет размеры 16х8 см, при ширине полосы 4 см. Изготовлен из медного сплава, ornamentация на поверхности не отмечена. По нижнему краю пробиты отверстия, в которые пропущены металлические кольца с интервалом около 3-4 мм.

По всей видимости, к этой конструкции относился и набор разнообразных подвесок и пронизок (рис. 7), который состоял не менее чем из 13 крупных трапециевидных пластинчатых подвесок (ширина 4 см, высота 5 см), крепившихся к основе с помощью S-видных креплений с волютообразными окончаниями (Рис. 2, 7:1-13), 19 малых трапециевидных подвесок (ширина 2 см, высота 2 см), которые крепились с помощью колец (Рис. 7:47-64). Кроме того, в составе клада находились 23 цилиндрические бронзовые пронизи различного диаметра и длины, изготовленные из пластин (Рис. 7:14-36).

Лунницы пластинчатые – 7 шт, из которых шесть крупных однотипных и одна значительно меньшего размера (рис.

Рис. 3. Фибулы-броши и двухпластинчатые фибулы из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

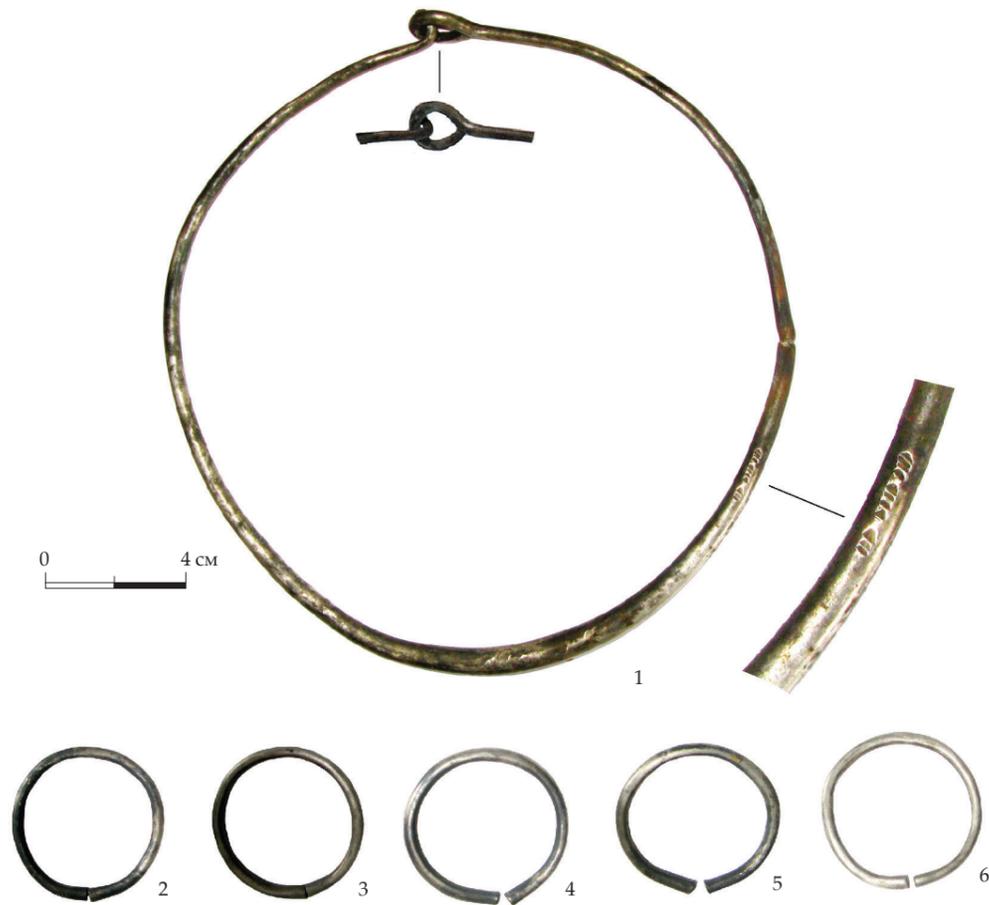

Рис. 4. Шейная гривна и кольца из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

8). Все лунницы изготовлены из тонкой серебряной пластины и не имеют никакой орнаментации, в верхней части каждой из них пробиты одиночные отверстия для подвешивания. Форма крупных лунниц четко выраженная пельтовидная. Размеры: крупных лунниц – 11-12x7-8 см, маленькой лунницы – 8x5 см (Рис. 8:7).

Ведерковидная бронзовая подвеска – 1 экземпляр (Рис.7:37). Цилиндрическая часть изготовлена из пластины, декорированной рядами валиков, сверху припаяна ручка округлого сечения также бронзовая. Диаметр – 1,3 см, высота с дужкой – 2,2 см, высота корпуса – 1,5 см. Донная часть сохранилась только по краям.

Сложные подвески – 9 экземпляров (из них 6 – с сердоликовыми бусинами) (Рис. 7:38-46). Две парные серебряные подвески состоят из круглой нижней части диаметром 1,6-1,8 см, имеют небольшие сегментные вырезы в нижней части. Поверхность декорирована пуансонным орнаментом циркульного типа по центру и луновидным по краям. Подвеска выполнена из серебряной проволоки, скрученной петлями на концах. Ее высота – 2,2-2,8 см, она крепится через отверстия в верхней части. Пять подвесок имеют нижнюю часть аналогичного типа, но их конструкция усложнена сердоликовыми 14-гранными бусинами, крепящимися непосредственно на проволоочном

подвесе (Рис. 7:42-46). Еще одна подвеска с бусиной является также серебряной, имеет нижнюю часть ромбической формы размерами 2,6x2,4 см с неорнаментированной поверхностью (Рис. 7:40). У одной из подвесок нижняя часть имеет круглую форму, выполнена также из серебра, снабжена парным вырезом внизу, не имеет орнамента. Ее диаметр – 2,2 см. Бусина – серебряная (?), сферическая, спаянная из двух половинок (Рис. 7: 41).

Бусы

Кроме сердоликовых бус, входящих в состав подвесок, среди вещей комплекса был найден обломок стеклянной бусины сине-зеленого цвета (Рис. 2) с диаметром 2 см.

Римские монеты

В состав клада входило 12 римских денариев чеканки II в. н.э. (Рис. 9). По эмитентам они распределяются следующим образом: Адриан – 1 экз., Антонин Пий – 5 экз. (в т.ч. 1 экз. – для Фаустины Старшей и 3 в ее память), Марк Аврелий – 2 экз. (в т.ч. 1 экз. – в память Антонина Пия), Коммод – 3 экз. (в т.ч. 1 экз. – для Криспины), варварское подражание денарию. Общий вес денариев составляет 34,5 г, соответственно средний – 2,8 г. Практически все денарии обладают крайне слабой

Рис. 5. Браслеты с расширенными концами из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

степенью сохранности: имеют значительные потертости, иногда сколы. В двух случаях оборотная сторона монет была практически полностью затерта (№№ 1 и 12), что сделало невозможным точное их определение.

1. Адриан (117-138 гг.) (Рис. 9:1)
AR, денарий
Л.с.: [HA]DRIANVSAVG[VSTVSPPP]; голова Адриана без венка вправо.
О.с.: не читается.
Дата чеканки: 117-138 гг.; место чеканки: Рим.
Диаметр 17 мм; вес 2,6 г.; сохр. А 4.
2. Антонин Пий (138-161 гг.) (Рис. 9:2)
AR, денарий
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS P P P; голова Антонина Пия без венка вправо.
О.с.: [TRP]O[T]CO[SII]; Фелицитас стоит влево, держит каду-

- цей и рог изобилия.
Дата чеканки: 139 г.; место чеканки: Рим.
Диаметр 18 мм; вес 3,0 г.; сохр. А 4.
RIC 48.
3. Антонин Пий (138-161 гг.): Фаустина Старшая (Рис. 9:3)
AR, денарий
Л.с.: FAVSTINA [AVGVSTA]; драпированный бюст Фаустины вправо.
О.с.: C[ONCORDIA AVG]; Конкордия стоит прямо, голова влево, держит патеру и рог изобилия.
Дата чеканки: 141 г.; место чеканки: Рим.
Диаметр 16 мм; вес 2,7 г.; сохр. А 4.
RIC 335; RSC 151.
  4. Антонин Пий (138-161 гг.): Фаустина Старшая (Рис. 9:4)
AR, денарий

Рис. 6. Пластинчатые головные украшения из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

Л.с.: [DIVA] FAVS[TINA]; драпированный бюст Фаустины вправо.

О.с.: [CONSEC]RATIO; павлин идет вправо, голова влево.

Дата чеканки: 141 г.; место чеканки: Рим.

Диаметр 16 мм; вес 3,0 г.; сохр. А 4.

RIC 384.

5. Антонин Пий (138-161 гг.): Фаустина Старшая (Рис. 9:5)

AR, денарий

Л.с.: DIVAFAVSTINA; драпированный бюст Фаустины вправо.

О.с.: [AETE]R[NITAS]; Этернитас стоит прямо, голова влево, держит глобус, над головой развивается покрывало.

Дата чеканки: 141 г.; место чеканки: Рим.

Диаметр 17 мм; вес 3,2 г.; сохр. А 4.

RIC 351; RSC 32.

6. Антонин Пий (138-161 гг.): Фаустина Старшая (Рис. 9:6)

AR, денарий

Л.с.: [DI]VAFAVSTI[NA]; драпированный бюст Фаустины вправо.

О.с.: [AETER] NITAS; Фортуна стоит влево, держит шар и руль.

Дата чеканки: 141 г.; место чеканки: Рим.

Диаметр 18 мм; вес 3,1 г.; сохр. А 4.

RIC 348.

7. Марк Аврелий (161-180 гг.): Антонин Пий (Рис. 9:8)

AR, денарий

Л.с.: DIVVSANTONINVS; голова Антонина Пия без венка вправо.

О.с.: DIVOPIO; квадратный алтарь.

Дата чеканки: 176-180 гг.; место чеканки: Рим.

Диаметр 17 мм; вес 3,0 г.; сохр. А 3.

RIC 441.

8. Марк Аврелий (161-180 гг.) (Рис. 9:9)

AR, денарий

Л.с.: MAVRELANTONINVS[AVG]; голова Марка Аврелия в венке вправо.

О.с.: [TRPXXXIIMPVII]COSIPP; Марс стоит вправо, держит копье, правой рукой опираясь на щит.

Дата чеканки: 178-179 гг.; место чеканки: Рим.

Диаметр 18 мм; вес 2,7 г.; сохр. А 4.

RIC 396.

9. Коммод (180-192 гг.): Криспина (Рис. 9:10)

AR, денарий

Л.с.: CRISPINA AVGV[STA]; драпированный бюст Криспины вправо.

О.с.: HI[LARITAS]; Хиларитас стоит влево, держит длинную пальмовую ветку и рог изобилия.

Дата чеканки: 177-182 гг.; место чеканки: Рим.

Диаметр 18 мм; вес 3,2 г.; сохр. А 3.

RIC 282.

10. Коммод (180-192 гг.) (Рис. 9:11)

AR, денарий

Л.с.: MCOMMODVSANTONINVS AVG; голова Коммода в венке вправо.

О.с.: TRPVIIIMP COSIPP; Этернитас стоит прямо, голова влево, держит палицу над шаром и скипетр.

Дата чеканки: 181-182 гг.; место чеканки: Рим.

Диаметр 17x18 мм; вес 2,7 г.; сохр. А 3.

RIC 19; RSC 804.

11. Коммод (180-192 гг.) (Рис. 9:12)

AR, денарий

Л.с.: [MCOM]MODVS [...]; голова Коммода в венке вправо.

О.с.: не читается.

Дата чеканки: 180-192 гг.; место чеканки: Рим.

Диаметр 17 мм; вес 2,2 г.; сохр. А 4.

12. Варварское подражание (Рис. 9:7)

AR (18 мм; 3,1 г)

Л.с.: D[...] ANTONIOVS; варваризированное изображение головы Антонина Пия без венка, вправо;

О.с.: C[...] ; варваризированное изображение орла, стоящего на алтаре, голова влево

прототип: Марк Аврелий (161-180 гг.): Антонин Пий (посм.); AR, денарий, 161 г., Рим, RIC 429 или 430; Л.с.: DIVVSANTONINVS; голова Антонина Пия без венка, вправо / О.с.: CONSECRATIO; орел стоит вправо на алтаре, голова влево.

Предметы неясного предназначения

Узкие пластины шириной 6-8 мм, толщиной 3 мм, длиной около 10 см из серебряного сплава – 3 экземпляра (Рис. 2). Возможно являлись ювелирными заготовками.

Обломок от круглой или полукруглой бронзовой пластины размером 8x3,8 см с сохранившимися 14 отверстиями диаметром 3 мм, идущими вдоль края, расстояние между ними также около 3 мм (Рис. 2).

Заклепка бронзовая (рис. 2) длиной 2,2 см, с полусферической шляпкой диаметром 1,2 см, стержень частично обломанный (?), в месте слома имел сечение 2x2 мм.

Датировка

Достаточно хорошо известны дореволюционные находки больших круглых брошей из Княжей горы/Пекарей Черкасской области (Рис. 3:11), Михайловки Киевской области (Рис. 3:10); круглой броши с солярной символикой из раскопок поселения Тайманово в Могилевской области республики Беларусь (Харитонович, 2016. Рис. 2: 1,7; 3: 8; Дубицкая, 2016. Рис. 5: 6, 7 (Рис. 3:12)), к позднему стилю можно отнести похожую фибулу-брошь из Трикаты в Латвии (Рис. 3:13); фибулу-брошь из Кирстулы в Финляндии (Корзухина, 1978. С. 78). Киевский

Рис. 7. Пластинчатые трапециевидные подвески, сложные подвески и цилиндрические пластинчатые пронизы из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К.В.)

коллега М.Е. Левада впервые обратил внимание на значительное количество недавно выявленных новых фибул позднего стиля (Левада, 2010. С. 573-584). Довольно многочисленными являются находки последних двух десятилетий из Сумской (Кролевецкий р-н), Полтавской областей. Известны единичные экземпляры из Винницкой, Киевской, Черниговской областей. Дериваты такого типа украшений известны в составе погребального инвентаря Рязано-Окских могильников в Заречье и Борок-2 (Ахмедов, Белоцерковская. 2019. Рис. 2:10-11), где они

датируются концом IV в. Достаточные основания для поздней датировки имеет фибула-брошь из Николаевки, найденная на севере Курчатовского района Курской области в зоне распространения памятников финала черняховской культуры (Льговско-Фатежская группа) (Рис. 3:9) (Радюш, 2008. С.???, Рис.???, 2018. С. Рис. 2:30). Богатый подъемный материал с поселения и кратковременность его существования позволяет отнести ее также к концу IV – началу V вв. Фибула-брошь по типу близкая находке из Тайманово и Трикаты была найдена также в зоне

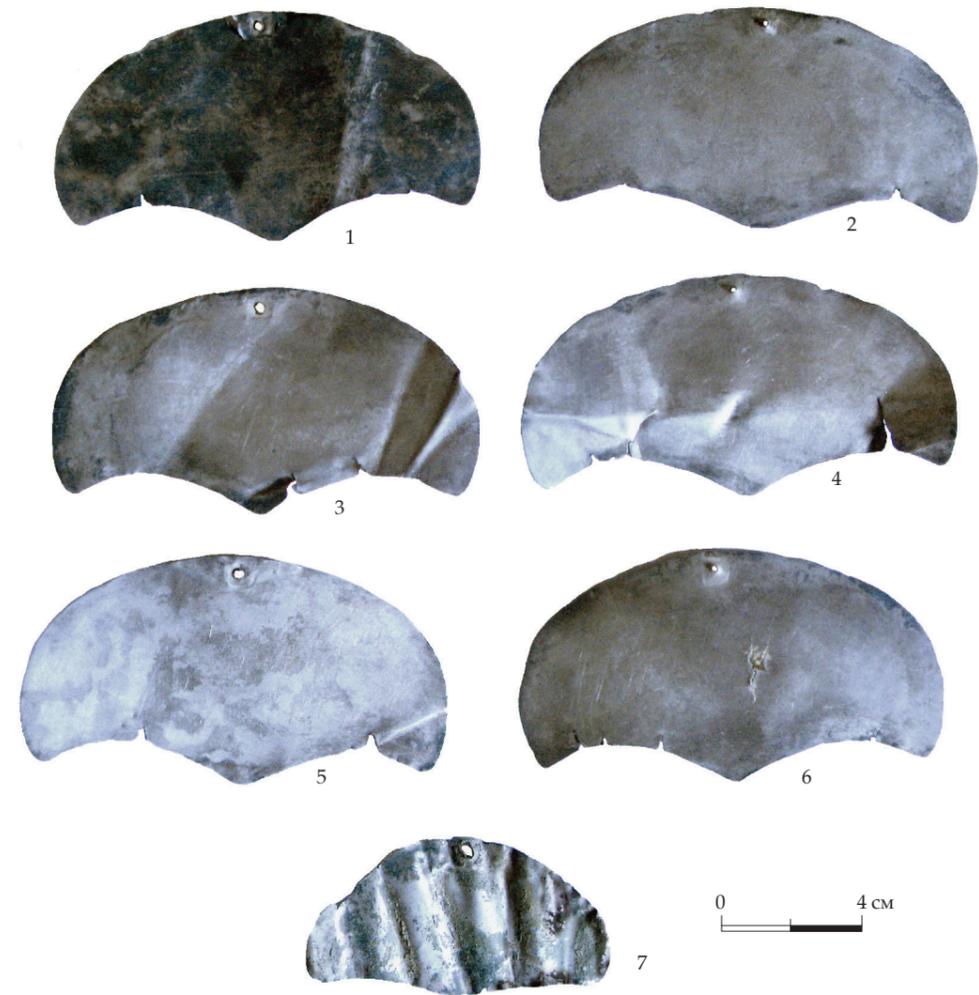

Рис. 8. Пластинчатые лунницы из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

памятников Льговско-Фатежской группы в Золотухинском районе (Радюш, 2018. Рис. 5:12). Ни на одном поселении этого микрорегиона также пока неизвестны находки раньше конца IV в.

Ведерковидные подвески, судя по наблюдениям О.В. Гопкало, появляются на раннем этапе черняховской культуры (Гопкало, 2008. С. 65) и, таким образом, не могут служить основанием для датирования очевидно позднего комплекса. Подвески с пластинчатыми круглыми и ромбическими деталями, по всей видимости, можно отнести к погребениям группы 6 в классификации О.В. Гопкало, которая датируется раннегуннским временем. Комплексы этого типа сопровождаются двупластинчатыми фибулами и пряжками серии Гороховский Е с хоботовидными язычками, выступающими за рамку (Гопкало, 2008. С. 108).

14-гранные бусины из полудрагоценных камней (сердолик, карнеол), в черняховской культуре появляются не ранее последней трети III в. (Гопкало, 2010. С. 73). Ожерелье с такими бусинами из состава клада в Сухоносковке, по мнению М.Е. Левады, следует отнести к группе 5 в периодизации О.В. Гопкало (Левада, 2010. С. 587), связанной с раннегуннским временем.

Гривны – крайне редко встречающаяся категория украшений для черняховской культуры, известны их экземпляры из проволоки с застежками-крючками на раннем этапе (Косанов, Черепин) и могильнике в Добрудже (Магомедов, 2001. С. 75). С территории распространения вещей эмалевой традиции в лесной зоне также известны шейные украшения. В комплексе вещей с эмалями на раннем этапе в большом количестве присутствует два типа гривен: первый с замками, украшенными эмалевыми вставками типа Кошибеевской, и гривны с кольцевидными окончаниями, которые встречаются как в кладах, так и в виде одиночных вещей. С этих же территорий происходят и единичные находки серебряных или посеребренных гривен, к сожалению не имеющих надежных оснований для датировок и соотношения с эмалевым костюмом. Гривна из меди с серебряной обтяжкой была найдена в Трубчевском районе Брянской области (Корзухина, 1978. С. 72, Таб. 2:3). Типологически она может быть отнесена к римскому времени, а использование серебра предполагает ее дату ближе к началу эпохи переселения народов, однако никаких других признаков, связующих ее с эмалевым кругом у данной находки нет. В своде Г.Ф. Корзухиной приводится находка клада серебряных гривен с фасети-

Рис. 9. Римские денарии из клада найденного у с. Мощное. (Фото: Мызгин К. В.)

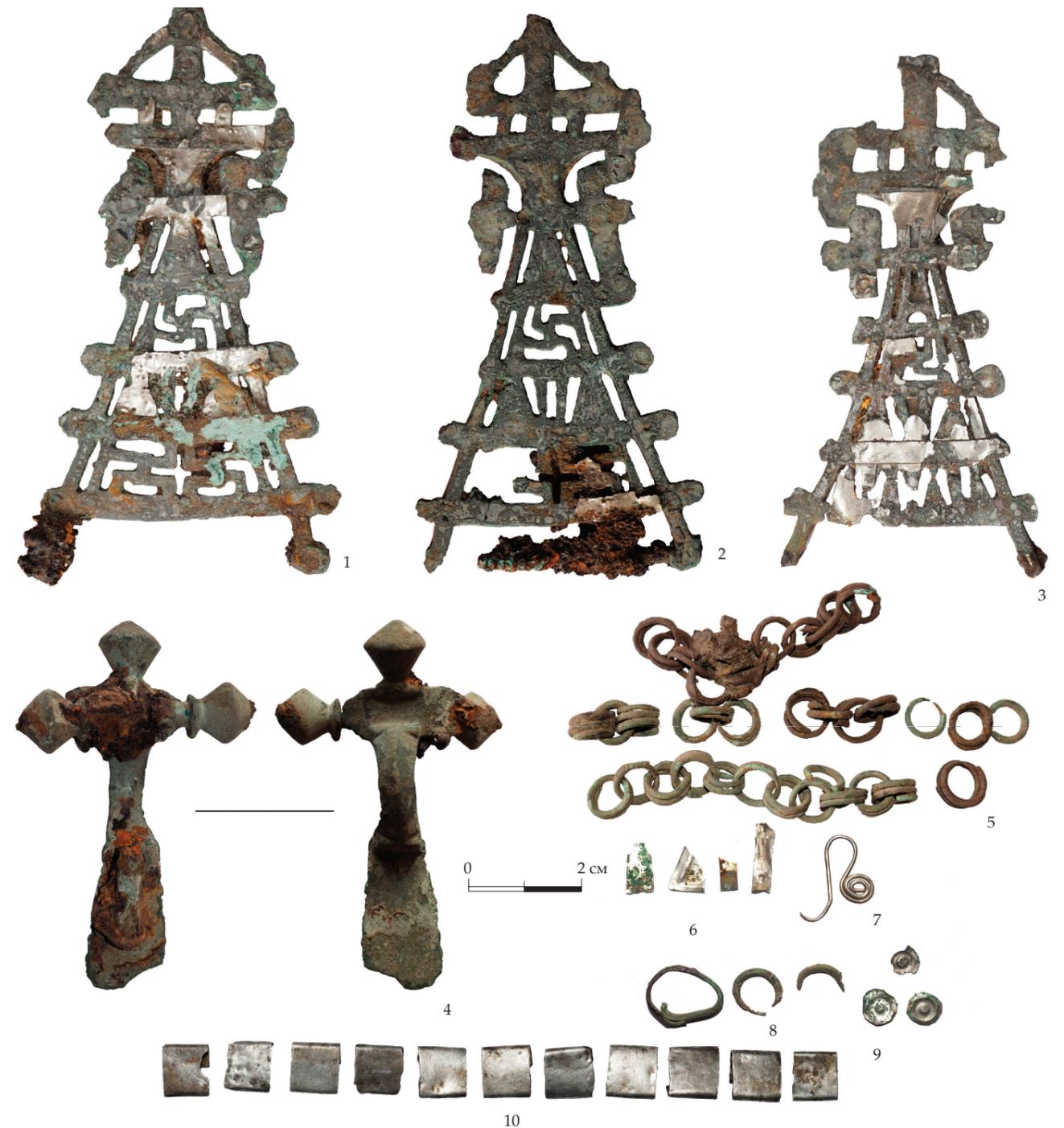

Рис. 10. Клад найденный у хут. Бессоновский в Орловской области (Фото: Радюш О.А.)

рованным корпусом и замком с петлей из Маекино Новгород-Северского района Черниговской области (Корзухина, 1978. С. 72). Оснований для отнесения этих находок именно к эмалевому кругу также нет. Их датировка вероятнее всего связана с эпохой Великого переселения народов, учитывая распространение фасеточного стиля и изделий из серебра, в том числе и на север. Очевидно, что традиция ношения шейных гривен была распространена на раннем этапе развития эмалевого комплекса, в отличие от черняховской культуры, поэтому

присутствие этой категории вполне естественно.

Серебряная литая гривна из Мощного в своем лаконичном исполнении ближе к типу золотых шейных украшений, представленному в женском захоронении из Унтерзибелбрунн (Tejral, 2011. S. 161, Abb. 149), и близких к нему находкам на территории Балкан, датирующихся ступенью D2.

Браслеты с расширенными окончаниями на территории Поднепровья и Поочья традиционно датируются третьей четвертью VII в. Аналогичные находки из Сухоновски

М.Е. Левада отнес на основании вещей из погребения 21 Шатрищенского могильника на средней Оке к V в. (Левада, 2011. С. 587).

Двупластинчатые фибулы представлены двумя типами, один из которых вполне соотносится с материалами черняховской культуры V фазы («Журавской») по Е.Л. Гороховскому, которую он датирует последней четвертью IV в. – первой третью V в. (Гороховский, 1988. С. 45-46). Ближайшая аналогия представлена в погребении 2 могильника Журавка-Ольшанская (Гороховский, 1988. С. 41:81), погр. 26 могильника Курники, (Магомедов, 1999. Рис. 9:5, 6). Но все же такие фибулы более характерны для погребений начала эпохи Великого переселения народов в Крыму, на Черноморском побережье Кавказа. В черняховской культуре комплексы гуннского времени являются исключением, маркирующим финал древностей (Gavritukhin, 2003. Map 5). Согласно наблюдениям А. Коковского, крупные двупластинчатые фибулы в основном встречались между Днестром и Днестром и отсутствовали на левобережье Днепра и в верховьях Северского Донца (Kokowski, 1996. S. 156-158). Второй вариант – маленькая бронзовая фибула – может относиться к чуть более раннему периоду, ко второй половине IV в. (фаза IV «Масловская» по Е.Л. Гороховскому). Эти находки известны по всей территории черняховской культуры, кроме Трансильвании (Магомедов, 1996. С. 68; Gavritukhin, 2003. Map 2).

В качестве дополнительного хронологического наблюдения следует также отметить массовое использование серебра в изделиях клада. О возможных причинах этого явления будет сказано ниже. В целом клад, вероятнее всего, следует датировать в рамках фазы D2, то есть концом IV в. – первыми десятилетиями V в. н.э.

Для надежной датировки финальной стадии развития вещей круга эмалей важны и некоторые не столь представительные находки последних лет. К ним, в первую очередь, следует отнести небольшой комплекс, найденный в верхнем Поочье на территории Орловской области. В 2018-2019 гг. экспедиция под руководством одного из авторов обследовала место находки клада у пос. Бессоновский в Болховском районе на берегу оврага, впадающего в р. Орс, левого притока р. Нутрь, левый приток р. Ока (Радюш, 2020). Клад состоял из трех треугольных фибул длиной 10-11 см, конструкция каждой из которых образована двумя выступающими с внутренней стороны планками-направляющими, между которыми находится площадка, украшенная прорезным орнаментом в виде геометрических фигур и солярных символов (Рис. 10:1-3). Вся поверхность декорирована напаянными накладками различной формы из серебряной фольги, имеющей точечную пуансонную набивку по краям. На концах поперечин, формирующих каркас фибулы, находятся подокруглые площадки, в нижней части на выступах – процветшие розетки, в таком же «ажурном» стиле оформлен и хвост украшения. У одной фибулы сохранились остатки аппарата для крепления иглы из железного стержня и бронзовой декоративной псевдопружины. В кладе также находилась одна крестовидная фибула рязано-окского типа из цветного металла длиной 6,5 см, с остатками пружинного аппарата (Рис. 10:4). Остатки цепи из спиральных колец диаметром около 1 см, в которых сохранились обломки железной иглы от крестовидной фибулы (Рис. 10:5), 10 пластинчатых серебряными обоймицами подквадратной формы (рис. 10:10), 7 фрагментами штампованных накладок из серебряной фольги и прямоугольных полос (рис. 10:6, 9), проволочная серебряная S-видная подвеска с волутообразными окончаниями (рис. 10:7), небольшие бронзовые сведенные колечки (рис. 10:8). Судя по описаниям оставленным находчиками, в состав комплекса клада входили и другие предметы, но первоначальный комплекс в ходе конфликта был разделен ими на части, и в музейный фонд передана только публикуемая часть².

При обследовании места находки у пос. Бессоновский была найдена также фрагментированная треугольная фибула круга «выемчатых эмалей» с красной эмалью более раннего типа, мелкофрагментированная груболепная керамика близкая киевско-количинской традиции, нож и массивное тесло, что позволяет предполагать зарытие клада непосредственно на поселении.

Стилистически треугольные фибулы из Бессоновского представляют развитый финальный этап стиля восточноевропейских эмалей, их можно отнести к типу Тип III.3 по Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 24). Близкие экземпляры были ранее известны из Смоленской области (Дрокова (Корзухина, 1978. П. 245, С. 85)); Литвы (Рудишкяй (Корзухина, 1978. П. 280, С. 82; Michelbertas, 2016. S. 82)); Латвии (Мартинсале (Корзухина, 1978. П.183, С.80); Днепропетровской области (Сурская забора (Левада, 2010. Рис. 19:1, 16). В последние десятилетия количество находок значительно возросло. Так, данный тип зафиксирован в составе малого клада из Смолевичского района Минской области (парные фибулы, пластинчатый браслет, спиральные пронизки, спиральные браслеты) (Радюш, 2020б. В печати). Отдельные находки происходят из Ивнянского района Белгородской области, Докшицкого района Витебской области республики Беларусь; Киевской области, клада из Сухоносовки. Случайные находки известны в Полтавской (Беребеницы, Пирятин) (Левада, 2010. Рис. 18:3, 4; 19:4); Черкасской (Гребля), Черниговской (Днепровское; Новгород-Северский район) областях Украины; Орловской (Балдыж); Тульской (Косолапово (Левада, 2010. Рис. 18:6-9)), Владимирской (Юдиха) (Левада, 2010. Рис. 18:5) областях Российской Федерации; в республике Крым (Керчь; Синапное (Бахчисарайский р-н.)) (Левада, 2010. Рис. 19:2). Известен фрагмент, происходящий с территории Юга России (вероятно из дореволюционных или довоенных сборов в Приднепровье), хранящийся в музее до- и ранней истории в Берлине³. Для датировки этого комплекса и поздней стилистики вещей круга эмалей несомненно важное значение имеет крестовидная фибула рязано-окского типа, появление которой относится к концу IV – нач. V вв. (Ахмедов, 2012. С. 116).

Стилистически треугольные фибулы из Бессоновского представляют развитый финальный этап стиля восточноевропейских эмалей, их можно отнести к типу Тип III.3 по Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 24). Близкие экземпляры были ранее известны из Смоленской области (Дрокова (Корзухина, 1978. П. 245, С. 85)); Литвы (Рудишкяй (Корзухина, 1978. П. 280, С. 82; Michelbertas, 2016. S. 82)); Латвии (Мартинсале (Корзухина, 1978. П.183, С.80); Днепропетровской области (Сурская забора (Левада, 2010. Рис. 19:1, 16). В последние десятилетия количество находок значительно возросло. Так, данный тип зафиксирован в составе малого клада из Смолевичского района Минской области (парные фибулы, пластинчатый браслет, спиральные пронизки, спиральные браслеты) (Радюш, 2020б. В печати). Отдельные находки происходят из Ивнянского района Белгородской области, Докшицкого района Витебской области республики Беларусь; Киевской области, клада из Сухоносовки. Случайные находки известны в Полтавской (Беребеницы, Пирятин) (Левада, 2010. Рис. 18:3, 4; 19:4); Черкасской (Гребля), Черниговской (Днепровское; Новгород-Северский район) областях Украины; Орловской (Балдыж); Тульской (Косолапово (Левада, 2010. Рис. 18:6-9)), Владимирской (Юдиха) (Левада, 2010. Рис. 18:5) областях Российской Федерации; в республике Крым (Керчь; Синапное (Бахчисарайский р-н.)) (Левада, 2010. Рис. 19:2). Известен фрагмент, происходящий с территории Юга России (вероятно из дореволюционных или довоенных сборов в Приднепровье), хранящийся в музее до- и ранней истории в Берлине³. Для датировки этого комплекса и поздней стилистики вещей круга эмалей несомненно важное значение имеет крестовидная фибула рязано-окского типа, появление которой относится к концу IV – нач. V вв. (Ахмедов, 2012. С. 116).

² В настоящее время клад передан в фонды ГВМЗ «Куликово поле».
³ Благодарю за информацию и фотографии О.А. Хомякову (ИА РАН)

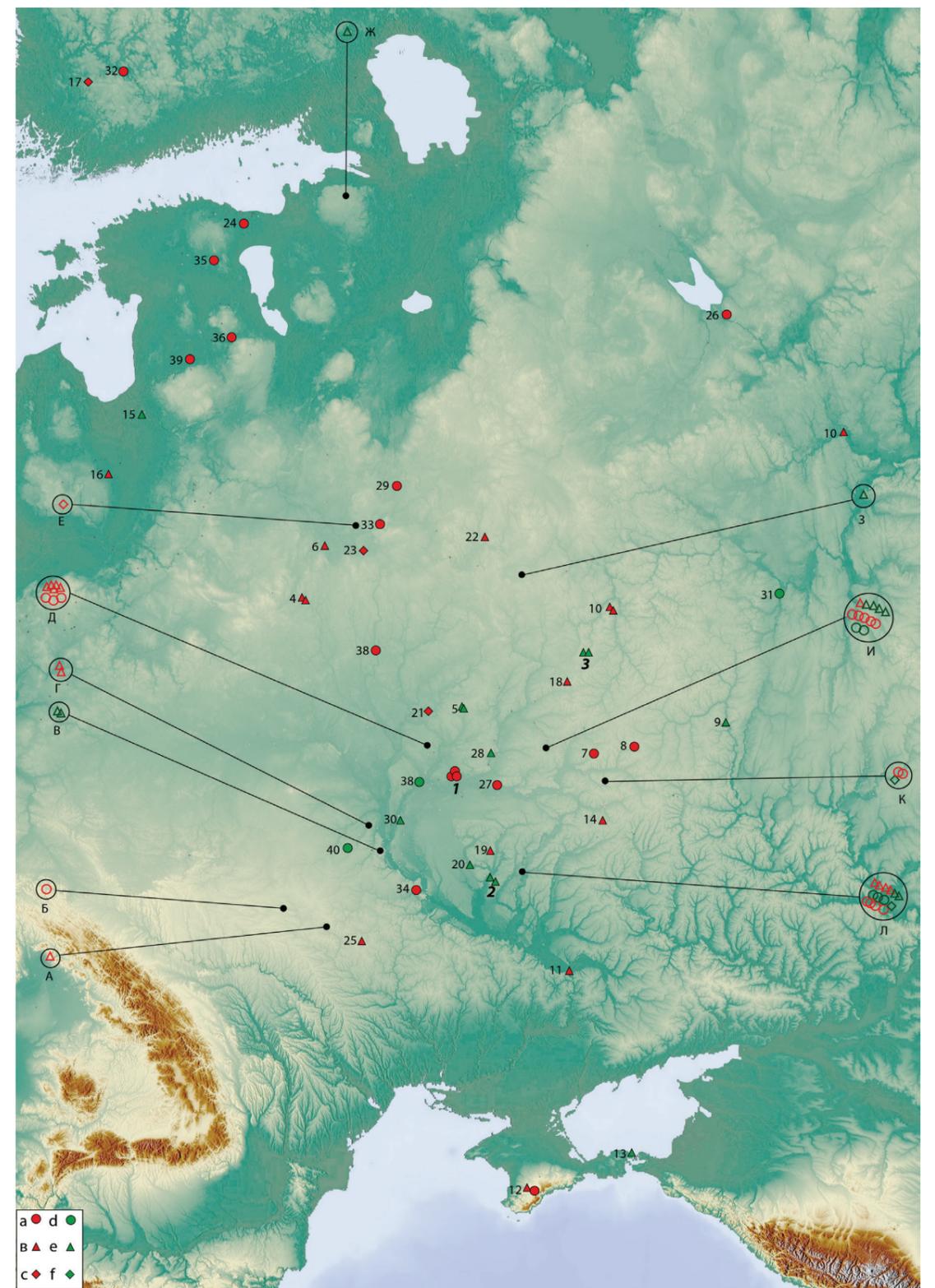

Рис. 11. Распространение дисковидных (a, d), треугольных (b, e) и дериватов (c, f) двупластинчатых фибул круга варварских эмалей позднейших типов рассматриваемых в статье (По: Левада М.Е., 2010, с авторскими дополнениями: красные значки с эмалью, зеленые без эмалей). Клады: 1. Мощное, 2. Сухоносовка, 3. Бессоновский; 4. Смолевичский район; Отдельные локализованные находки: 5. Севский р-н.; 6. Докшицкий район; 7. Николаевка; 8. Золотухинский район; 9. Мухино; 10. Юдиха; 11. Сурская Забора; 12. Синапное; 13. Керчь; 14. Ивнянский район; 15. Мартинсале; 16. Рудишкяй; 17. Урьяла; 18. Балдыж; 19. Бербеницы; 20. Пирятинский район; 21. Овчинец; 22. Дрокова; 23. Зазыбы; 24. Аарла; 25. Гребля; 26. Берзеники; 27. Камень; 28. Новгород-Северский район; 29. Озерки; 30. Днепровский; 31. Заречье; 32. Кирстула; 33. Косово/Выставка; 34. Княжа гора; 35. Кярде; 36. Ваагула; 37. Тайманово; 38. Черныш; 39. Триката; 40. Михайловка. Нелокализованные находки: А, В. Черкасская область; Б. Винницкая область; Г. Киевская обл.; Д. Черниговская область; Е. Витебская область; Ж. Ленинградская обл.; З. Смоленская область; И. Сумская область; К. Курская область; Л. Полтавская область.

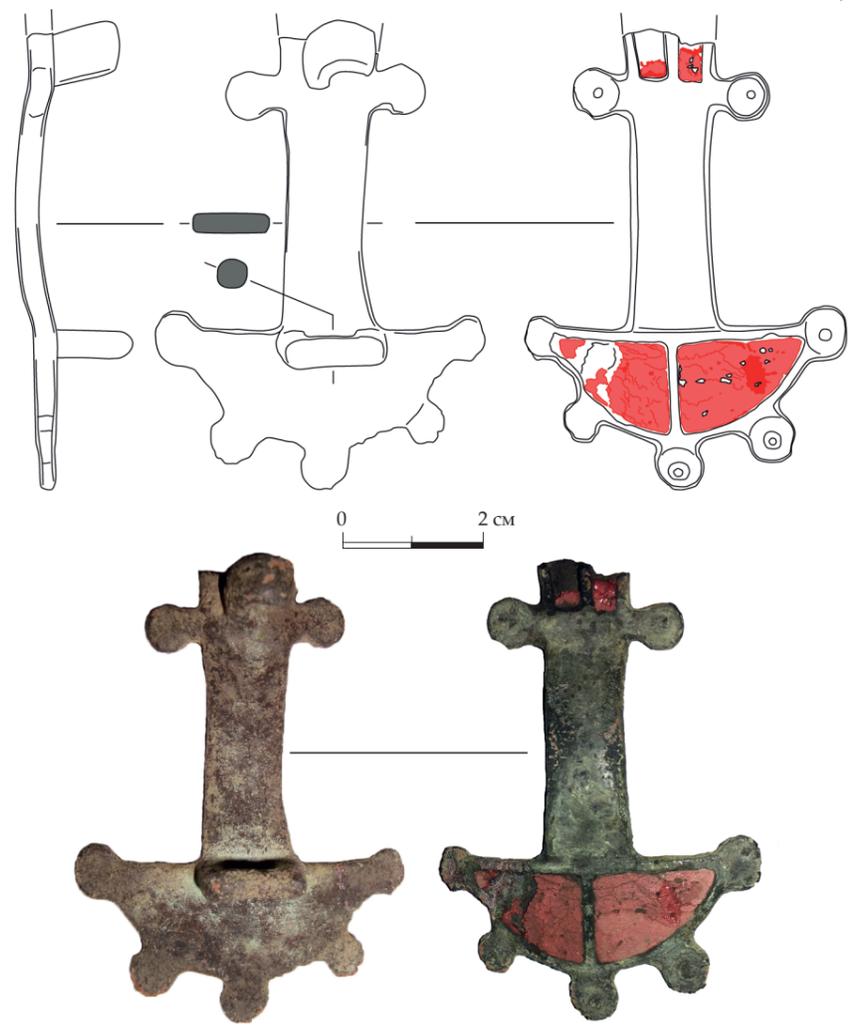

Рис. 12. Дериват двупластинчатой фибулы в стилистике восточноевропейских выемчатых эмалей (найденная у д. Зазыбы Витебской области. Рисунок и фото: Радюш О. А.)

Некоторые выводы

Монетно-вещевые клады весьма характерны для Восточного Барбарикума, и в значительно меньшей степени для Северного и Центрального. Монеты попадали в такие комплексы с хронологической структурой типа D по А. Дымовскому и К. Мызгину – наиболее часто встречаемой категории кладов на территории всего Барбарикума от Скандинавии и Балтики до Черного моря. Структура монетной части клада из Мощного весьма типична для депозитов денариев на территории всего Восточного Барбарикума, где они составляют подавляющее число находок (Мызгин, 2013. С. 218). Практически все монетно-вещевые депозиты, обнаруженные на территории Восточной Европы, содержат денарии I-II вв. и вещи, датирующиеся ступенями С3, С3/Д1 и Д1 центрально-европейской хронологической системы. Как правило, в них содержатся только позднейшие вещи ступеней Д1/Д2 и денарии, имеющие очень сильную степень износа, не характерную для основного массива находок денариев на территории Восточной Европы,

что, в свою очередь, свидетельствует об их долгом употреблении, возможно, не столько как эквивалента в торгово-обменных операциях, сколько в качестве сырья для ювелирных изделий. Среди монетно-вещевых кладов позднеимперского времени стоит особо обратить внимание на комплексы с вещами ступени Д1, прежде всего, двупластинчатыми фибулами. К таковым, например, относится небезызвестный клад, обнаруженный возле с. Нежин Черниговской области (литература и комментарии см.: Мызгин, 2011. С. 136, № 10). Комплекс с довольно поздними вещами был обнаружен возле с. Отульцы в Харьковской области (информация К.В. Мызгина). Клад монет, содержащий наряду со 184 денариями поясной набор, датирующийся в пределах конца ступени С3 – начала ступени Д1, найден возле с. Пименово Курской области в бассейне Сейма (Myzgin, Radyush, 2017). Клад с частями серебряного поясного набора вместе с десятками денариев найден в Железногорском районе⁴.

⁴ Благодарим за информацию директора Курского государственного областного музея археологии Г.Ю. Стародубцева и администрацию Железногорского краеведческого музея, куда находка была передана.

Клад, состоявший из более чем 800 денариев, серебряных секировидных привесок и деталей гарнитуры в полихромной технике, найден грабителями на поселении Снагость в Корневском районе (Gavritukhin, Radyush, 2018. Fig. 2:24). Кроме того, на территории Украины известен еще ряд монетно-вещевых депозитов, содержащих поздние вещи, однако информация о них, опубликованная на кладоискательских форумах, весьма скупа, в ней отсутствует хотя бы приблизительное место находки, а потому такие комплексы даже частично не могут быть введены в научный оборот. Тем не менее, во всех этих случаях прослеживается одна характерная тенденция: денарии в таких кладах всегда имеют очень слабую степень сохранности, что говорит об их довольно длительном периоде обращения. Как известно, для черняховской культуры денарии с самого начала ее формирования выступают анахронизмом (Мызгин, Дымовский, 2014. С. 82-83). В дальнейшем они «сопровождают» культуру вплоть до ее угасания, о чем говорят, в частности, не только вышеописанные монетно-вещевые комплексы, но также и отдельные погребения с монетами и монетами-подвесками (Мызгин, 2010. С. 110-111). В Центральной и Северной Европе римские денарии продолжали обращаться и позднее, в раннем средневековье (подробнее см.: Martin, 2004; Zapolska, 2007, и литература там). По всей видимости, рассматриваемый клад как раз является отображением довольно длительного употребления денариев варварским населением Восточной Европы.

Значительная часть обычных монетных кладов с денариями в Посеймье находится к северу от Сейма, на территории, где памятники черняховской культуры неизвестны, кроме очагового выплеска их в виде поздней «Львовско-Фатежской» группы, точное происхождение которой, в связи с отсутствием раскопок памятников широкими площадями, в настоящее время не совсем ясно. В то же время на этих территориях хорошо известны позднейшие вещи круга «выемчатых эмалей», в том числе из раскопок поселений киевского типа (Енуков, Веретюшкин, 2017. С. 79-81). Для большинства этих кладов характерна сильная изношенность монет. В последние годы стали известны и находки отдельных монет и кладов в Орловском Поочье на поселениях, связанных с киевско-колочинской традицией в регионе. Для ранних типов вещей круга «выемчатых эмалей» совершенно нехарактерно использование серебра в изготовлении вещей. Встречаются такие предметы лишь в единичных случаях (Красный Бор). Также крайне редко фиксируется посеребрение участков изделий. Напротив, для позднейших вещей мы наблюдаем повсеместное использование как серебрянных пластин с штамповкой и без нее, так и изготовление пластинчатых украшений и браслетов непосредственно из серебрянных сплавов. К сожалению, известны неverified комплексы, полученные в результате грабительских раскопок в Черниговской области, состоящие только из серебрянных вещей этого же периода и близких типов (браслеты с расширенными концами, гривны, головные украшения, венчики), но уже без вещей из эмалевого комплекса. Мы можем предположить, что причиной этого технологического

сдвига могло стать появление значительного объема серебра у населения на поздней стадии киевской культуры. Его источником в таком случае послужили запасы, аккумулированные жителями черняховских поселков. И вследствие разгрома организованной структуры, объединившей «несостоящуюся народность», наследники эмалевого традиция вновь начинают активную самостоятельную политику и расселяются на территории, которая ранее у них была захвачена готами и их союзниками.

Сходство трех кладов из Сухоносовки представляется очевидным. В кладе из Мощного венчики и браслеты очень близки по формам, конструкции и орнаментации. В кладах из Сухоносовки и Бессоновского присутствуют треугольные фибулы, также очень близкие по конструкции и применяемой декоративной технике. Кроме этого, в Бессоновском и Мощном используются подвески в виде S-видных проволочных деталей с волутообразными окончаниями. В наборе из Мощного и Сухоносовки лунницы отличаются декоративным оформлением, но принципиально это также пластинчатые украшения пельтовидной формы, которые неизвестны в ранних кладах круга эмалей и в черняховской культуре ранней стадии. Следует отметить и активное использование серебра для изготовления разных типов вещей. Наборы с подобными вещами известны из нелокализованных грабительских находок и в других регионах: на территории Подесенья и верхнего Поднепровья. Скорее всего мы имеем дело с одним общим горизонтом древностей раннегуннского времени. На данный момент комплекс из Мощного представляется наиболее полным из такого рода кладов, но скорее всего и он не исчерпывает всех категорий вещей.

Клад из Мощного, также, как и находка из Сухоносовки, демонстрирует процесс значительной трансформации вещевого комплекса позднего этапа развития восточноевропейских выемчатых эмалей. Из прежнего разнообразия украшений с эмалью сохраняются только фибулы-броши и треугольные фибулы с напайками штампованного декора или полос из серебряной фольги, а также пластинчатые дерриваты треугольных и Т-образных фибул.

Одним из позднейших и исключительным для черняховской культуры комплексом является погребение 2 могильника Компанийцы в Полтавской области, где молодая женщина была захоронена вместе с парными Т-образными фибулами позднего процветшего стиля без эмалевых вставок. Захоронение совершено на территории общинного некрополя, но от большинства остальных отличается по своей простоте и ориентировке, так же как не находит аналогов в погребальном обряде культуры в целом. Узкодатирующих находок в могиле не было, присутствовали лишь сильно корродированная и потому неопределимая железная пряжка, а также обломки сердоликовой 14-гранной бусины (Некрасова, 2006. С. 106, рис. 58: 1-4). Горизонт «классической» черняховской культуры в днепродонецкой лесостепи, с которым связаны и биритуральные могильники, возможно отнести в абсолютных датах ко времени около перв.четв. IV – перв.четв. V в. (Любичев 2019. Ч. 1, С. 99; Ч. 2, С. 16-36). Оснований предполагать иную дату

по материалам Компанийцев у нас нет. Финальные погребения могильника датируются фазой D1 (350/370-390/400 гг.) (Гороховский, 1988. С. 45-46) или фазе E относительной хронологии горизонта «классической» черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи, соответствующей фазе 5 Гороховского или ступени D1 Тейрала (Любичев 2019. Ч. 2, С. 32-36), что позволяет датировать фибулы вт. четв. IV – концом IV в. Весьма сомнительно предположение о более ранней датировке этого комплекса III в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123). Учитывая даты, получаемые для кладов, вероятнее всего отнести и данное погребение к концу IV в., что вполне соотносится с хронологией могильника (Обломский, 1999. С. 82-84; Любичев 2019. Ч. 2, С. 32-35).

В Поднепровье нам неизвестны подковообразные фибулы, связанные с позднейшей стилистикой. Конечно нельзя исключать, что некоторые «дерриваты» их в это время существуют в Прибалтике и Поволжье, но этого недостаточно для надежного датирования. Отсутствуют какие бы то ни было «наследники» массивных пластинчатых браслетов с гребнями, в то же время появляются ранее неизвестные литые браслеты с расширенными гранеными и округлыми окончаниями, зачастую украшенные насечным орнаментом. Крупные лунницы заменяются на более простые пластинчатые изделия, иногда со штампованным орнаментом. Изделия существенно меняют технологическую схему. По всей видимости, интенсивными контактами с соседями – носителями черняховской культуры – можно объяснить появление в комплексах серебряных и бронзовых двухпластинчатых фибул в Поднепровье и рязано-окских крестовидных фибул в Поочье, что совершенно естественно в процессе «вымывания» архаичных массивных украшений. Этот же фактор приводит к появлению сердоликовых 14-гранных бус в наборе, заменяющих вышедшие из употребления красные пастовые бусы, встречающиеся в ранних кладах (Мощинский, Усухский (Брянский)). В этом же ключе следует рассматривать попытки подражания двухпластинчатым фибулам в стилистике эмалевого круга, примером чему служит находка из Зазыб в Витебской области (Рис. 12), которая также довольно четко определяет верхнюю дату использования эмалей для декори-

рования вещей. Эмалевые вставки, значительно сокращаясь по своей площади, качеству и сложности исполнения, сохраняются на многих треугольных и дисковидных фибулах позднейшей стилистики. Тезис об исчезновении самих эмалей в настоящее время не находит подтверждения, тогда как существование вещей в безэмалевом и эмалевом исполнении фиксируется и на более ранних этапах, и таким образом «безэмалевость» не является хронологическим признаком.

Очевидно, что находки вещей типа Сухоносовки-Мощного-Бессоновского демонстрируют сохранение эмалевого традиция на территории к северу от границ ареала черняховской культуры, откуда впоследствии ее носители могли вернуться обратно в конце IV – начале V вв. О движении населения с севера «антов» Иордана в днепро-донецкую лесостепь после распада черняховской культуры могут косвенно свидетельствовать находки в ее ареале кладов, включающих в том числе вещи в стиле «поздних эмалей» (Любичев 2019. Ч. 1, С.190). В качестве подтверждения этого тезиса к кладу из Сухоносовки (Левада 2010) добавляется клад из Мощного. Уже отмечено сходство модели костюма, совпадение структур убора круга восточноевропейских «выемчатых эмалей» и вещевого комплекса, отразившегося в «антских кладах» первой группы (Родинкова 2007. С. 67-370). В этом случае возможно вести речь о движении, после распада черняховской культуры, наследников постзарубинецкого горизонта («горизонта эмалей») из лесной полосы на юг, чьи предки были вытеснены из днепро-донецкой лесостепи еще в процессе сложения черняховской культуры во втор. пол. III в., в период существования горизонта Боромля (Любичев 2019. Ч. 1, С. 190).

Фактически, на примере кладов типа «Сухоносовка-Мощное-Бессоновский», мы наблюдаем одну из начальных стадий процесса формирования нового комплекса, связанную со вхождением населения, использующего характерный и довольно архаичный этнографический костюм, в общеварварскую стилистику эпохи Великого переселения народов, эволюционирующую впоследствии в вещи «антских кладов».

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р. 2012. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов. // Вояджер: мир и человек. Самара.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов. // КСИА Вып.254.

Битнер-Врублевска А. 2019. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбаркской и пшеворской культур. //КСИА Вып. 254.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. // Труды V Конгресса МУСА, 4. (Ред.: В.Д. Баран). Киев: Наукова думка.

Енуков В.В., Веретюшкин Р.С., Горбунов Д.С. 2017. Исследования поселения киевской культуры Курбакино. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017 г. Липецк.

Корзухина Г. Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. (Археология СССР. САИ, Вып. Е1-43). Л.

Левада М.Е., 2010. Сухоносивка. // Terra barbarica. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, II. Łódź; Warszawa).

Любичев М.В. 2019. Ранняя история Днепро-Донецкой лесостепи I-V веков. (Ostrogothica-Serie (Bände) Bd.2). В 2-х ч. Харьков.

Магомедов Б.В. 1999. Черняховский могильник Курники на Южном Буге. // Время Че: к 100-летию открытия черняховской культуры. В поисках» Ойума». Пути народов (Stratum Plus №4). Кишинев.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica I). Lublin.

Мызгин К.В. 2010. Подвески из римских монет в ареале черняховской культуры восточнее р. Прут // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. В 2-х ч.: Ч. 2. Тула.

Мызгин К.В. 2011. Монетно-вещевые клады на территории черняховской культуры // Древности. № 10. Харьков.

Мызгин К.В. 2013. Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления. // В поисках» Ойума». Пути народов (Stratum Plus №4). Кишинев.

Мызгин К., Дымовский А. 2014. Приток римских денариев I-II веков нашей эры на территорию черняховской культуры в свете хронологической структуры и территориального распределения монетных кладов // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова. (ОІУМ. № 4). Київ.

Обломский А.М. 1999. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація). // Археологія. Київ.

Обломский А.М. 2018а. Введение. // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) (Раннеславянский мир, Вып. 18). М.: ИА РАН.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского). // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). (Раннеславянский мир, 10). М.

Радюш О.А. 2008. Новые памятники III-V вв. н.э. в Курском Посемье. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Радюш О.А. 2010. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 2. Тула.

Радюш О.А. 2018. Львовско-фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях реки Сейм (Курская обл., Россия). // Studia Barbarica. Professorovi Andrzejwi Kokowskiemu w 65. Rocznice Urodzin. T. I. Lublin.

Радюш О.А. 2018. Черняховская и киевская культуры: соотношение и проблемы в интерпретации памятников на востоке днепровского левобережья. // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Тезисы международной научной конференции. Спб.

Радюш О.А. 2020. Новый ареал вещей круга выемчатых эмалей в Орловском Поочье. // Краеведческие записки Вып. 13. Орел.

Родинкова В.Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в сер. I тыс.н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М.

Харитонович З.А. 2016. Находки изделий с эмальями на территории Беларуси. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук Леонида Давыдовича Побоя, 1. Минск.

Gavitukhin I. 2003. Double-plate fibels of subgroup I // NyJAMÉ. XLIV.

Gavitukhin I., Radyush O. 2018. A polychrome brooch from Konevo (Kursk oblast / Rus) and its context. // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag, T. 1. Monographien des RGZM, Bd. 150, 1. Mainz.

Kokowski A. 1996. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowałą nóżką. // Studia Gothica I. Lublin.

Martin M. 2004. Childerichs Denare – Zum Rückstrom römischer Silber münzen ins Merowingerreich // Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte. Wien.

Michelbertas M. 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas.

Myzgin K., Radjush O. A. 2016. Hoard of Roman Denarii and a Silver Belt Set from Pimenovo (Kursk Oblast', Russian Federation) // Notae Numismaticae - Zapiski Numizmatyczne. XI. Krakow.

Tejral J. 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR.

Zapolska A. 2007. Denary rzymskie znajdowane w kontekstach wczesnośredniowiecznych na ziemiach polskich // Wiadomości

Numizmatyczne. 51.

Оценка сохранности монет

Bestimmungstafeln zur bearbeitung von Fundmünzen // Bulletin Inventar der Fundmünzen der Schweiz. – 2. – Lausanne, 1995.

Der Hortfund des 5. Jhs. n. Chr. aus Stolnoje (Černigow-Gebiet)

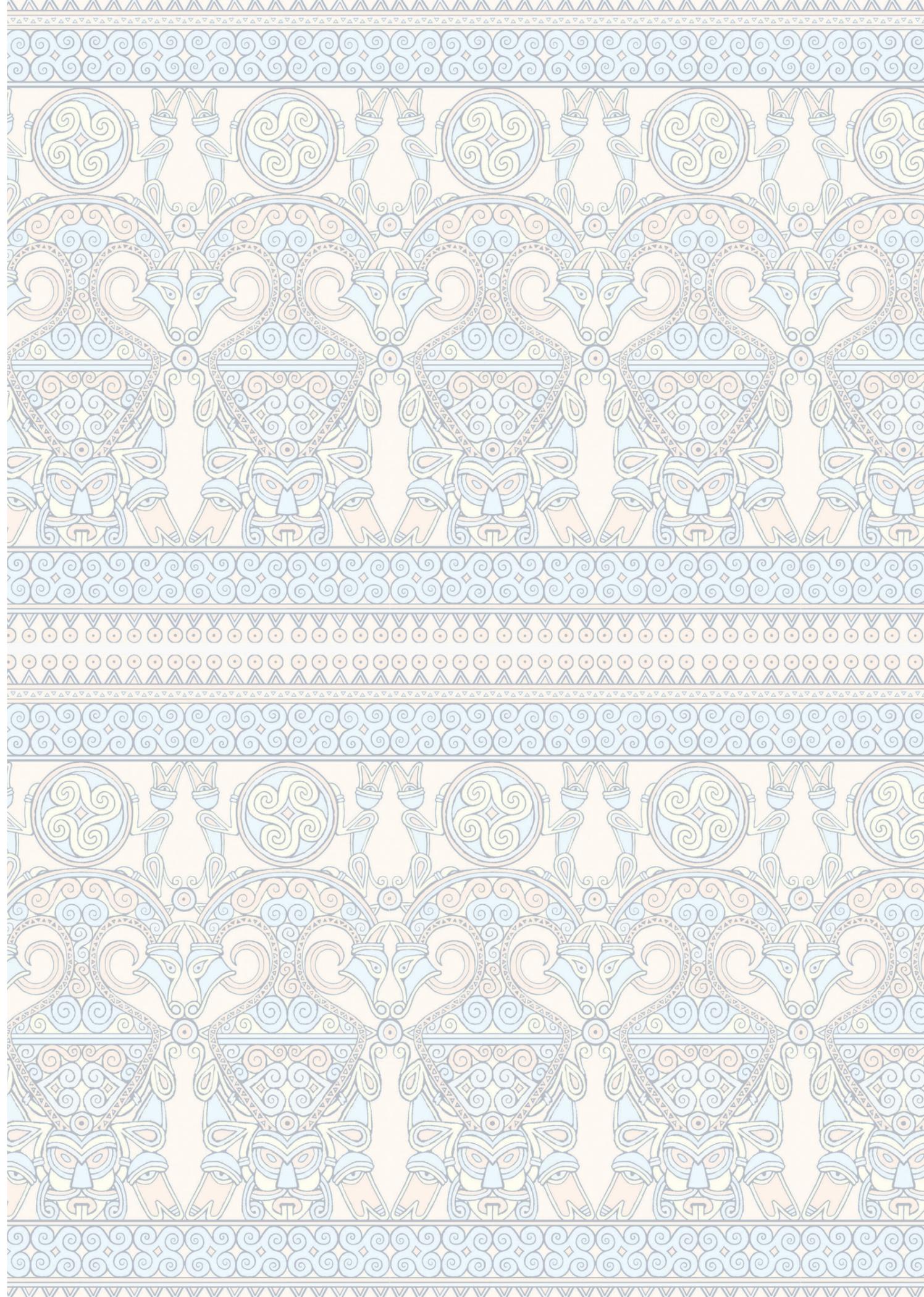
Der Artikel führt in die Forschung den Hortfundkomplex ein, der 2013 im Černigow-Gebiet in der Gegend von Dorf Moschnoje (Bezirk Menskyj) von einem lokalen Bewohner entdeckt wurde. Die Fundort ist von K. Myzgin untersucht worden, der die Fundstücke attribuiert, vermessen und photographiert hat.

Der Hortfund besteht aus 12 römischen Denarien und mehr als 80 Dingen, nämlich: Plattenhalsringe, kronförmige Plattenkopfbedeckung, trapezförmige Plattenanhänger, Armbänder mit breitgeschlagenen Enden, Plattenlunulaanhänger, ein silberer Halsring mit Ringverschluss, zwei Broschenfibeln mit Wirbel-Ornament und silberne Ringe. Außerdem ist in der Nähe von der Fundort noch eine Broschenfibel des gleichen Typs entdeckt worden. Vom besonderen Interesse sind die Fundstücke, die der s.g. Černjachow-Kultur gehören, nämlich: zwei silberne Zweiplattenfibeln mit ausgedehntem Fuss, Plattenanhänger verschiedener Form mit mehrflächigen Karneolperlen wie ein eimerförmiger Anhänger.

Der Fundkomplex lässt sich auf die Phase D2 der Völkerwanderungszeit datieren. Dass die Hortfunde diesen Typs (vorläufig als Suchonossowka-Stojnoje bezeichnet) bezieht sich

höchstwahrscheinlich auf die Desintegration von Černjachow-Kultur bzw. auf die Rückkehr der Kiewer Kulturträger in die Territorien, die sie einmal bewohnt hatten. Beachtenswert ist auch der Fundenbestand, der eine Transformation des Emailschnuckes verfolgen lässt. Am Ende diesen Prozesses, der stark durch die Černjachow-Kultur bewirkt worden war, entstand ein neuer Emailschnuck, dessen Paradebeispiel die sogenannten «Anten-Altentümer» bildeten. Die Funde aus Moschnoje bzw. Fundorten mit einem gleichen Bestand aus Dnepr-Gebiet sind die spätesten Emailstücke, die die entgültige Degradierung des Emailstils an der Schwelle zum 5. Jh. n. Chr. exemplifizieren.

K. Myzgin, O. Radjusch, M. Ljubičew

СОКРАЩЕНИЯ

АВ – Археологические вести

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України

АО – Археологические открытия

БГУ – Брянский Государственный университет

ВАШ – Высшая антропологическая школа

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВДИ – Вестник Древней истории

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМЗ – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДА – Донская археология

ЗООИД – Записки одесского общества истории и древностей

ЗРАО – Записки Императорского Российского археологического общества

ІА НАН – Інститут археології Національної академії наук України

ІГ НАНБ – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ИАК – Известия императорской археологической комиссии

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КГКМ – Курчатовский городской краеведческий музей

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КГУ – Курский государственный университет

ККМ – Калужский краеведческий музей

КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей

КСИА – Краткие сообщения Института Археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Институт истории материальной культуры

МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі

МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии

МГУ – Московский государственный университет имени М.Ломоносова

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

МУСА – Международная уния славянской археологии

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НА ІА НАН – Науковий архів Інститута археології НАН України

ОАК – Отчеты императорской археологической комиссии

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

РА – Российская археология

РАЕ – Российская академия естествознания

РАН – Российская академия Наук

СА – Советская археология

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников

СамГТУ – Самарский Государственный Технической Университет

СДДМ – Сарматские древности Днестро-дунайского междуречья

СПб – Санкт-Петербург

УАВ – Уфимский археологический вестник

BAR – British Archaeological Reports

BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission

BSSR – Byelorussian Soviet Socialist Republic

ESA – Eurasia Septentrionalis Anttiqua

JAS – Journal of Archaeological Science

JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums

MCA – Materiale si Cercetari Arheologice

NyJAMÉ – A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve

RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum

RIC – The Roman Imperial Coinage

RSC – Roman Silver Coins, London

TSR – Tarybu Socialistinė Respublika

UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Необычные предметы круга «варварских эмалей» из позднесарматского погребения могильника Валовый 1 на Нижнем Дону

С. В. Воронятов, Б. А. Раев

**Раев
Борис Аронович**

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Южного научного
центра РАН, г. Краснодар

boris_raev@mail.ru

**Воронятов
Сергей Вячеславович**

Кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник Отдела археологии
Восточной Европы и Сибири Государственного
Эрмитажа, г. Санкт-Петербург

s.voroniatorov@gmail.com

Курганный могильник Валовый 1, исследованный в 1987 г. недалеко от Ростова-на-Дону (рис. 1), после ярких музейных выставок за рубежом, в Москве и Санкт-Петербурге (Entre Asie et Europe..., 1995; Treasures..., 1996; L'Or des Amazones..., 2001; Аланский..., 2005; Сокровища..., 2008), ассоциируется у специалистов с эффектными сарматскими древностями. Недавние публикации — полная комплексов некрополя (Беспалый и др., 2007) и специальная комплексов позднесарматского времени (Безуглов и др., 2009) — продемонстрировали хронологическое и культурное многообразие его материалов. Настоящая статья посвящена нескольким предметам южнобалтийского происхождения, загадочным образом оказавшимся в сарматском погребальном комплексе кургана 33 (рис. 2).

Женское погребение — основное в кургане — было совершено в подбое (рис. 3). Погребенную сопровождал разнообразный инвентарь: бронзовый котел, стеклянный стакан, керамические сосуды (один из которых краснолаковый), бронзовые зеркала и фибулы, серебряные серьги, золотое кольцо, многочисленные бусы, бисер от расшивки одежды, железные перстни, сумочка, ножницы, пряслица, нож, фалар и др.

В богатом наборе инвентаря выделяется группа предметов, которые скорее всего служили амулетами: бронзовая статуэтка мужчины, клык кабана, панцирь черепахи, когти медведя и пернатого хищника, позвонки рыбы, раковины и кость животного (Беспалый и др., 2007, с. 77–82, табл. 87–90). К амулетам следует отнести и интересующие нас три крестообразных бронзовых предмета с выемчатой эмалью (рис. 4).

Два одинаковых предмета (инв. 25309 / 609, 610) были обнаружены в 5 см от правой голени погребенной, один над другим (рис. 3: 28). Они представляют собой кресты, на пересечении перекладин которых сделано ромбическое углубление, заполненное красной эмалью. От трех концов перекладин отходят дуги, на концах которых находятся диски, украшенные крестообразными гнездами с красной эмалью¹. На четвертом конце — литой вертикальный сегмент-гребень, декорированный двумя рядами пуансона, по которому прорезаны неглубо-

¹ В первой публикации цвет эмали ошибочно указан как желтый (Беспалый и др. 2007, с. 80). Также из-за технической ошибки рисунок одного из крестообразных предметов (рис. 5: 1) дан в зеркальном отображении (Беспалый и др. 2007, табл. 29: 3в).

кие бороздки. Дальше стержень обломан в древности, причем сначала он был подпилен по окружности, а затем обломан (рис. 4) (Беспалый и др. 2007, с. 80).

Третий крестообразный предмет (инв. 25309 / 608) был найден к западу от правого бедра погребенной (рис. 3: 38). «Основа — круг с крестом внутри, от круга отходят крестообразно четыре креста, концы которых завершаются коническими утолщениями. На одном кресте стержень продолжался, но был обломан в древности; на месте слома сначала был сделан неглубокий пропилен по окружности» (Беспалый и др. 2007, с. 81). Основа и кресты украшены гнездами с красной эмалью (рис. 4).

Поскольку необычные предметы не имеют аналогий среди украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей II–IV вв. н. э., в публикациях до сих пор не оговаривалось их функциональное назначение (Беспалый и др. 2007, с. 80, 81; Зиньковская, 2010, с. 106, 108). Единственной подсказкой для ответа на данный вопрос может служить реконструкция утраченных деталей, т. е. обломанных стержней. Трудно судить об их длине, но если допустить, что они были достаточно длинными и выполняли функцию игл, то рассматриваемые предметы скорее всего служили навершиями булавок (рис. 5).

Среди известных предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей такая категория украшений (булавка) представлена единичными экземплярами. В своде Г.Ф. Корзухиной приведена лишь одна находка: бронзовая литая булавка с круглой плоской, украшенной красной эмалью головкой происходит из окрестностей с. Гули (Гуты) Каневского р-на Черкасской обл. (Корзухина, 1978, с. 67, табл. 11: 1).

Следует отметить, что на территории бассейна Днепра булавка с навершием в качестве традиционного элемента костюма становится крайне редка после заката классической зарубинецкой культуры в середине I в. н. э. До этого момента зарубинецкое население использовало бронзовые булавки со спиралевидными, посоховидными или гвоздевидным навершиями (Каспарова, 1986, рис. 1; Пачкова, 2006, рис. 65: 8–14). В этот же период булавки с ажурным навершием бытовали в южновосточной культуре раннего железного века, существование которых подошло к концу в I в. н. э.

Напротив, булавки широко распространены в раннем железном веке в Южной Прибалтике и продолжали активно

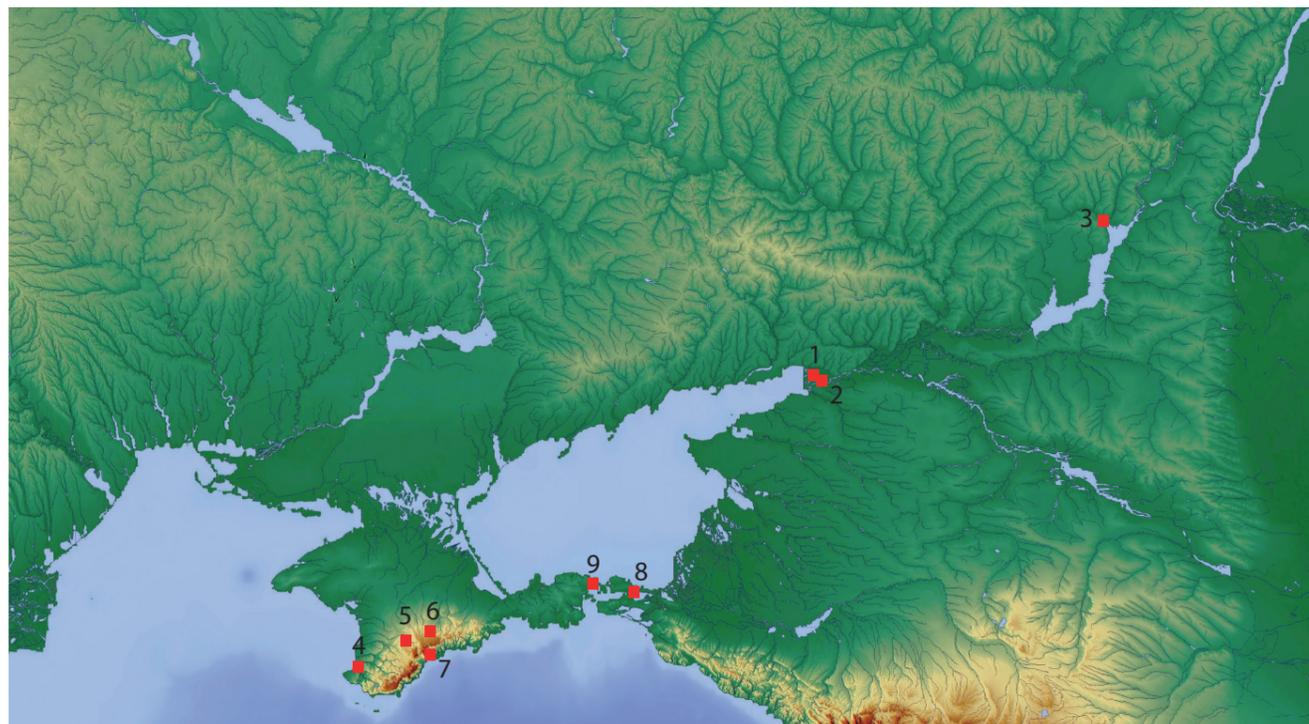

Рис. 1. Карта пунктов обнаружения предметов круга «варварских эмалей» на Крымском полуострове и в бассейне Нижнего Дона:
1 — Валовый 1; Рогожино XII; 3 — Цимлянское правобережное городище; 4 — Херсонес; 5 — Скалистое; 6 — Нейзац;
7 — Чатыр-Даг; 8 — Кепы; 9 — Керчь

использоваться в среде культур западнобалтского круга в эпоху римских влияний. Данный элемент костюма оставался популярным на прибалтийской территории вплоть до глубокого средневековья.

Найти аналогию реконструируемым булавкам из погребения в могильнике Валовый 1 не удалось. Возможно рассматриваемые вещи относятся не к самому распространенному типу украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Такие находки еще предстоит сделать. Исследователи недавно стали свидетелями подобной ситуации. За короткий промежуток времени найдено несколько браслетов с шарнирным замком, тип которых не был известен ранее (Воронятов, 2013, с. 71–75; см. статью Акимова и др. в настоящем сборнике).

Несмотря на отсутствие аналогий, нет никаких оснований сомневаться в хронологическом и культурном определении рассматриваемых предметов. Сопутствующий инвентарь погребения позволяет уверенно говорить о конце II–III в. н. э. как о времени их археологизации, что совпадает с периодом широкого распространения изделий круга варварских эмалей на территории Восточно-Европейской равнины.

Детали одинаковых валовских крестообразных наверший позволяют соотносить их с известными изделиями. Орнаментированные зубчатыми бороздками, литые сегменты-гребни у основания реконструируемых игл (рис. 5: 1, 2) — характерная черта перекладчатых фибул и браслетов круга эмалей. Диски с гнездами, заполненными красной эмалью, — аналогичны дискам некоторых подковообразных застежек Днепро-Неманско-Мазурской серии (рис. 5: 4, 5) классификации Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1982, с. 25, рис. 6, 8, 9; тип I и II клас-

сификации А. Яблонской (Jabłońska, 1992, s. 123–128): фибулы из Головятино и Барглув Двурни (Бобринский, 1916, с. 4, рис. 15; Marciniak, 1950, s. 64, tabl. XXI: 5). Крестообразная форма гнезд с круглыми окончаниями на дисках последних повторяет форму гнезд на дисках валовских наверший. Форма центрального ромбического гнезда с вогнутыми гранями (рис. 5: 1, 2) распространена среди приемов декорирования различных украшений круга эмалей, среди которых — крестчатые концы перекладчатых и треугольных фибул (Усукский клад, Глажевский клад, Камунта, Снитынка), диски подковообразных фибул (Румшишкес (рис. 5: 6), Дивизия), накладки (Кветунь) и подвески (Стайки, Прогонь, Рутха) и др. (Michelbertas, 1972, s. 93, pav. 25; Корзухина, 1978, табл. 6: 8а; 10: 2, 6; 23: 8; Субботин, Дзиговский, 1990, рис. 3).

Следует также отметить, что и в целом конструктивная схема одинаковых наверший (рис. 5: 1, 2) перекликается с известными изделиями. Крестчатые концы парных фибул из Усукского клада также имеют шесть круглых дисков, расположенных попарно и снабженных гнездами с красной эмалью. Центр композиции аналогично украшен выемкой ромбической формы. Гребень с бороздками подобно сегментам-гребням валовских наверший является границей между частями изделий (см. рис. 2: 2, 3 в статье Воронятова, Шинакова в настоящем сборнике).

Подобрать аналогии деталям третьего крестообразного навершия (рис. 5: 3) сложнее. Можно отметить, что центральная часть композиции с круглым гнездом красной эмали отдаленно перекликается с оформлением таких известных изделий, как подвески из Мощинского клада и подвеска из Тростянца

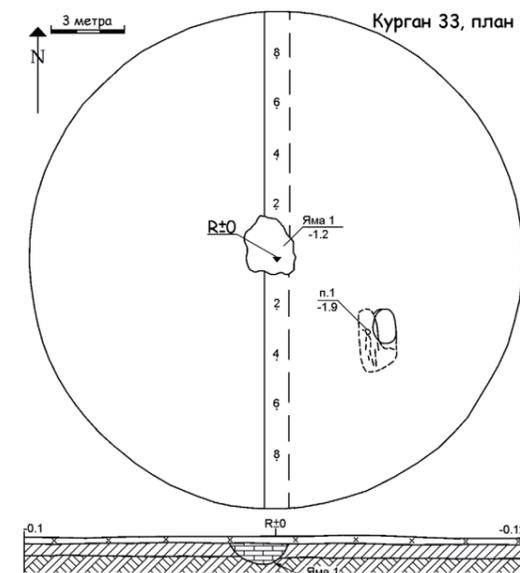

Рис. 2. План кургана 33 могильника Валовый 1 (по: Беспалый и др., 2007, табл. 86: 3)

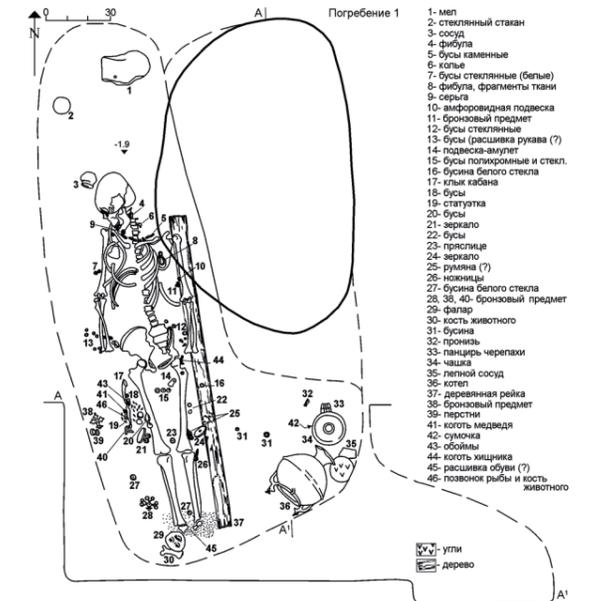

Рис. 3. План погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1 (по: Беспалый и др., 2007, табл. 87: 1)

Рис. 4. Навершия булавок из погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1. Фотограф В.С. Терембин

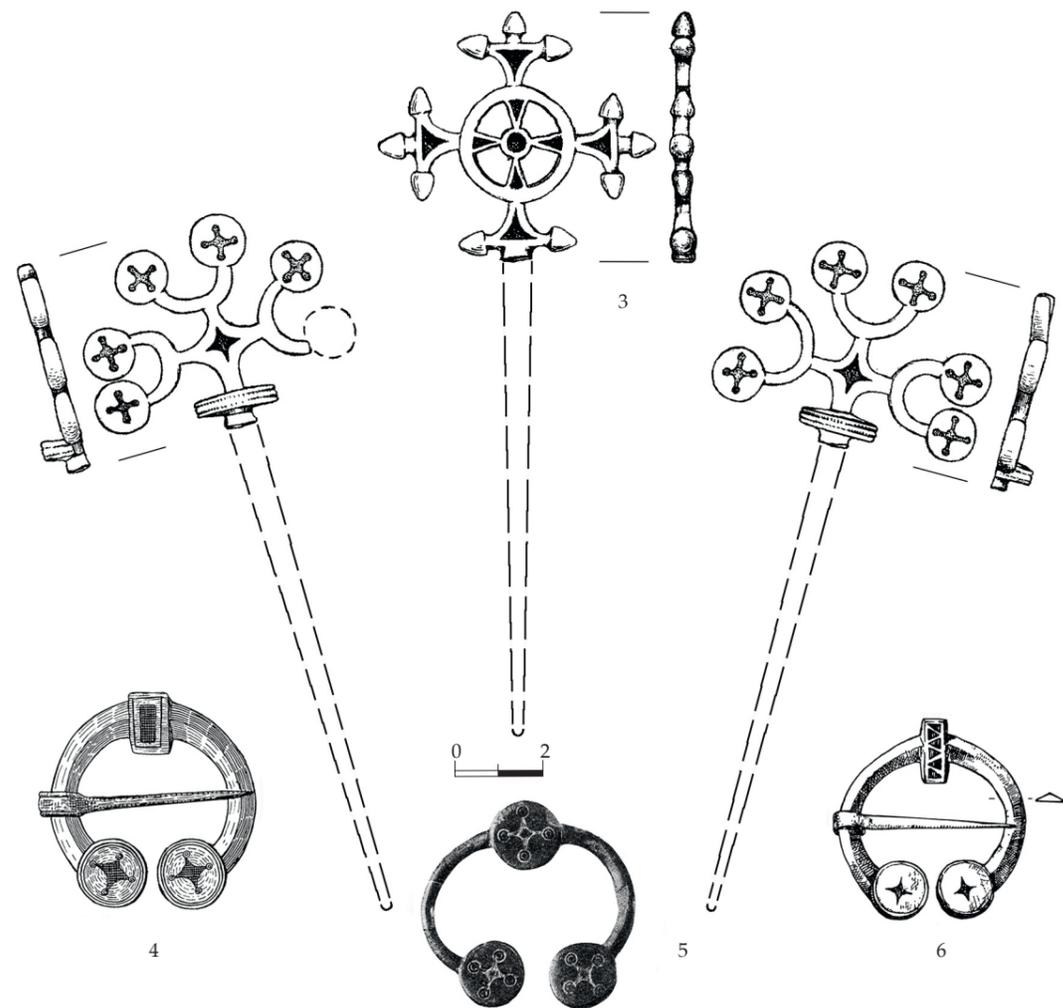

Рис. 5. Реконструированные булавки и подковообразные фибулы: 1–3 — Валовый 1 (по: Беспалый и др., 2007, табл. 29: 3а — в); 4 — Барглув-Двурни (по: Marciniak, 1950, tab. XXI: 5); 5 — Головятино (по: Бобринский, 1916, рис. 15); 6 — Румшишкес (по: Michelbertas, 1972, pav. 25)

(Корзухина, 1978, табл. 10: 5; 21: 14–16). Форма гнезд в виде равнобедренного треугольника с вогнутыми гранями распространена среди многих украшений круга эмалей: перекладчатых (Радичев, Ромашки, Хмельна, Двораки Пикуты) и треугольных фибул (Мощинский клад, Сирма-Бешмий, Саамуэли), крестообразных подвесок (Мощинский клад), лунниц (Меженис) и др. (Корзухина, 1978, табл. 3: 1; 4: 3; 5: 3; 6: 6; 17: 2, 3, 4; 21: 11–13; 23: 9; 25: 3; 28: 1, 3, 4). Коническим утолщениям на концах рассматриваемого навершия находят аналогии в оформлении булавок с крестовидной плоской головкой (рис. 6: 5) из собрания Каунасского Художественного музея. Но дату данному изделию исследователи определяли уже в рамках VII–VIII вв. н. э. (Куликаускаене, Римантене, 1958, с. 356, № 478).

Коснувшись эпохи раннего средневековья, следует отметить, что именно среди элементов традиционного костюма этого времени обнаруживается целый ряд отдаленных аналогий реконструированным булавкам из могильника Валовый 1. Парные и одиночные булавки с крестообразными навершиями,

фигурирующие в погребальных древностях территории Литвы и Латвии, несмотря на разницу в датировке, составляют с валовскими находками типологически единую группу изделий.

Начиная с экземпляра булавки (рис. 6: 2) из погребения 363 могильника Саргена, датированного IV–V вв. н. э. (Куликаускаене, Римантене, 1958, с. 351, № 336), данная категория инвентаря встречается в комплексах V–VII вв. н. э.: Юнекай, Лаздинкай, Пумпенай (рис. 6: 1), Кяулейкай (рис. 6: 7), Лайвяй (рис. 6: 6), Жвиляй (рис. 6: 10) (Bliujienė, 2013, pav. 354: 10; 363) и продолжает существовать в культуре VIII–X вв.: Пришманчай (рис. 6: 3), Папиле (рис. 6: 4), Памушис (рис. 6: 9), Радвилай (рис. 6: 8) (Куликаускаене, Римантене, 1958, с. 355, 356, № 470, 481–483; Bliujienė, 2013, pav. 363, 364), Оши, Боки, Крустпилс Манту Калниньш (Latvijas..., 1974, tab. 41: 17; 42: 9–11).

Таким образом, в случае с навершиями булавок из погребения в могильнике Валовый 1 существует парадоксальная и довольно редкая ситуация. Не имеющие пока точных аналогий южнобалтийские по своему «генетическому» происхо-

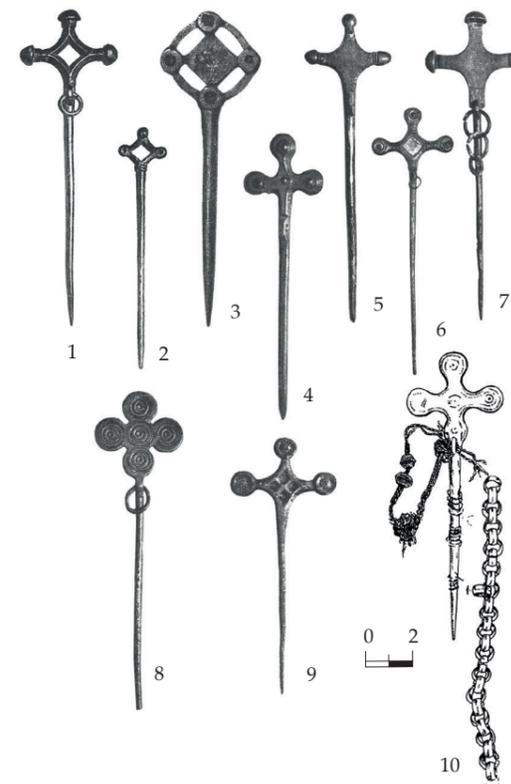

Рис. 6. Булавки памятников территории Литвы: 1 — Пумпенай; 2 — Саргена; 3 — Пришманчай; 4 — Папиле; 5 — Каунасский Художественный музей; 6 — Лайвяй; 7 — Кяулейкай; 8 — Радвилай; 9 — Памушис; 10 — Жвиляй (1–9 — по: Куликаускаене, Римантене, 1958, № 336, 470, 478, 481–483; 10 — по Bliujienė, 2013, pav. 354:10)

ждению предметы из нижнедонского позднесарматского комплекса III в. можно сравнить лишь с функционально близкими изделиями V–X вв. с территории Литвы и Латвии.

Необычные находки южнобалтийского происхождения из погребения кургана 33 не ограничиваются навершиями булавок. Среди погребального инвентаря есть еще одно странное изделие (инв. 25309/611). Под бронзовой статуэткой у правого бедра погребенной (рис. 3: 40) был обнаружен литой бронзовый предмет Г-образной формы (рис. 7). Один его конец завершается прямоугольной втулкой, второй — катушковидным украшением; перед втулкой расположен сегментовидный выступ-гребень (рис. 8: 1) (Беспалый и др. 2007, с. 81, табл. 29:3г).

Определить назначение данного предмета наверняка сложно, его аналогии нам не известны. Но можно предположить, что он был частью некоего составного изделия, возможно крупной многочленной фибулы арбалетовидной (?) конструкции. Оформление катушковидного окончания предмета (рис. 7, 8) схоже с обликом декоративных кнопок на головках, окончаниях пружин и иглоприемниках фибул А. 167, А. 180, А. 184 и А. 216 позднеримского времени (по классификации О. Альмгрена: Almgren, 1923). Насечки на кольцевидных выступах катушковидного окончания могут имитировать стиль кольцевого декора, широко представленного на терри-

тории варварского мира в III в. Кольцевым декором в это время оформлялись некоторые типы фибул, гривны, браслеты и детали поясов (Хомякова, 2010, с. 128).

Наличие гребня с бороздкой на рассматриваемом предмете отсылает к разнообразным типам фибул римского времени и все к тем же вещам стиля восточноевропейских эмалей, в оформлении которых присутствуют орнаментированные гребни разнообразных форм и размеров. Отметим также, что прямоугольная втулка изделия имеет интересную конструктивную особенность (рис. 8: 1А, 2), которая позволяла присоединить предмет к некоей основе посредством штифтового соединения с переменным сечением круглого штифта по его длине², что не дает возможности изделию провернуться вокруг своей оси на валике. Это качество необходимо, если описанная деталь использовалась, например, как стопор-ограничитель на оси пружины (рис. 9: 2–4).

Интересен состав металла описанных предметов. Сплав, из которого они изготовлены, отличается значительный процент цинка — от 7 до 18 (таблица). Содержание цинка в сплавах меди, превышающее 8–10%, характерно уже для латуней, и как раз из аналогичных по составу сплавов отлиты булавки, найденные в Южной Прибалтике (ср.: Volkaitė-Kulikauskienė, Jankauskas, 1992, pav. 21, 22). Из латуни, как показывают анализы, изготовлены и известные предметы круга варварских эмалей. За редким исключением (ср., например: Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009, tab. 1, kat. Nr. 5, 11), латунные сплавы при изготовлении предметов с эмалью использовали для фибул или иных типов застежек, которые по своему назначению должны быть изготовлены из твердого металла (Bezenberger, 1904, Nr. LXXXV; Черных и др., 1969, табл. 1, № 8, 9; Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009, Tab. 1, kat. Nr. 6, 11, 16, 18).

Четыре рассмотренных предмета, обнаруженные в женском погребении позднесарматской культуры, вызывают закономерный вопрос об обстоятельствах их попадания к сарматам Нижнего Дона. Пытаться ответить на него следует

² Благодарим за консультацию Николая Васильевича Анисимова — доцента кафедры промышленного дизайна КГИКИ

Рис. 7. Г-образный предмет из погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1. Фотограф В.С. Терещенин

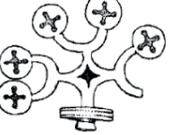
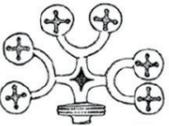
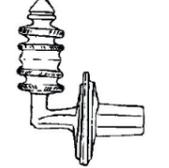
	Шифр лабораторный	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe
	506-49	87	3	2	6.8	0.01	0.11	0.12	0.06	—	0.02	—	0.3
	506-50	78	0.8	0.6	15	0.014	0.13	0.09	0.04	—	0.018	—	0.45
	506-51	73	1	7	18	0.016	0.2	0.009	0.011	—	0.025	—	0.55
	506-52	85	3.5	2.3	8	0.02	0.13	0.1	0.02	—	0.025	—	0.48

Таблица. Результаты количественного спектрального анализа изделий из погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1 (лаборатория ИИМК РАН, СПб., аналитик В.А. Галибин)

в контексте все чаще затрагиваемой темы распространения вещей стиля варварских эмалей в бассейне Дона. При отсутствии пока памятников, с которыми можно было бы связать увеличивающееся количество случайных и грабительских находок в Подонье, исследователи предлагают варианты объяснения их распространения в этом регионе.

А.М. Обломский не исключает, что в Верхнем Подонье изделия стиля варварских эмалей могли бытовать у позднескифского населения сарматского периода, к которому они попадали при контактах с так называемой позднесарубинско-киевской средой Днепровского Левобережья. При этом исследователь также не исключает открытия позднесарубинских и киевских памятников в регионе (Обломский, 2010, с. 73, 74, 78), что наверняка разрешило бы проблему.

К выводу о распространении предметов стиля варварских эмалей в Верхнем Подонье при эпизодических контактах населения лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы в позднеримский период пришла И.В. Зиньковская (2010, с. 110).

Рассматривая проанализированные вещи из могильника Валовый 1 с учетом упомянутых гипотез, следует отметить, что они скорее всего относятся к группе многочисленных амулетов, обнаруженных в могиле и, следовательно, считались в среде кочевников диковинными вещами. Исходя из этого можно

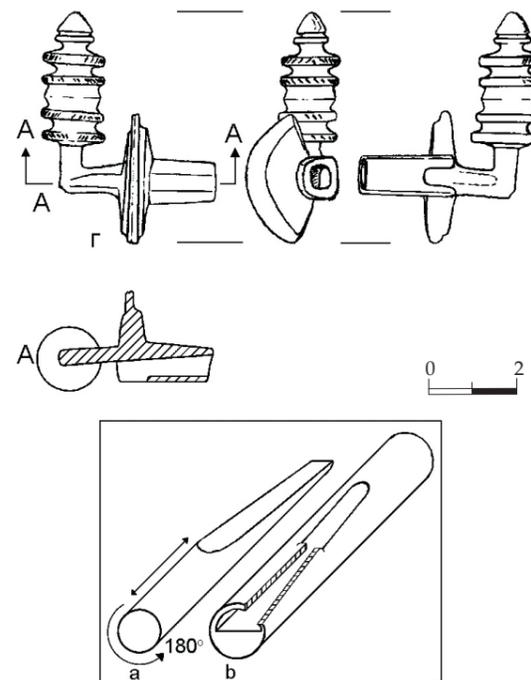

Рис. 8. 1 — Г-образный предмет из погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1 (по: Беспалый и др., 2007, табл. 29: 3г); 2 — схема штифтового соединения с переменным сечением круглого штифта

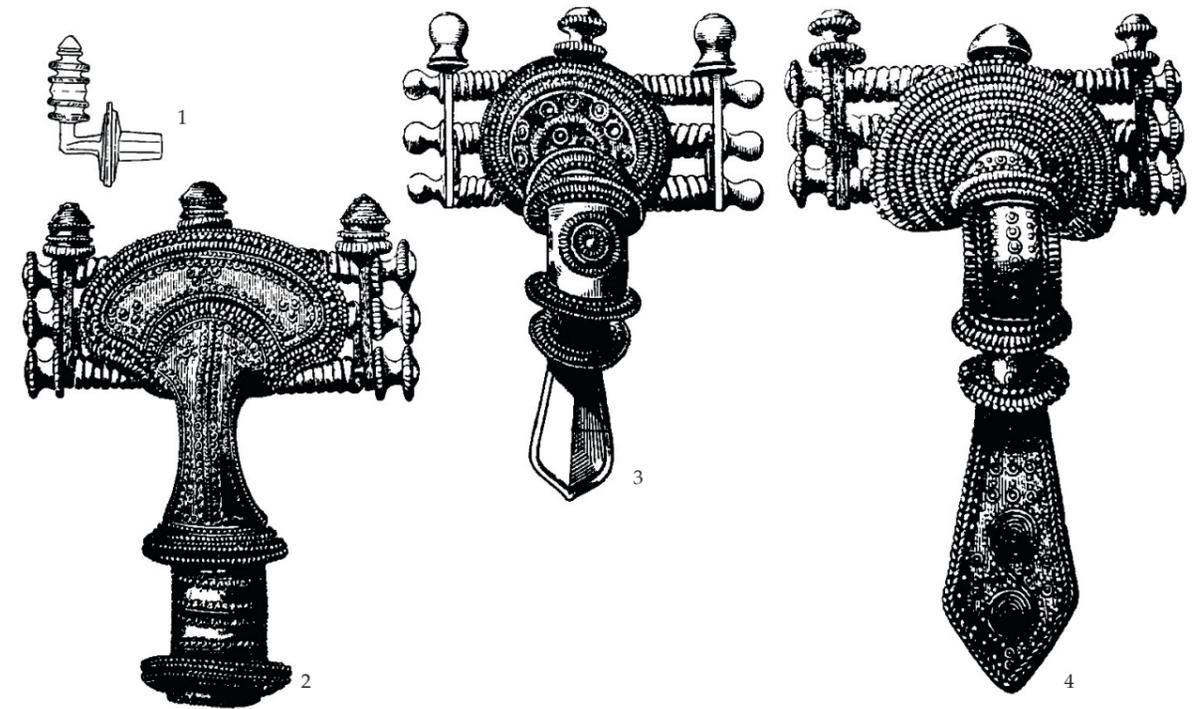

Рис. 9. 1 — Г-образный предмет из погребения 1 кургана 33 могильника Валовый 1; 2-4 — фибулы из могильника Закшув (по: Grempler, 1887, Taf. VII: 1-3)

предположить, что у булавок намеренно были обломаны иглы, поскольку они не воспринимались сарматами как элементы костюма, которые можно использовать по прямому назначению. Таким образом, комплекс погребения подвергает сомнению возможность бытования предметов стиля варварских эмалей в культуре кочевников.

Хотелось бы также заострить внимание на том, что подавляющее большинство предметов с эмалью в Верхнем и Нижнем Подонье обнаружено в фрагментированном и поврежденном состоянии. Данное обстоятельство не добавляет вероятности гипотезе о бытовании этих вещей среди каких-либо групп населения, обитавших в бассейне Дона. Обнаруживаемые

здесь клады предметов стиля варварских эмалей, на наш взгляд, могут свидетельствовать о рискованных попытках преодоления областей, подконтрольных номадам, группами северо-западных мигрантов. Представителям одной из таких групп могли принадлежать булавки, ставшие впоследствии уже в качестве амулетов собственностью сарматов.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Д.В., Ененко Е.А., 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах Аланский всадник. Сокровища князей I–XII вв., 2005. Каталог выставки. Москва.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н., 2009. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону.

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». (Материалы и исследования по археологии Юга России; №2). Ростов-на-Дону.

Бобринский А.А., 1916. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // ИАК. Вып. 60.

Гороховський Є.Л., 1982. Підковподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38.

Зиньковская И.В., 2010. Варварские выемчатые эмали на памятниках юга Восточной Европы // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк.

Каспарова К.В., 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. (САИ; Вып. E1-43).

Куликаускаене Р., Римантене Р., 1958. Литовское народное искусство. Вильнюс, 1958.

Обломский А.М., 2010. Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк.

Пачкова С.П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев.

Сокровища сарматов, 2008. Каталог выставки. Санкт-Петербург.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (курганные могильники Дивизийский и Белолесский). Ч. II. Киев.

Хомякова О.А., 2010. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Санкт-Петербург.

Черных Е.Н., Хоферте Д.Б., Барцева Т.Б., 1969. Металлургические группы цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. Вып. 119.

Almgren O., 1923. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung derprovinzialrömischen und südrussischen Formen. (Mannus-Bibliothek; 32). Leipzig.

Bezenberger A., 1904. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer.

Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam. Warszawa.

Bluijienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda.

Entre Asie et Europe, 1995. L'Or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Daoulas.

Grempler W., 1887. Der Fund von Sackrau. Brandenburg a. d. H.: Lunitz.

Jabłońska A., 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-Wschodniej w okresie wpływów rzymskich // Acta Baltica — Slavica. 21. Здесь тире или дефис?

Latvijas PSR archeologia, 1974. Rīga.

L'Or des Amazones: Peuples nomads entre Asie et Europe VI-e siècle av. J. — C. — IV-e siècle apr. J. — C., 2001. Paris.

Marciniak J., 1950. Dwa cmentarzyska ciałopalne z okresu rzymskiego w Judzikach I Bargłowie Dwornym // Wiadomości Archeologiczne. T. XVII, zeszyt 1.

Michelbertas M., 1972. Prekybiniai ryšiai su Romos imperija // Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I–XIII a. Vilnius.

Treasures of the warrior tombs, 1996. (Guidebook on exhibition «Russian Gold: Treasures of the warrior tombs»). Glasgow.

Volkaitė-Kulikauskienė R., Jančauskas K. 1992. Iš senosios Lietuvos amatininkystės istorijos (alavas senosiosios Lietuvos papuošaluose) // Lietuvos archeologija. 8.

Die ungewöhnlichen Barbaren-Emailstücke aus dem spätsarmatischen Grab Walowyj 1 im Niederdon-Gebiet

Der Artikel analysiert die vier einzigartigen osteuropäischen Champlevé-Emailstücke, die in einem weiblichen Grab des Hügels Nr. 33 (2. – 3. Jh. n. Chr.) im Gräberfeld Walowyj 1 im Niederdon-Gebiet entdeckt worden sind. Höchstwahrscheinlich sind die ersten drei Stücke Nadelknöpfe, die keine bekannte Analogie haben. Doch zeigt die Schmucktechnik, dass diese Nadelknöpfe etwas mit den weiteren Funden aus dem Verbreitungsgebiet des Barbarenemails zu tun haben. Das vierte Stück konnte Bestandteil einer Fibel gewesen sein, die aufgrund ihrer Schmuckart sowie anderer Elemente den Fibeln der Römerzeit gleicht.

Die Sarmaten erhielten die genannten Fundstücke, die allem Anschein nach Amulette waren, im Kontakt mit der migrierenden Bevölkerung der osteuropäischen Waldzone. Es waren die osteuropäischen Champlevé-Emailstücke, die in diesem Gebiet in der zweiten Hälfte des 2. Jhs. bis ins 3. Jh. n. Chr. eine Verbreitung finden; doch stammt deren Produktionsweise aus dem westbaltischen Kulturkreis.

S. Woronjatow, B. Rajew

СОКРАЩЕНИЯ

АВ – Археологические вести

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України

АО – Археологические открытия

БГУ – Брянский Государственный университет

ВАШ – Высшая антропологическая школа

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВДИ – Вестник Древней истории

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМЗ – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДА – Донская археология

ЗООИД – Записки одесского общества истории и древностей

ЗРАО – Записки Императорского Российского археологического общества

ІА НАН – Інститут археології Національної академії наук України

ІГ НАНБ – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ИАК – Известия императорской археологической комиссии

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КГКМ – Курчатовский городской краеведческий музей

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КГУ – Курский государственный университет

ККМ – Калужский краеведческий музей

КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей

КСИА – Краткие сообщения Института Археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Институт истории материальной культуры

МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі

МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии

МГУ – Московский государственный университет имени М.Ломоносова

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

МУСА – Международная уния славянской археологии

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НА ІА НАН – Науковий архів Інститута археології НАН України

ОАК – Отчеты императорской археологической комиссии

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

РА – Российская археология

РАЕ – Российская академия естествознания

РАН – Российская академия Наук

СА – Советская археология

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников

СамГТУ – Самарский Государственный Технической Университет

СДДМ – Сарматские древности Днестро-дунайского междуречья

СПб – Санкт-Петербург

УАВ – Уфимский археологический вестник

BAR – British Archaeological Reports

BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission

BSSR – Byelorussian Soviet Socialist Republic

ESA – Eurasia Septentrionalis Anttiqua

JAS – Journal of Archaeological Science

JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums

MCA – Materiale si Cercetari Arheologice

NyJAMÉ – A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve

RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum

RIC – The Roman Imperial Coinage

RSC – Roman Silver Coins, London

TSR – Tarybų Socialistinė Respublika

UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье

Глебов В. П., Гордин И. А., Дедюлькин А. В.

**Глебов
Вячеслав Петрович**

Кандидат исторических наук,
научный сотрудник ООО «Археологическое
научно-исследовательское бюро»,
г. Ростов-на-Дону

glebov-63@mail.ru

**Гордин
Игорь Анатольевич**

Научный сотрудник ООО «Археологическое
общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

gordin1@yandex.ru

**Дедюлькин
Антон Владимирович**

Старший научный сотрудник
Новочеркасского музея истории
донского казачества, г. Ростов-на-Дону

donrumata@inbox.ru

Так называемые «ритуальные клады» представляют собой одно из интереснейших явлений среди археологических памятников III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и соседних регионах. Подобные комплексы известны в литературе под различными названиями: «вотивные клады», «ритуальные клады», «жертвенные / жертвенно-поминальные комплексы», «странные комплексы». В настоящее время большинство этих терминов используются как синонимы. Находки «кладов» зафиксированы во всём Северном Причерноморье и в ряде соседних регионов: в Предкавказье, Подонье, Поволжье, количество таких комплексов по некоторым оценкам составляет около 50 (Зайцев, 2012б, с. 68, карта 1; Полин, 2014, с. 641).

«Ритуальные клады» представляют собой близкие по составу наборы предметов, захороненные обычно в насыпях курганов, в естественной возвышенности либо с возведением собственной небольшой насыпи, в редких случаях — на склонах балок (Глебов, 2016, с. 145–161). Вещи, составляющие «клады», обычно компактно сгруппированы, зачастую помещены в какое-то вместилище — котёл, сидулу, шлем. Состав «кладов», как правило, достаточно единообразен: детали конской упряжи (фалары, налобники, удила с псалиями, и пр.), предметы вооружения (наконечники стрел и копий, мечи, шлемы, панцири), из прочих категорий вещей, часто присутствующих в «кладах», можно назвать разнообразную посуду (металлическую, стеклянную, керамическую), детали поясной гарнитуры. Кроме того, в составе «кладов» встречаются самые разнообразные предметы: фибулы, бронзовые светильники, зеркала, оселки и пр.

Данная статья посвящена находке двух новых «кладов» в низовьях р. Дон, близ Недвиговского городища (древний Танаис).

1. «Ритуальный клад» из кургана 18 могильника Царский (Мясниковский район Ростовской области).

Курганный могильник Царский находится на высокой террасе правого берега Мёртвого Донца (правый рукав р. Дон при впадении в Таганрогский залив), насчитывает более сотни

насыпей. Могильник начинается в непосредственной близости к Танаису, практически сливаясь с его некрополем, далее курганы могильника тянутся цепочкой в северо-восточном направлении по водоразделу балок Донской Чулек и Каменная.

Курган 18, один из наиболее крупных в могильнике (размеры насыпи 53 x 68 м, высота — 5,95 м), находился в центральной части цепочки, расстояние от него до северо-восточного угла «цитадели» Танаиса составляло 2,5 км. Курган не распахивался, на вершине его во второй половине XX в. была установлена стела. В 2011 г. курган 18, наряду с ещё несколькими курганами могильника Царский, был раскопан в связи с расширением автодороги М23 на участке Ростов-на-Дону — Таганрог (Гордин, 2014, с. 109–116).

Курган 18 был сооружён в эпоху ранней бронзы, содержал 27 разновременных захоронений. Интересующий нас комплекс (Ситуация 1 по отчётной документации) — перевёрнутый железный шлем с вещами внутри (рис. 1, 1–6), был обнаружен в северо-восточном секторе насыпи кургана, в 10,2 м к ВСВ от R0 (вершина насыпи), на глубине 4,88–5,23 м (верх и низ соответственно) от R0, глубина от современной поверхности пола кургана составляла около 3 м.

Шлем восточнокельтского типа был разломан в древности — от тульи были отделены назатыльник и налобник вместе с нащёчками. Тулья располагалась верхней частью вниз. На самом дне перевёрнутой тульи находились две сцепленные фибулы и небольшой обточенный фрагмент стеклянного сосуда. Выше располагались три пары железных удил и псалии, бронзовый наконечник ножен (ремня?), железная пряжка, два небольших костяных изделия (части составного вертена?), фрагмент железной иглы или шила, бронзовое кольцо. В верхней части тульи находились разломанный на две части назатыльник шлема и железный ритуальный жезл, согнутый для компактности. Поверх всех вещей был положен отделённый от шлема и согнутый налобник с нащёчками, причём нащёчки закрывали тулью с находящимися в ней вещами напоподобие крышки. Рядом со шлемом, вплотную с северо-западной стороны, частично заходя под него, находился двухпальчатый псалий с лопастеобразными окончаниями, парный найденному внутри тульи. Под шлемом было зафиксировано скопление рифлёных цилиндрических золотых пронизей (всего

Рис. 1. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1–2 — шлем in situ; 3 — шлем после снятия налобника и нащёчников; 4 — шлем и золотые пронизи in situ; 5 — золотые пронизи in situ; 6 — предметы внутри шлема. Фотографии И. А. Гордина.

252 экз.), среди них был найден небольшой фрагмент бронзовой скобки.

Описание вещей:

1. Шлем восточнокельтского типа железный (рис. 2, 1–5; 3, 1–3; 4). Шлем с полусферической тульей, небольшим узким козырьком, широким назатыльником и двумя подвижными нащёчниками. Собственно шлем состоит из трёх частей, изготовленных отдельно: 1) верхняя часть (тулья), 2) налобная часть с козырьком, 3) назатыльник. Нижний край тульи, украшенный двумя кольцевыми валиками, заходил внахлест на загнутые вверх края налобника и назатыльника, соединялся с ними небольшими заклёпками диаметром 4–5 мм с шагом спереди 4,5–5 см, с боков 3 см. По налобнику и назатыльнику проходит горизонтальный кольцевой валик шириной около 1 см, выступающий на 3–4 мм. Козырёк имеет окантовку, представляющую собой две накладки, изготовленные из узкой (шириной около 1 см) полосы железа, согнутой пополам и охватывающей край козырька (сохранилась только с правой стороны, левая часть окантовки утрачена в древности). Нащёчники фигурной формы, с полукруглыми выступами спереди, крепятся к налобной части с боков, несколько ближе к передней части шлема. Нащёчники соединяются со шлемом шарнирным способом — шарнир трёхпетельчатый, прямоугольные шарнирные петли (по две на каждый нащёчник) крепятся к изнанке шлема заклёпками. Края нащёчников, кроме верхней части, охвачены узкими (0,7–1 см) серебряными обкладками с пунсонным орнаментом в виде волны и «жемчужин». Накладки крепятся к пластинам нащёчников серебряными заклёпками диаметром 2,5–3 мм. Оба нащёчника украшены тремя крупными полусферическими накладками из серебряной фольги, внутри заполненными мастикой. Назатыльник, как и козырёк, имеет окантовку по краю, снабжённую дополнительными креплениями в виде небольших узких железных накладок-обойм прямоугольной формы со скруглёнными краями (1,5 x 1 см). Сохранились две таких обоймы — с левой стороны и в центре назатыльника. По верхней части назатыльника, чуть ниже места крепления его к тулье, имеются серебряные заклёпки (сохранилось 3) диаметром 4,5–6 мм. Вероятно, эти заклёпки вторичны, т.е. поставлены на шлем с какой-то целью уже после его изготовления. На внешней поверхности назатыльника имеется рельефный орнамент в виде двух симметричных фигур линзовидной формы. В средней части назатыльника, ближе к краю, сохранилась шляпка заклёпки. Такие заклёпки на назатыльниках шлемов Монтефортино, восточнокельтского типа и некоторых других служили для крепления колец, в которые продевались завязки шлема (Robinson, 1975, p. 14. fig. 10; fig. 1–2; Mihajevich, Dizdar, 2007, p. 122. fig. 8). Назатыльник был сильно деформирован при загибании его вверх в процессе отделения от тульи шлема. В результате, в настоящее время правая сторона назатыльника образует с тульей угол, близкий к прямому. Левая сторона назатыльника сохранила наклон, близкий к первоначальному.

Размеры шлема: высота без нащёчников приблизительно

12–14 см, основание 22 x 18 см, размеры нащёчников: 14,5–15 x 9,4–9,7 см, размеры назатыльника: 22,7 x 4,5–5 см.

Шлемы восточнокельтского типа (другое название — тип Ново Место) впервые были выделены У. Шааффом, который указал на их основные конструктивные признаки и определил хронологические рамки бытования в пределах I в. до н. э. (Schaaff, 1980, s. 402–403; 1988, s. 304–307). М. Михалевич и М. Диздар рассмотрели особенности конструкции и декора известных им шлемов восточнокельтского типа, разделив их на раннюю и позднюю группы (Mihajevich, Dizdar, 2007, p. 126–128). Шлем из кургана 18 могильника Царский относится к ранней группе шлемов восточнокельтского типа, общая дата которой определяется М. Михалевич и М. Диздаром в рамках конца II — первой половины I в. до н. э. (Mihajevich, Dizdar, 2007, p. 125–126, 128). Производство шлемов восточнокельтского типа уверенно соотносится с северо-западом Балканского полуострова (территория современной Словении), точнее, с долинами рек Сава, Драва и Мура, населенными в рассматриваемое время племенами кельтов-таврисков (Guštin, 2011, p. 126–127). Пять шлемов поздних вариантов этого типа происходят из дружинного кремационного могильника близ с. Мутина на правом берегу р. Сейм (Терпиловский, Жаров, 2012, с. 307, рис. 1, 1). На территории Сарматии, кроме Царского, известен ещё один шлем восточнокельтского типа — в кургане 1 могильника у х. Бойко-Понура в Краснодарском крае (Марченко, 1996, с. 67–68, рис. 105, 2), вероятно, тоже в составе «ритуальногоклада» (Глебов и др., 2014, с. 78–79), а также назатыльник шлема восточнокельтского типа во вторичном использовании — в качестве конского нагрудника — в погребении 1 кургана 1 группы 37 могильника у пос. Яшкуль в Калмыкии (Otchir-Goriaeva, 2002, s. 353–387, abb. 8).

2. Фибула среднелатенской схемы со скрепой бронзовая (рис. 5, 1,3; 6, 2). Ножка фибулы в верхней части раскована в небольшой фигурный щиток, орнаментированный двумя продольными врезными линиями, конец ножки при помощи лапки-скрепы прикреплён к средней части спинки, пружина 12-витковая, тетива наружная. Фибула сделана из бронзового прута, округлого в сечении (диаметр 1,8 мм), ось фибулы железная. Размеры фибулы: длина 5,9 см, высота 1,6 см, длина пружины 2,9 см.

Данная застёжка представляет собой довольно редкий образец скреплённой фибулы с 12-витковой пружиной. Большие 12-витковые пружины характерны для фибул с завязкой «неапольского» варианта, а застёжки со скрепой имеют, как правило, более короткую пружину: ранние (вариант 1) — 6–8-витковую, поздние (вариант 2) — 4–5-витковую (Кропотов, 2010, с. 43, 48). Раскованная в декоративный щиток ножка сближает застёжку из Царского с фибулами серии III группы фибул среднелатенской схемы по классификации В.В. Кропотова — с каким-либо украшением на спинке или ножке (Кропотов, 2010, с. 54–57). Наиболее близка фибуле из Царского по размерам, пропорциям и оформлению ножки застёжка из погребения у с. Нововочепший в Адыгее — надвясная, с проволочными «восьмёрками» перед завязкой и оформленным в виде

Рис. 2. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1–5 — шлем после реставрации. Фотографии А.М. Чумака.

«цикады» щитком (Кропотов, 2010, с. 56, рис. 23, 3). По мнению В.В. Кропотова, такие фибулы могли производиться кубанскими меотами.

А.К. Амброз датировал фибулы среднелатенской схемы со скрепой I в. до н. э. (Амброз, 1966, с. 21–22), Б.Ю. Михлин — концом II — серединой или третьей четвертью I в. до н. э., не исключая возможности бытования отдельных экземпляров и позже (Михлин, 1980, с. 199). Конструктивные элементы

застёжки среднелатенской схемы из Царского — длинная 12-витковая пружина и низкая несколько угловатая спинка — позволяют синхронизировать её с ранними вариантами скреплённых и надвязных фибул среднелатенской конструкции и продатировать в рамках второй половины или конца II — первой половины I в. до н. э. (Кропотов, 2010, с. 43–44, 48–50).

3. Фибула-брошь (рис. 5, 1,2; 6, 4) — пружинная двуугольная с серебряным круглым щитком. Щиток серебряный с позо-

Рис. 3. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1–3 — шлем после реставрации. Фотографии А.М. Чумака. 4–6 — реконструкция шлема. Автор Адам Мазярка.

лотой, округлой, слабовыпуклой, с погрудным изображением Диониса с тирсом, по краю — геометрический орнамент. От железного двуугольного аппарата сохранились только фрагменты. Диаметр щитка фибулы 4,1–4,2 см.

Застёжка относится к серии II группы 14 по классификации В. В. Кропотова (Кропотов, 2010, с. 291–293). Время быто-

вания большей части таких фибул устанавливается исследователями в рамках II (или 2-й пол. II) — I вв. до н. э. (Михлин, 1980, с. 206; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 181; Кропотов, 2010, с. 293). Основная территория распространения таких украшений — Центральный и Северо-Западный Крым, отдельные экземпляры известны на Нижнем Днепре и Северном Кавказе

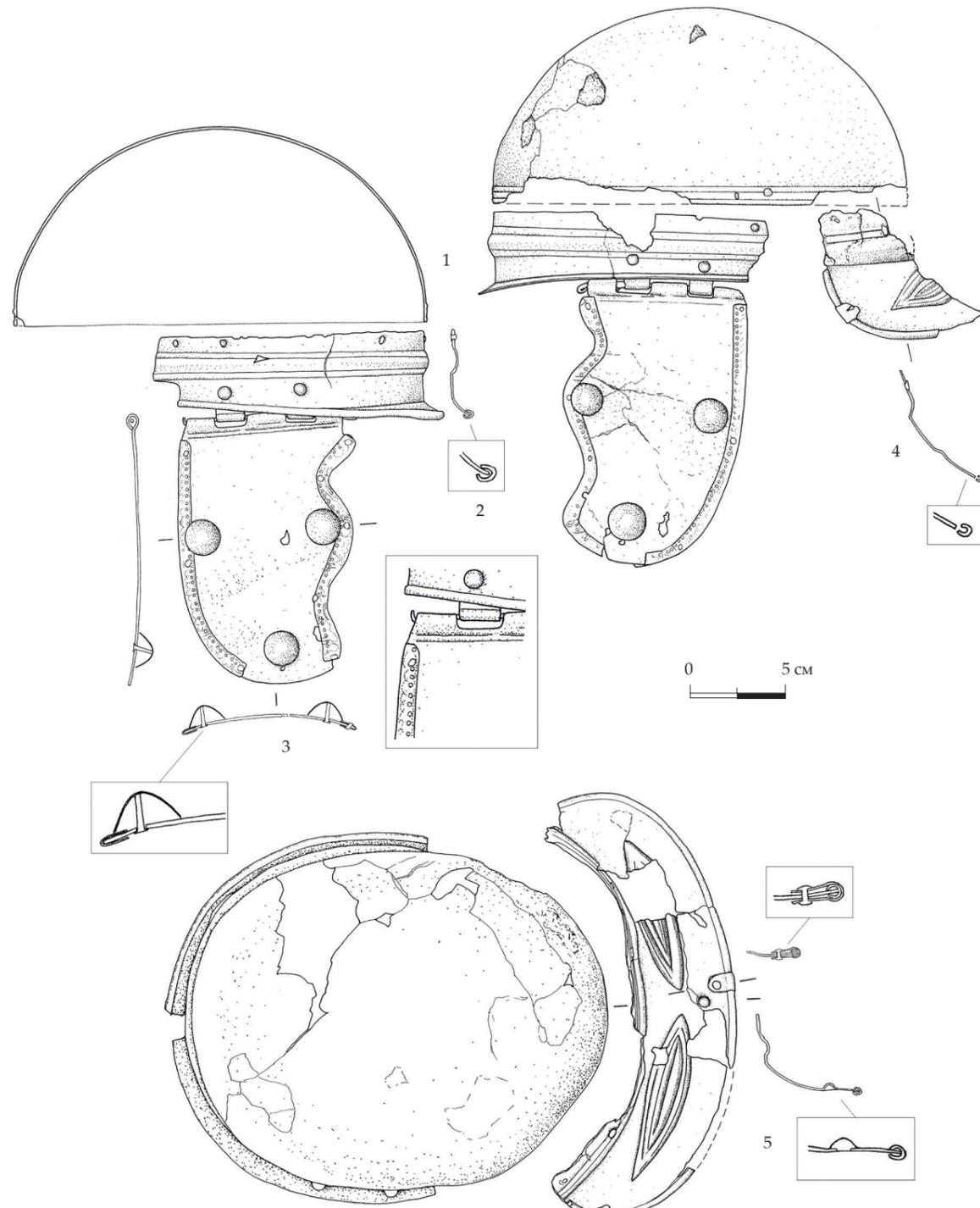

Рис. 4. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1–5 — шлем. Рисунки Г.Е. Парусимовой.

(Кропотов, 2010, с. 291).

4. Удила с крестовидной насадкой (рис. 7, 8–9; 8, 6–7). Удила железные двусоставные, сделаны из округлого в сечении прута, концы согнуты в кольца. Грызла ближе к внешнему кольцу имеют стопорное утолщение с уступом для фиксации устражающей насадки. Длина грызл 11,7 и 13 см, размеры внешних колец 5,4 x 4,9 и 5,3 x 4,4 см, внутренних — 2,4 x 2,4 см. Насадка (в наличии только одна) — железная, крестовидная (точнее Х-видная), основание её скруглённо-подквадратной формы, крестовины гладкие, округлые в сечении, орнаментированы тройными кольцевыми врезными линиями на концах и в средней части, несколько ближе к основанию. Размеры: 12 x 12,2 см.

Крестовидная насадка из Царского близка варианту 2 типа II крестовидных псалиев по классификации И.И. Марченко (с той разницей, что крестовины в сечении округлые, а не квадратно-прямоугольные), может быть датирована в рамках конца III — начала I вв. до н. э. (Марченко, 1996, с. 72–74). Прототипом крестовидных насадок на удила сарматского времени, очевидно, являются устражающие насадки скифской эпохи, представляющие собой квадратные пластины с отогнутыми углами, образующими шипы (Марченко, 1996, с. 72). Крестовидные насадки широко известны в погребениях меотов и сарматов на Кубани, распространены также в Крыму и Северном Причерноморье, причём здесь преимущественно в «ритуальных кладах», а не в могилах (за исключением комплексов из Глиного, Чистенького, Ногайчинского кургана). Находки таких насадок в Северном Причерноморье (большинство — в составе «ритуальных кладов») связываются некоторыми исследователями с продвижением туда сарматских (сиракских) групп (Марченко, Лимберис, 2009, с. 73; Симоненко, 2001, с. 93 и сл.; Редина, Симоненко, 2002, с. 83 и сл.; и др.). Существует и альтернативная версия, согласно которой традиция использования крестовидных насадок в Северном Причерноморье не связана с миграцией или военными рейдами прикубанских сарматов, а возникает здесь на местной основе (Зайцев, 2005, с. 88–94). В большинстве других сарматских регионов, как считается, крестовидные насадки очень немногочисленны или вообще не известны. Не вступая в дискуссию о месте возникновения и генезисе различных вариантов крестовидных насадок, рассмотрим лишь находки их в нижнедонском регионе.

Нижнее Подонье до сих пор исключалось из ареала распространения крестовидных насадок на удила. До недавнего времени здесь была известна только одна находка удил с такими насадками в насыпи кургана 2 могильника Койсуг (Максименко, 1983, с. 112). Контекст этой находки не вполне ясен — достоверные следы какого-либо погребения, к которому, по мнению В.Е. Максименко мог относиться этот комплект удил, в кургане отсутствуют. Однако в последние годы на Нижнем Дону крестовидные насадки были обнаружены сразу в нескольких «ритуальных кладах». Помимо рассматриваемых комплексов из Царского и Недвиговки следует упомянуть ещё два комплекта удил с крестовидными насадками из «ритуального клада» у пос. Малая Сопка Октябрьского

района Ростовской области¹. Таким образом, после новых находок крестовидных насадок становится ясно, что они имели распространение и в нижнедонском регионе, причём здесь прослеживается такая же закономерность, что и в Северном Причерноморье — тяготение крестовидных насадок к «ритуальным кладам».

5. Удила с псалиями с лопастеобразными окончаниями (рис. 7, 7; 8, 1,5). Удила железные двусоставные, сделаны из подквадратного в сечении прута, концы согнуты в кольца, в сечении подквадратные или округлые. Длина грызл 9,8 и 9,9 см, размеры внешних колец 3,1 x 2,8 и 2,8 x 2,4 см, внутренних — 2,2 x 2 см, 2 x 1,9 см. Псалии железные двухпальчатые, средняя часть В-образной формы — с выступающими на одну сторону подпрямоугольными петлями, концы раскованы в трапециевидные лопасти, находящиеся в перпендикулярной плоскости относительно средней части. С внешней стороны лопасти украшены по краю рельефным зубчатым орнаментом, а в месте перехода лопастей в среднюю часть — рядами горизонтальных и перекрещивающихся врезных линий. Длина псалиев 16,8 и 16,9 см.

6. Удила с кольцевыми псалиями (рис. 8, 3). Удила железные двусоставные, сделаны из подквадратного в сечении прута, концы согнуты в округлые в сечении кольца. У одного из звеньев удил кольца расположены в перпендикулярных плоскостях. Размеры: длина грызл 8,2 и 8,9 см, размеры внешних колец 2 x 2 и 2,3 x 2,3 см, внутренних — 2 x 2,2 см и 1,85 x 2 см. Псалии кольцевые, в сечении уплощённо-подпрямоугольные.

7. Ритуальный жезл (?) (рис. 6, 9). Представляет собой массивный железный стержень с витой средней частью. Нижний конец стержня заострён, вершина оформлена в виде отогнутого крюка. К верхней части крепится заклёпкой короткий перпендикулярный прут с раскованной серединой, один из его концов также оформлен в виде крюка, второй обломан. Размеры жезла: высота около 47 см, сечение прута 0,9 x 1 см. В древности жезл был согнут в двух местах — очевидно, для компактности, перед помещением в шлем.

Данное изделие во всём, кроме оформления навершия, очень похоже на ритуальные жезлы, каталогизации и анализу которых посвящена известная статья Н.Ф. Шевченко. Исследователь выделяет два типа подобных культовых предметов — жезлы (тип 1, дата — I в. до н. э.) и треножники (тип 2, дата — I в. до н. э. — III в. н. э.) (Шевченко, 2006, с. 141–146). Наблюдается тяготение и жезлов, и треножников преимущественно к кубанскому региону (Шевченко, 2006, с. 141; Зайцев, 2009, с. 542). Образец из Царского на основании заострённого втока может быть отнесён к типу 1, однако оформление верхней части в виде крюков совершенно не характерно ни для жезлов, ни для треножников — все они имеют навершия в виде мирового древа или протом животных. На наш взгляд, достаточно близкой аналогией навершию жезла из Царского являются верхние части железных италийских канделябров IV–III вв. до н. э., выполненные в виде крючьев (Vitali, 1984, p. 15, 17–18,

¹ Вещи были переданы в НМИДК в 2019 г. В настоящее время комплекс готовится к публикации.

Рис. 5. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1 — фибулы до реставрации; 2 — щиток фибулы-броши после реставрации; 3 — фибула среднелатенской схемы после реставрации; 4 — наконечник ножен после реставрации. 1, 4 — фотографии В. П. Глебова; 2, 3 — фотографии А. М. Чумака.

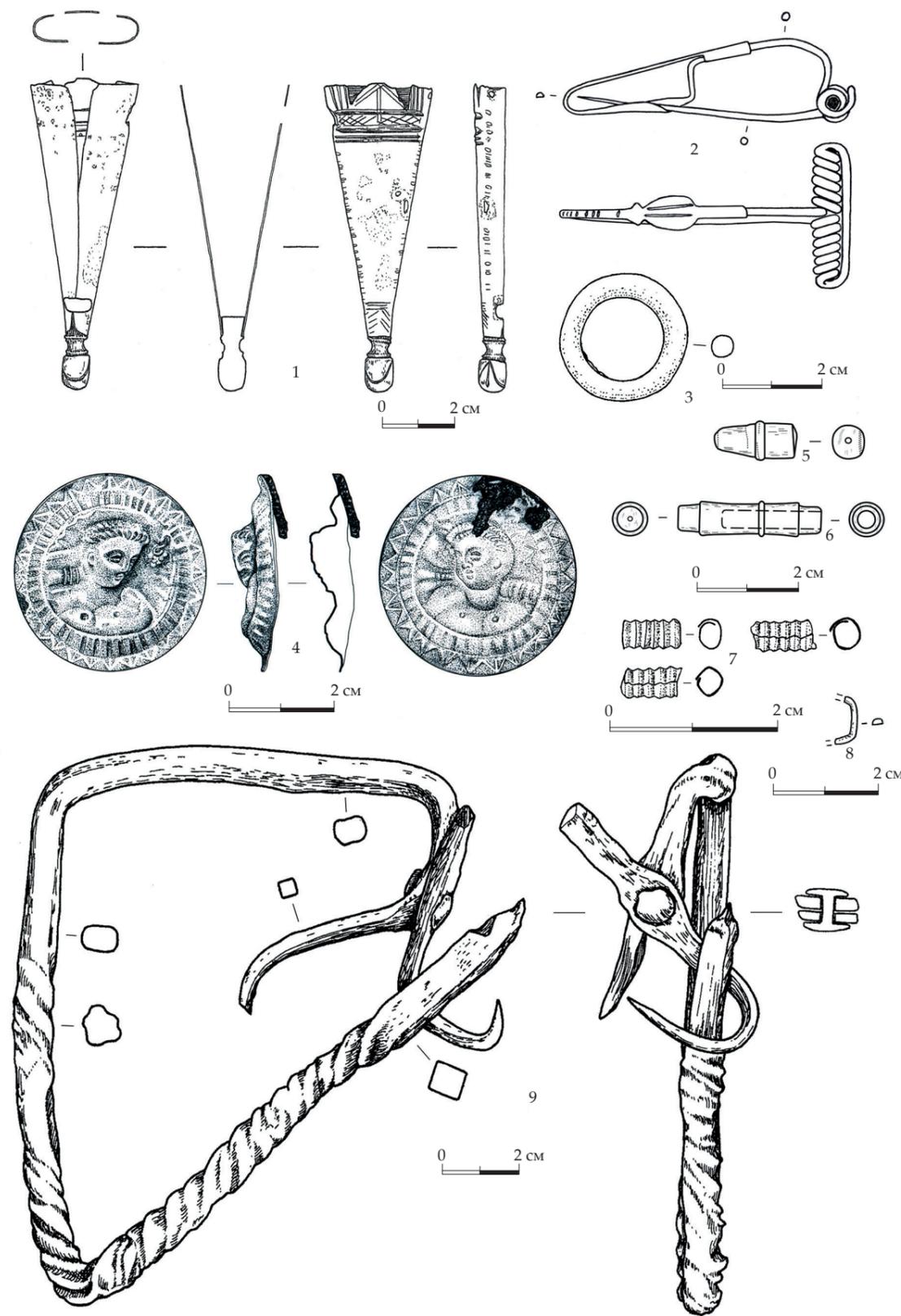

Рис. 6. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1 — наконечник ножен; 2 — фибула среднелатенской схемы; 3 — кольцо; 4 — фибула-брошь; 5-6 — костяные предметы; 7 — золотые пронизи; 8 — фрагмент бронзовой скобки; 9 — ритуальный жезл. Рисунки Г. Е. Парусимовой.

fig. 3, 7). Выскажем предположение, что люди, оставившие «клад» в кургане 18 могильника Царский, могли использовать попавший к ним каким-то образом италийский канделябр для отправления своего культа вместо обычного зооморфного жезла со втоком.

8. Наконечник ножен или ремня бронзовый (рис. 5, 4; 6, 1). Наконечник представляет собой обойму подтреугольной формы, изготовлен из цельной согнутой пластины с литой фигурной вставкой в нижней части. Верхний край наконечника с внешней стороны оформлен фигурными вырезами и орнаментирован вертикальными и наклонными прочерченными линиями. Ниже вырезов по верхней части внешней стороны наконечника прорезаны четыре глубокие горизонтальные линии. Пространство между двумя верхними линиями заполнено косыми пересекающимися тонкими линиями. Орнаментирована с внешней стороны также и нижняя часть наконечника: три горизонтальных тонких прочерченных линии, ниже — наклонные линии, образующие «ёлочку». Помимо этого, по бокам наконечника по всей его высоте нанесены частые короткие горизонтальные насечки. В верхней части наконечника с правой стороны сделано отверстие (0,6 x 0,5 см). Ещё одно отверстие (0,7 x 0,35 см), образованное вырезами на краях пластины, из которой свёрнут наконечник, имеется сзади в нижней его части. Фигурная вставка бронзовая литая, форма её близка к каплевидной, шейка выделена уступами, расширяющаяся верхушка вставлена в нижнюю часть наконечника и обжата. Вставка орнаментирована волнистыми и вертикальными врезными линиями. Размеры наконечника: высота (со вставкой) 8,5 см, ширина в верхней части 3 см, толщина 0,6–0,8 см.

Наиболее представительная серия находок подобных наконечников (около 30 экз.), сделанных из серебра, железа или бронзы, известна в Западном Крыму, большинство их происходит из памятников позднескифской культуры III–I вв. до н. э. — Неаполь, Усть-Альма, Беляус, Битак и др. (Зайцев, 2010, с. 137). Помимо крымских находок, Ю. П. Зайцев упоминает несколько подобных изделий в сарматских погребениях кубанского региона (Верхний к. 1 п. 3, «Воронцовский 3» п. 2, курган у ст. Воздвиженская) и в некрополях городищ Центрального Предкавказья (Нижний Джулат пп. 36, 37, Заманкул к. 1 п. 39) (Зайцев 2010, с. 136–137).

В литературе существуют две версии назначения таких изделий — наконечники ремней (Сыманович, 1983, с. 95; Дашевская, 2014, с. 87) и наконечники ножен (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 148–149; Зайцев, 2010, с. 136–137; 2011, с. 591). Находки наконечников со вставленными в них железными ножами из Битакского и Беляусского некрополей (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 148–149. Рис. 5, 1; Дашевская, 2014, с. 32, табл. 74, 17) как будто подтверждают вторую гипотезу. Другие исследователи позднескифских древностей затрудняются однозначно отдать предпочтение какой-либо из приведённых выше версий, констатируя лишь принадлежность подобных изделий к поясной гарнитуре, однако допускают возможность использования некоторых из них как наконечников ножен (Пуздровский, 2007,

с. 72; Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 88–89).

Наконечники, при единстве конструкции, достаточно разнообразны в деталях. В числе наиболее близких наконечнику из Царского можно назвать образцы из Неаполя (Зайцев, 2003, рис. 80, 6), Дмитрово (Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 5, 2), Верхнего (Марченко, 1996, рис. 83, 11).

9. Пряжка железная (рис. 8, 2). Рамка пряжки подпрямоугольной формы с вогнутыми длинными сторонами, уплощена. В передней части на рамке имеется выступающий вверх и вперёд неподвижный язычок. Размеры рамки: 7,8 x 4,6 см, толщина около 0,3 см.

При всей популярности во II–I вв. до н. э. пряжек с неподвижным язычком, образцы с рамкой прямоугольной формы довольно редки. У сарматов Нижнего Подонья подобные пряжки в это время нам не известны, на Среднем Дону пряжка похожей схемы происходит из Левороссошанского «клада» (Медведев, 2008, с. 20, рис. 10, 2). На Кубани, в Центральном Предкавказье и Северном Причерноморье находки поясных и подпружных пряжек такой схемы единичны (Беглова, 2002, с. 159. рис. 3, 7; Прокопенко, 2005, с. 230, рис. 198, В-9; 207, Б-10; Симоненко, 2010, с. 193, рис. 163а, 4). Несколько большее распространение поясные пряжки с прямоугольной рамкой имеют в позднескифском Крыму (Зайцев, 2011, с. 587–589, рис. 2). Вышеперечисленные пряжки в большинстве случаев сделаны из бронзы, обычно украшены полусферическими выступами по углам, иногда рамки снабжены перемычками. Железная пряжка из Царского отличается от них большими размерами и простотой исполнения.

10. Бронзовое кольцо (рис. 6, 3; 7, 4). В сечении округлое, диаметр кольца 2,45 см. В позднескифских древностях Крыма III–I вв. до н. э. подобные кольца (гладкие или гофрированные) входят в состав поясной гарнитуры, часто в комплекте с пряжками и наконечниками ножен (ремней?) (Зайцев, 2011, с. 591; Дашевская, 2014, с. 87).

11. Части составного костяного веретена (?) (2 шт.) (рис. 6, 5–6; 7, 5–6). Оба фрагмента подцилиндрической формы, имеют узкие кольцевые валики в средней части, сделаны на токарном станке, судя по центровочным углублениям на торцах. У большего фрагмента оба края проточены на 0,4–0,8 мм (длина проточки около 0,45 см), с одного из торцов сделано несквозное отверстие диаметром 0,35 см, глубиной около 2 см. У меньшего фрагмента один из торцов скруглён. Поверхность обоих изделий имеет следы полировки. Длина фрагментов 1,5 и 2,8 см, диаметр около 0,7 см.

Цельные и составные веретена, сделанные из кости, в достаточном количестве известны в материалах раскопок греческих городов Северного Причерноморья на всём протяжении их истории, изредка встречаются в скифских погребениях в Поднепровье (Петерс, 1986, с. 59–60).

13. Фрагмент стенки стеклянного сосуда (рис. 7, 1; 8, 4) — подтреугольной формы со скруглёнными углами, тщательно обточен. Фрагмент имеет слабый изгиб, стекло прозрачное. Размеры: 3,4 x 1,8 см, толщина 0,3–0,35 см.

14. Фрагмент железной иглы или шила (рис. 7, 10) окру-

глого сечения, один конец заострен, второй утрачен. Длина сохранившейся части 6 см, диаметр около 2–3 мм.

15. Золотые цилиндрические пронизи с поперечным рифлением — 252 шт. (рис. 6, 7; 7, 3). Пронизи сделаны из гофрированной полоски золотой фольги — свёрнуты в трубочки внахлёт. Размеры: длина трубочек 0,7–0,8 см, диаметр 0,4 см, толщина листа фольги 0,2 мм.

В погребениях сарматов Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. находки подобных пронизей не известны. Расшивка одежды бляшками или пронизями у ранних сарматов волго-донского региона практиковалась очень редко, зафиксирована лишь в единичных случаях. У варварского населения Прикубанья и Крыма во II–I вв. до н. э., напротив, рифлёные и гладкие золотые пронизи достаточно широко использовались как для составления ожерелий, так и для расшивки одежды (Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 67).

16. Небольшой фрагмент бронзовой скобки (рис. 6, 8; 7, 2), согнутой из проволоки сечением 2,2 x 0,5 см.

Нижнюю хронологическую границу комплекса определяет шлем восточнокельтского типа — не ранее конца II в. до н. э. (Mihaljevich, Dizdar, 2007, p. 126), верхнюю — крестовидная насадка на удила — по мнению И. И. Марченко крестовидные насадки выходят из употребления в начале I в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 74), по версии Е. А. Бегловой — после первой четверти I в. до н. э. (Беглова, 2010б, с. 46).

Археологическое исследование данного комплекса позволило проследить обряд захоронения «ритуального клада» с подробностями, которые обычно теряются при обнаружении «кладов» случайными лицами. Обращает на себя внимание большая глубина захоронения «клада» — 5,23 м от R0, около 2,7–3 м от уровня поверхности пола кургана (с учётом возможно выходящего сюда края досыпки, связанной с погребениями эпохи средневековья №№ 2 и 3 (Гордин, 2014, с. 38–42, рис. 158–160)). Как правило, «ритуальные клады» находятся на гораздо меньшей глубине. К сожалению, форму и размеры ямы не удалось проследить, так как она не достигла предметрикового суглинка и не попала в бровки. Скопление золотых пронизей под шлемом позволяет предположить, что дно ямки было выстлано сложенным в несколько раз (скомканным?) куском ткани, расшитой золотыми пронизями. Судя по расположению пронизей строго под тульей, а псалия вплотную к ней, ямка в нижней части была совсем небольшой, по диаметру тульи; в верхней части яма, вероятно, была шире, иначе её вряд ли возможно было прокопать на глубину около 3 м.

Тулья шлема использовалась как вместилище для прочих вещей. От шлема были отделены назатыльник и налобник вместе с нащёчками, назатыльник был разломлен на две части и уложен в тулью, налобник был согнут и положен поверх всех вещей, так, чтобы нащёчки накрывали тулью наподобие крышки. Мелкие предметы располагались на дне и в средней части тульи, более крупные — в средней части, самые массивные — сверху. Для компактности ритуальный жезл был дважды согнут, а удила с псалиями частично разобраны: в сборе находились только удила с кольцевыми псалия-

ями, со второй пары удила псалии (двухпетельчатые с лопастеобразными окончаниями) были сняты, один из них находился в тулье, второй — рядом со шлемом, у третьей пары удила звенья были разъединены, на одно из звеньев была надета крестовидная насадка, вторая насадка отсутствовала.

В состав комплекса входят как обычные для «ритуальных кладов» вещи — уздечные принадлежности и детали поясной гарнитуры, так и различные предметы, ранее не известные в составе «кладов».

Предметы конской упряжи представлены тремя комплектами удила, псалиями и крестовидной насадкой. Находки в «кладах» большого количества удила и псалий послужили одним из аргументов в пользу того, что это комплексы культового характера, а не остатки разрушенных погребений (Редина, Симоненко, 2002, с. 85). Судя по элементам поясной гарнитуры — наконечнику ножен (ремня?), кольцу и пряжке — в «кладе» из Царского присутствовал пояс или фрагменты пояса. Подобные поясные наборы, как уже упоминалось, часто встречаются в погребениях позднескифских некрополей в III–I вв. до н. э. (Зайцев, 2011, с. 584 и сл.; Дашевская, 2014, с. 87). Детали поясных наборов неоднократно фиксировались в составе «вотивных кладов» в Северо-Западном Причерноморье (Зайцев, 2008, с. 149).

Помимо уздечных принадлежностей, «клад» из Царского содержит вещи, ранее не известные в подобных комплексах (ритуальный жезл, фрагменты костяного веретена, железная игла, обточенный фрагмент стенки стеклянного сосуда) или встреченные в них единично (фибулы). В ряду этих находок наибольший интерес вызывает ритуальный жезл — несомненно, это культовый предмет, но используемый для совершения иных обрядов, вряд ли имевших что-то общее с ритуалом захоронения «кладов» (Шевченко, 2006, с. 149–152). Во всяком случае, все прочие ритуальные жезлы происходят не из «кладов», а из сарматских или меотских погребений, в одном случае — из святилища (Курганинск, к. 1).

2. «Ритуальный клад» из хутора Недвиговка Мясниковского района Ростовской области.

Вещи поступили в 2011 г. от жителя х. Недвиговка, оставшегося неизвестным. Точное место и обстоятельства находки установить не удалось, ясно лишь, что «клад» происходит из окрестностей Недвиговки. Комплекс представлял собой смятую бронзовую сидулу, в которой вместе с грунтом находились несколько комплектов удила, обломки железных щипцов (?), набор серебряных фаларов и фрагмент конского налобника, а также ручка-дужка и детали одной из петель. К моменту обработки коллекции в наличии оказались лишь сидула и железные предметы, фалары и налобник были описаны по фотографиям.

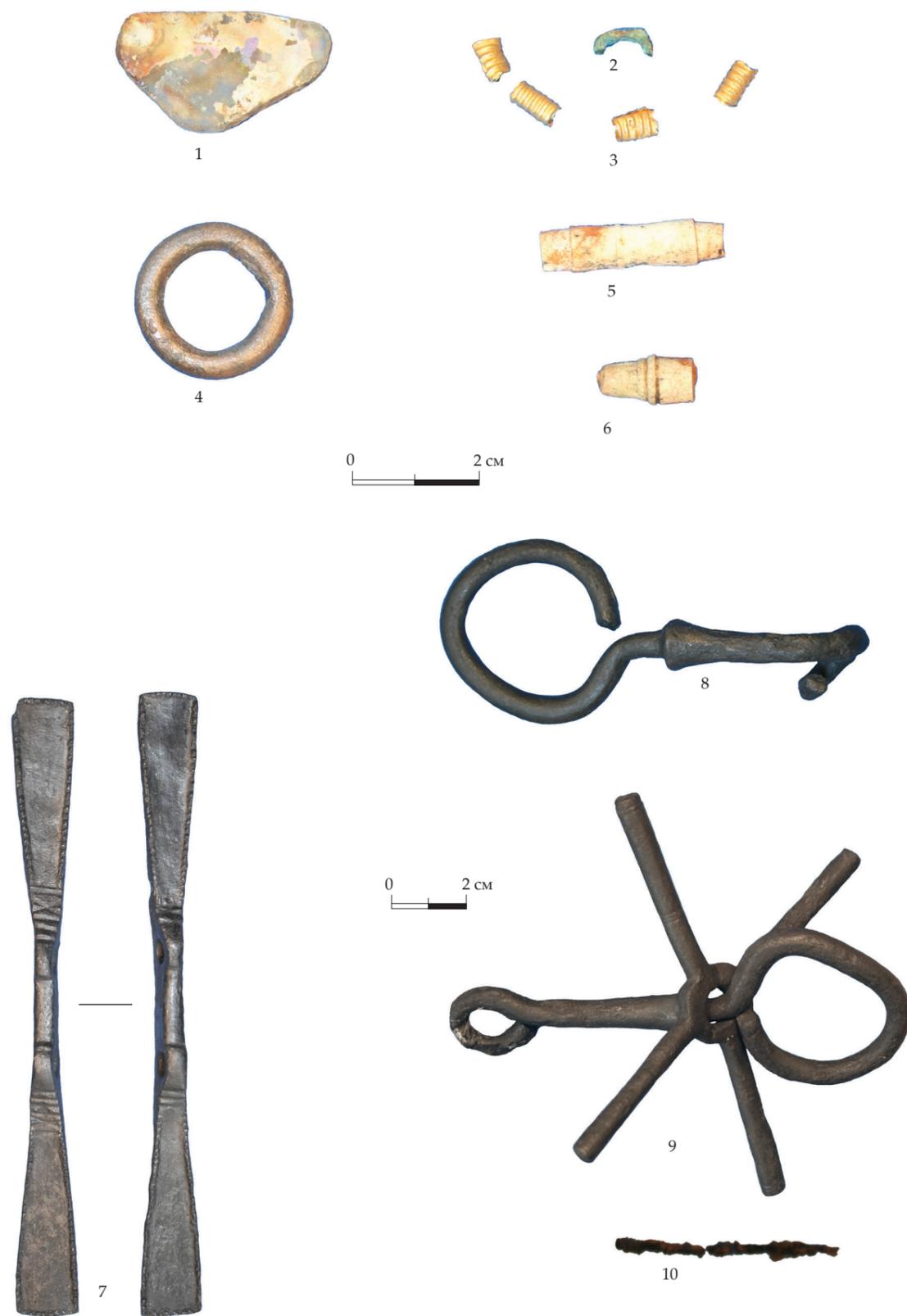

Рис. 7. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1 — фрагмент стеклянного сосуда; 2 — фрагмент бронзовой скобки; 3 — золотые пронизи; 4 — кольцо; 5-6 — костяные предметы; 7 — псаали; 8-9 — фрагменты удил; 10 — игла. Фотографии И. А. Гордина.

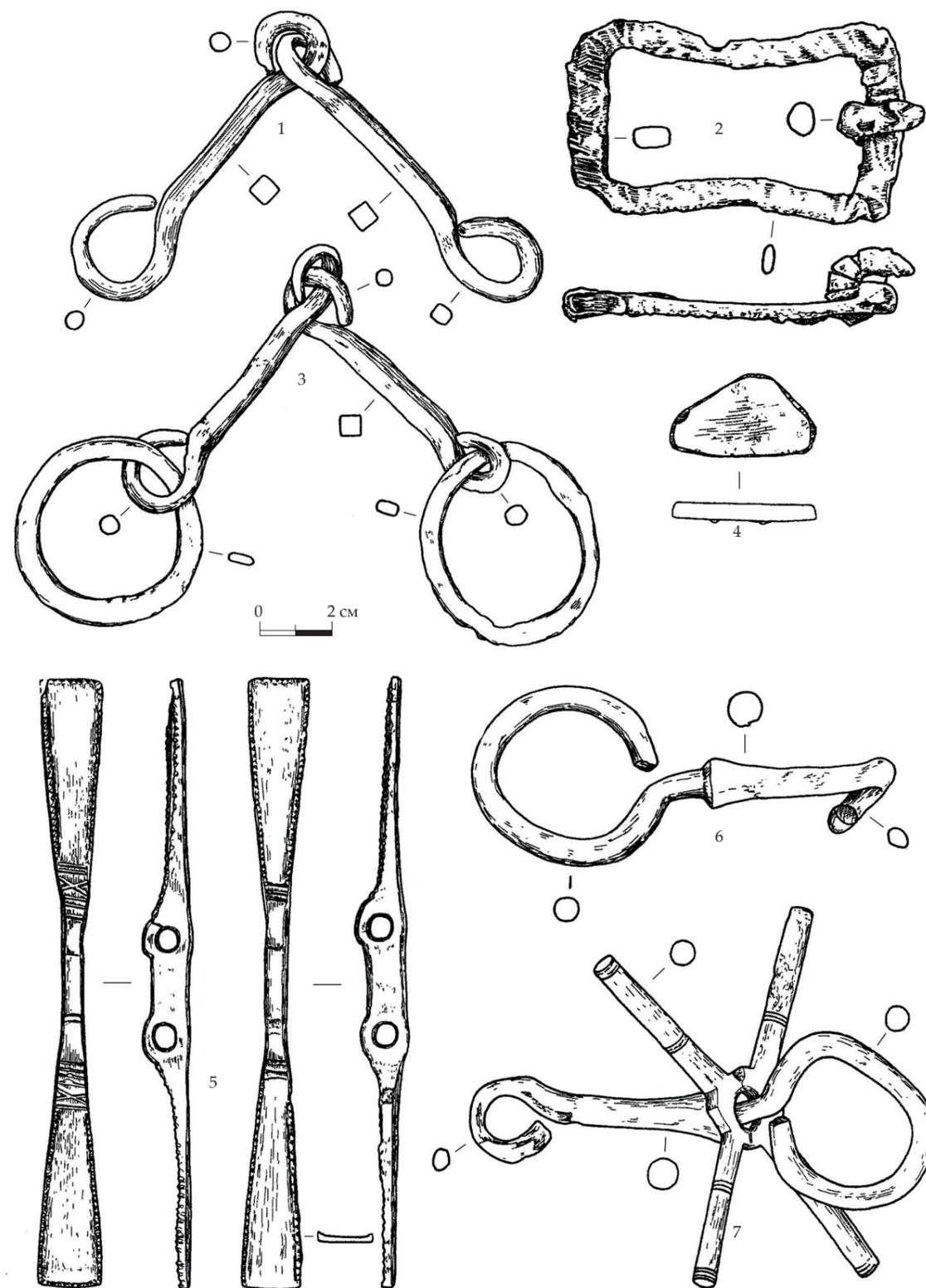

Рис. 8. Курган 18 могильника Царский, ситуация 1. 1, 3 — удила; 2 — пряжка; 4 — фрагмент стеклянного сосуда; 5 — псаали; 6-7 — фрагменты удил. Рисунки Г. Е. Парусимовой.

Описание вещей:

1. Бронзовая ситупа (рис. 9, 7; 9; 10, 4) в древности была подвергнута ритуальной порче: тулово было смято, изготовленное отдельно дно оторвано от тулова, дуговидная ручка также оторвана и помещена внутрь ситупы, вместе с другими вещами «клада».

Ситупа изготовлена из тонкого бронзового листа, толщина стенок — 0,5 мм, горла и венчика — 1 мм. Верхняя часть сосуда имеет широкую горловину, отделённую резким перегибом от тулова усечено-конической формы. Дно ситупы было изготовлено отдельно и припаяно (?) к нижней части тулова, утрачено в древности. Дуговидная ручка (рис. 10, 1) сделана из округлого в сечении прута, загнутые концы оформлены в виде стилизованных головок лебедей или утки, диаметр прута в центре 0,8 см, у краёв — 0,5–0,6 см, высота ручки — около 8,5 см. Ручка крепилась к ситупе при помощи железных петель, каждая из которых была прикреплена к горлу двумя заклёпками. Сохранились фрагменты одного из атташей (рис. 10, 2) и петли (рис. 10, 3). Вероятно, в древности атташ подвергался ремонту — видно, что он состоит из двух наложенных друг на друга железных пластин толщиной 2,5–3 мм. Пластины скреплены массивной железной заклёпкой, эта же заклёпка, видимо, крепила атташ к горлу ситупы. Одна из пластин подпрямоугольной формы со скруглёнными углами (ширина 1,4–1,5 см, длина не менее 3,5 см, толщина 4–5 мм), к ней двумя бронзовыми заклёпками прикреплена небольшая бронзовая пластинка трапециевидной (?) формы (ширина 1–1,3 см, длина не менее 1,7 см, толщина 0,5 мм). Вторая пластина, вероятно, была подпрямоугольной формы (ширина не менее 2 см, длина не менее 3,5 см, толщина 2–3 мм), также снабжена бронзовой заклёпкой. На горле ситупы имеется две пары отверстий от заклёпок, крепивших атташи, расстояние между парными отверстиями — около 7,5–8 см. В одном из отверстий сохранилась железная заклёпка с остатками подложенной изнутри бронзовой «шайбы» подпрямоугольной (?) формы, с наружной стороны горла сохранился фрагмент железного атташа, застрявший в складках смятой бронзы между горлом и плечиком (длина фрагмента около 5 см, толщина пластины около 2 мм). Аналогичным образом, при помощи железных петель, крепятся ручки на ситупах из Кореновского «клада» и из погребения 1 Мутинского могильника (рис. 10, 5, 6). Размеры ситупы: высота (без дна и ручки) — около 20 см, диаметр тулова — 17–18 см.

Ситупа может быть отнесена к типу 22 классификации Г. Ю. Эггера (Eggers, 1951, S. 161, Taf. 4, 22). Датировка недвиговской ситупы может быть определена в рамках 2-й половины II–I вв. до н. э. (Dizdar, Radman-Livaja, 2004, p. 51–52).

Наиболее близки нашей ситупе сосуды из кореновского «клада» в Прикубанье (Mačenko I., Limberis N., 2008, taf. 27) и из могильника Мутин в Посеймье (Терпиловский, Жаров, 2013, рис. 1, 1–2, 5–6). По мнению М. Диздара и И. Радмана такие ситупы, найденные на территории восточной Словении, являются местными грубыми подражаниями италийской посуде (Dizdar, Radman-Livaja, 2004, p. 51, T. 1, 2–3).

Р. В. Терпиловский и Г. В. Жаров также считают подобные ситупы из Мутина кельтскими (Терпиловский, Жаров, 2013, с. 38–39). Г. Ю. Эггерс определял ситупы с железными петлями и ручками как изделия италийского и римского производства, делая оговорку, что некоторые атташи могут быть варварскими переделками (Eggers, 1951, S. 40, 161). М. Болла справедливо указала, что большая вариативность кованых железных атташей связана с технологией производства, т. к. для них невозможна та же степень стандартизации, что у литых бронзовых. Исследовательница предполагает производство подобных ситуп в Северной Италии (Bolla et al., 1991, p. 18).

Мы склонны согласиться с версией об италийском (или провинциально-римском?) производстве ситуп. На основании изображений таких ведерок в экипировке легионеров на рельефе колонны Траяна, а также находки ситупы с владельческой надписью в Сисаке, А. Радноти сделал вывод, что подобные сосуды входили в состав римского военного снаряжения (Radnoti, 1938, S. 113). К римскому воинскому снаряжению относили ситупы из Северного Причерноморья В. П. Шилов (Шилов, 1974, с. 65), И. И. Марченко (Марченко, 1996, с. 38), Н. Ф. Шевченко (Шевченко, 2013, с. 68). В подтверждение этой версии можно привести находку ситупы, аналогичной сосудам из Марьевки, Веселой Долины, Новых Бедражей и Новочеркаска, в римском осадном лагере III в Нуманции, датированном 153 г. до н. э. (Schulten, 1929, Taf. 30, 23; Luik, 2002, S. 57–58, Kat. R 76, Abb. 173).

Б. А. Раев предположил, что ситупы, как и другие бронзовые сосуды эпохи позднего латена, попали в Сарматии от малоазийских галатов, которые поддерживали контакты с европейскими кельтами (Раев, 1993, с. 174–175). Вряд ли это так. Ситупы в период поздней республики входили в экипировку легионеров, и в Северное Причерноморье попали, скорее всего, в результате событий Митридатовых войн. Впрочем, нельзя исключить и другие возможности попадания предметов римского вооружения и снаряжения в Северное Причерноморье и в более раннее время (Дедюлькин, 2016, с. 186). Недвиговский сосуд отличается от большинства ситуп, найденных в Северном Причерноморье (Новочеркасск, Веселая Долина, Марьевка, Новые Бедражы), креплением ручки при помощи двух приклёпанных к горлу петель. Отдельно изготовленное и припаянное дно, очевидно, является вариативным признаком, такое встречено, в частности, у ситупы из Нуманции (Luik, 2002, S. 57–58, Kat. R 76, Abb. 173). Конструктивные различия между ситупами, вероятно, объясняются тем, что экипировка для легионеров изготавливалась в различных мастерских.

2. Фалары:

Большие (рис. 9, 4–5) — 2 шт., диаметром около 10,5 и 11 см. Серебряные, средняя часть у обоих вырезана, очевидно, в древности (ритуальная порча?). По бортику расположены 8 заклёпок, крепящие скобы для сбруйных ремней (сами скобы отсутствовали).

Малые (рис. 9, 1–3) — 3 шт., два диаметром около 6,6 см, третий — около 7,4 см. Серебряные, выполнены в технике чеканки, слабовыпуклые, края несколько отогнуты, образуя

бортик. В центре фаларов изображены четырёхлепестковые розетты из листьев аканфа, различающиеся в деталях. Розетты окружены кольцевым рельефным валиком, декорированным косыми насечками. По бортику фалары орнаментированы дуговидными фигурами, выполненными пунсоном, чередующимися с «жемчужинами». Каждый фалар имеет по две заклёпки в центральной части, крепящие скобу для сбруйных ремней (сами скобы отсутствовали).

Фалары принадлежат к группе изделий так называемого «причерноморского графического стиля» с общей датой II–I вв. до н. э., большая часть находок таких фаларов укладывается в рамки конца II–I вв. до н. э. (Mordvinceva, 2001, s. 37). Ритуальная порча вещей из «кладов» не является редкостью, однако вырезание средней части у фаларов зафиксировано в первый раз. Примечательно, что находки фаларов в погребениях отмечены лишь в восточных регионах Сарматии, наборы фаларов на территориях западнее Волги пока известны преимущественно в составе «ритуальных кладов» (Мордвинцева, 2008, с. 166 и сл.; Сергацков, 2009, с. 157).

3. Фрагмент конского налобника (рис. 9, 6) — серебряный, пластинчатый, выполнен в технике чеканки, рельеф невысокий. Сохранилась лишь верхняя часть налобника длиной около 5,5 см, ширина налобника — 5 см. Налобник имеет петлю, конец которой крепится к краю пластины крупной заклёпкой. По краю налобник украшен геометрическим орнаментом в виде нескольких пунсонных зигзагообразных линий и «жемчужин». В средней части налобник декорирован двумя рельефными валиками, образующими прямоугольные фигуры, внутренний валик и пространство между валиками покрыты частыми косыми насечками. На пространстве, ограниченном валиками, в срединной части налобника имеется небольшая выпуклая розетка, также украшенная косыми насечками.

4. Удила железные — фрагменты по меньшей мере трех комплектов. Наиболее хорошо сохранились железные двусоставные удила, сделанные из подквадратного в сечении прута, со стопорными утолщениями на грызлах для фиксации устрожающей насадки (рис. 9, 8; 11, 1–3). Длина грызла около 12 см, размеры внешних колец — около 3,4 x 4,3 см, внутренние кольца фрагментированы и сильно коррозированы, их диаметр около 2,2–2,7 см. Этот комплект удил сопровождался крестовидными насадками (рис. 9, 8; 11, 4–5), одна из которых была надета на звено удил, вторая найдена отдельно. Основание насадок скругленно-подквадратной формы, крестовины с округлыми («шишкообразными») по терминологии Е. А. Бегловой) окончаниями, оконтуренными снизу валиками, декорированы одинарными кольцевыми врезными линиями под валиком и ближе к основанию. Размеры: около 11,5 x 12 см. Прочие комплекты удил сильно разрушены коррозией. От второго комплекта сохранились фрагменты грызла со стопорными утолщениями (длина 7,5 и 9 см, диаметр внутренних колец около 2–2,2 см) (рис. 11, 6). От третьего комплекта сохранились внутренние кольца и части грызла, длина сохранившихся частей звеньев — 5,9 см и 3,4 см (рис. 11, 8). Вероятно, к какому-то из комплектов удил относится фрагментированное

кольцо (внешнее кольцо удил? кольцевидный псалий?) диаметром около 4,7 см (рис. 11, 7).

Крестовидные насадки из недвиговского «клада», как и насадки из комплекса в кургане 18 могильника Царский, относятся к типу II крестовидных псалиев по классификации И. И. Марченко с общей датой III - начало I в. до н.э. (Марченко, 1996, с. 72–74), Е. А. Беглова выделяет насадки с «шишкообразными» окончаниями в вариант «В» (Беглова, 2010а, с. 151) и датирует их второй половиной II - первой четвертью I в. до н.э. (третья хронологическая группа Тенгинского могильника) (Беглова, 2010б, с. 46).

5. Фрагменты железных щипцов (?) (рис. 11, 9). Обломок железного стержня, конец которого раскован в округлую лопаточку диаметром около 3,5 см. Находки таких щипцов известны в меотских погребальных и ритуальных комплексах эллинистического времени: второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника (Беглова, 2005, рис. 2), погребение 26 грунтового могильника IV Новолабинского городища (Раев, Беспалый, 2006, с. 21, табл. 17, 10), погребение 3 грунтового могильника Мезмай-1 (Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011, с. 133, рис. 17, 9).

«Ритуальный клад» из Недвиговки, наряду с почти обязательными предметами конской упряжи (набор фаларов и несколько комплектов удил с крестовидными насадками и псалиями), включает фрагменты щипцов(?) — вещь, ранее не встречавшуюся в составе «кладов». Весьма возможно, что до нас дошли не все вещи, входившие в состав комплекса, на что может указывать, в частности, неполный комплект фаларов оголовья — судя по изображениям взнузданных коней, обычное количество таких фаларов составляет не менее 5–6 штук. Количество фаларов зависит от положения налобника/наносника: при размещении на нахрапном ремне — 5 шт. (Венедиков, Герасимов, 1973, кат. 89), между налобным и нахрапным ремнями — 6 шт. (Pfrommer, 1993, p. 14–15, fig. 8–10). Какие-то предметы могли быть изъяты находчиками, хотя наличие грунта внутри ситупы как будто свидетельствует о том, что она не была ими вскрыта полностью. Кроме того, не исключено, что часть вещей «клада» могла находиться не в ситупе, а рядом или даже на каком-то расстоянии от неё, подобные случаи известны в практике захоронения «ритуальных кладов» (Глебов, 2016, с. 152).

Для датировки комплекса важны крестовидные насадки с «шишкообразными» окончаниями, датирующиеся по Е. А. Бегловой второй половиной II — первой четвертью I в. до н. э. (Беглова, 2010б, с. 46) и фалары, выполненные в «причерноморском графическом стиле», бытующие в Северном Причерноморье во II–I вв. до н. э., большая часть их датируется концом II–I вв. до н. э. (Mordvinceva, 2001, s. 37).

Таким образом, дата «ритуального клада» из Недвиговки может быть определена в рамках конца II — ранней части I в. до н. э., скорее всего, первой четверти или трети I в. до н. э.

Теме «кладов» посвящена обширная литература. Эти комплексы привлекли внимание исследователей ещё в начале XX в. (Спицын, 1909, с. 18–53; Rostovtzeff, 1922, p. 136). Первона-

Рис. 9. Ритуальный клад из хут. Недвиговка. 1-3 — фалары оголовья; 4-5 — фрагменты наплечных фаларов; 6 — фрагмент налобника; 7, 9 — ситула; 8 — крестовидная насадка. (7-9 — фотографии А. М. Чумака.)

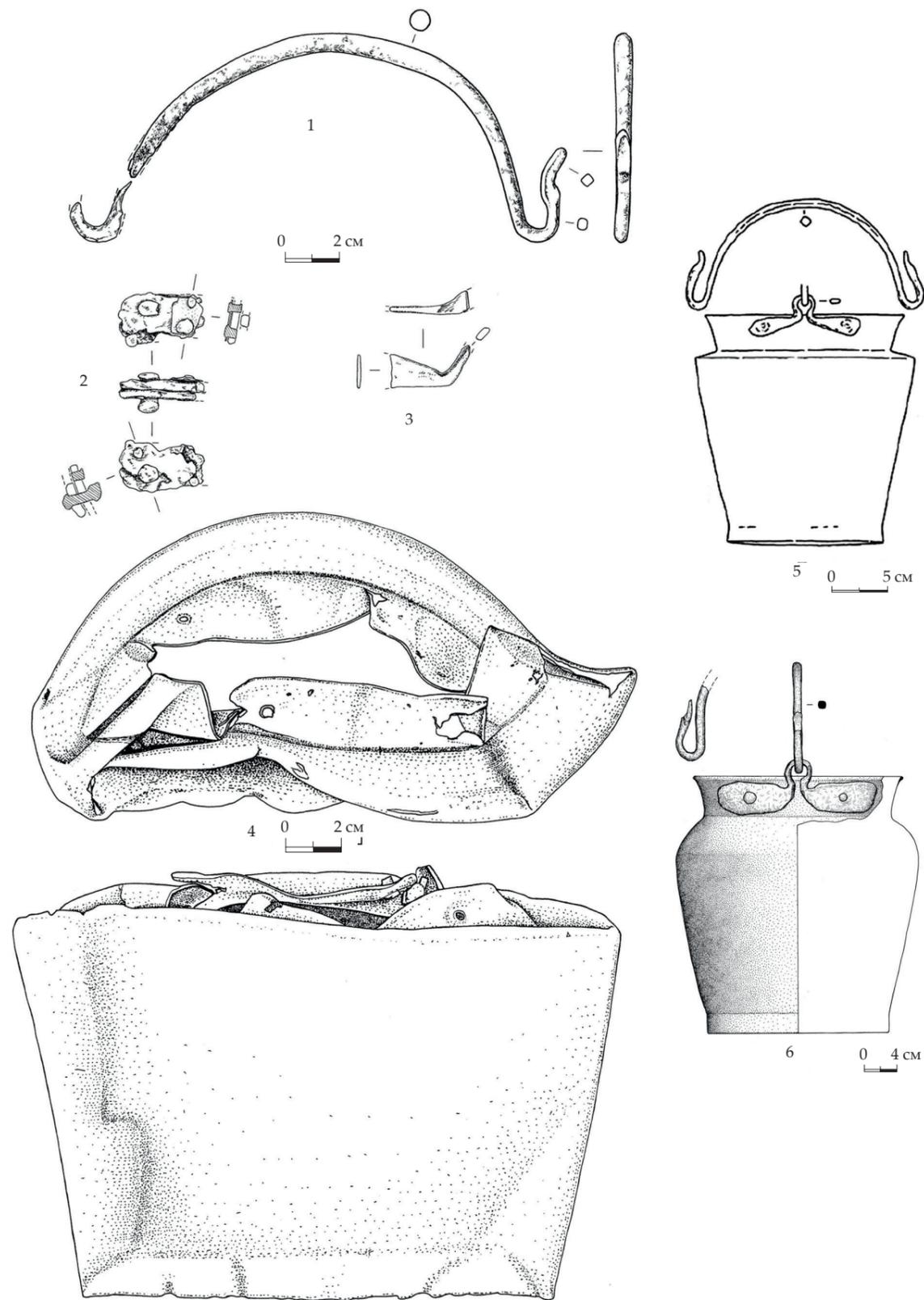

Рис. 10. Ритуальный клад из хут. Недвиговка. 1 — ручка ситулы; 2-3 — детали атташа; 4 — ситула; 5 — ситула из погр. Мутинского мопильника (по: Терпиловский, Билинская, 2010); 6 — ситула из Кореновска (по: Marčenko, Limberis, 2008). (1-4 — рисунки Г. Е. Парусимовой.)

чально такие наборы вещей считались инвентарём разрушенных сарматских погребений (Смирнов, 1954, с. 213; 1984, с. 69–70, 84, 86, 108–110; Абрамова, 1961, с. 93; Яценко, 1962, с. 42 и сл.; Гущина, 1969, с. 44 и сл.). Однако со временем стало ясно, что эти комплексы имеют культовый характер (Симоненко, 1993, с. 89–90). Происхождение обряда захоронения «ритуальных кладов», их культурная атрибуция и хронология до сих пор являются предметом дискуссии.

Наибольшее число сторонников имеет гипотеза о сарматской принадлежности «ритуальных кладов» — распространение их в Прикубанье, Подонье и Северном Причерноморье, по мнению исследователей, отражает процесс освоения сарматами новых территорий в процессе миграции (Шукин, 1994, с. 97; Виноградов, 1999, с. 77–78; Яровой, Четвериков, 2000, с. 15–16; Дзиговский, 2003, с. 57–59; Марченко, Лимберис, 2009, с. 73; Медведев, 2008, с. 18–21; и др.). Сарматская версия наиболее полно разработана А. В. Симоненко, который трактует «клады» как памятники поминального характера, связанные с воинским культом и датирует их концом II — началом I вв. до н. э. или шире — концом II–I вв. до н. э. (Симоненко, 1993, с. 89–90; Симоненко, 2001, с. 94–96; Редина, Симоненко, 2002, с. 85–86; Симоненко, 2004, с. 136; 2015, с. 310). Долгое время А. В. Симоненко придерживался мнения о сиракской принадлежности «ритуальных кладов» и связывал захоронение всех «странных комплексов» с событиями Митридатовых войн (хотя последнее утверждение плохо стыкуется с его хронологией «ритуальных кладов» — под Митридатовыми войнами в историографии понимаются только события трех войн этого царя с Римом в 89–85, 83–82, 74–63 гг. до н. э.). При рассмотрении отдельных комплексов А. В. Симоненко во всех случаях относит их к концу II–I вв. до н. э., даже если вещи из «кладов» противоречат такой датировке (Симоненко, 2014, с. 254; 2015, с. 123, 163–164, 265–266).

А. В. Симоненко выделяет два района концентрации «кладов»: 1) Северо-Западное Причерноморье — бассейны Южного Буга, Днестра и Прута, 2) Дон и Прикубанье, иногда разделяя эту восточную группу на две — донскую и кубанскую. Группа «кладов» в Северо-Западном Причерноморье, где в это время не было сарматского населения, является, по его мнению, следами кратковременного рейда сираков Прикубанья в составе войск Митридата Евпатора в этот регион (Симоненко, 2001, с. 95–96; Редина, Симоненко, 2002, с. 85–86; Симоненко, 2004, с. 136; 2015, с. 310). Однако, вопреки ссылкам А. В. Симоненко на «сведения Аппиана», ни у Аппиана, ни у других авторов не содержится никаких данных об этом рейде, они сообщают лишь о подготовке Митридатом войска для большого похода на Рим (App., Mithr., 107–109; Plut., Rompr., 41). Очевидно, что изобретение эпизода с рейдом конницы Митридата в Северо-Западное Причерноморье понадобилось А. В. Симоненко исключительно для подтверждения своей гипотезы.

Попытку А. В. Симоненко ограничить хронологию «ритуальных кладов» временем Митридатовых войн нельзя признать удачной. К эпохе Митридата Евпатора может быть отнесена лишь часть «кладов» — прежде всего, комплексы со шлемами

восточнокельтского типа (Царский, Бойко-Понура), а также, вероятно, «клады» со шлемами Монтефортино (Сергиевская, Роговская, Антиповка, Весёлая Долина, Приволье, Марьевка, Токмак-Могила, а также, возможно, Весёлый, Новопрехоровка, Бельенкое, Ездочное, Приморское, Нижнесазонов и др.²), если появление их в Северном Причерноморье действительно связано с событиями Митридатовых войн. Однако многие «ритуальные кладов», бесспорно, относятся к более раннему времени и могут быть продатированы в рамках III или III–II вв. до н. э. — Пластуновская (Марченко, Лимберис, 2009, с. 72–73), Грушевский (Дедюлькин, 2012, с. 43–44), Семёновка (Зайцев 2012а, с. 58–63), Гэвань (Зайцев, 2007, с. 261–265), Острый (Зарайская и др., 2004, с. 130–144), Балаклея (Смирнов, 1984, с. 84), Квашино (Смирнов, 1984, с. 91–93), Твардица (Зайцев 2012а, с. 57–58), Великопоское (Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 158). В настоящее время широкая хронология ритуальных «кладов» в рамках III–I вв. до н. э. представляется более обоснованной и поддерживается большинством исследователей (Дзиговский, 2003, с. 57 и сл.; Зайцев, 2008, с. 149–150; 2012б, с. 68–69; Сергацков, 2009, с. 157–158; Марченко, Лимберис, 2009, с. 72–73; Глебов, 2010, с. 18; Дедюлькин, 2012, с. 43–44; Тельнов и др., 2012, с. 12–13; Полин, 2014, с. 641).

В одной из последних работ А. В. Симоненко и сам скорректировал свою точку зрения, отказавшись от датировки всех «ритуальных кладов» исключительно эпохой Митридата и трактовки их как сарматских (Симоненко, 2018, с. 35).

Неоднократно предпринимались попытки связать комплексы, содержавшие шлемы Монтефортино, с присутствием на Боспоре кельтских наёмников или с военными рейдами кельтов из Подунавья или из области Карпат (Трейстер 1992, с. 44–45; Бруяко, Росохацкий, 1993, с. 81–82; Бруяко, 2009, с. 343–344; Казакевич, 2009, с. 22). Однако в большинстве случаев эти гипотезы основывались на представлении о кельтской принадлежности данных шлемов. Шлемы Монтефортино действительно происходят от кельтских прототипов IV в. до н.э., однако образцы из Северного Причерноморья принадлежат преимущественно к поздним вариантам (конец III в. до н.э. - I в. до н.э.), которые массово состояли на вооружении римской армии позднеэллинистического периода (Robinson H.R., 1975, p. 13; Connolly, 1981, p. 133, 229; Schaff, 1988, s. 320–322; Feugere, 1993, p. 83–84; 1994, p. 37–39). Вряд ли «клады» с римскими шлемами могут говорить о кельтском присутствии или влиянии.

Наряду с сарматской гипотезой существует мнение о позднескифской атрибуции «ритуальных кладов» западной группы или даже всего Северного Причерноморья. Многие «клады», найденные в степном Северо-Западном Причерноморье, изначально считались позднескифскими (Симоненко, 1986, с. 67; Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 160; Антипенко, Чирков, 1992, с. 5–6). М. Б. Шукин, введший в научный обиход название «странные комплексы», полагал, что некоторые из них (Великопос-

² Находки шлемов с неясным контекстом многие исследователи склонны считать остатками «кладов», хотя импортные шлемы иногда встречаются и в погребениях (Мариенталь, Греки 2, Ореховка, Чегем, Заманкул).

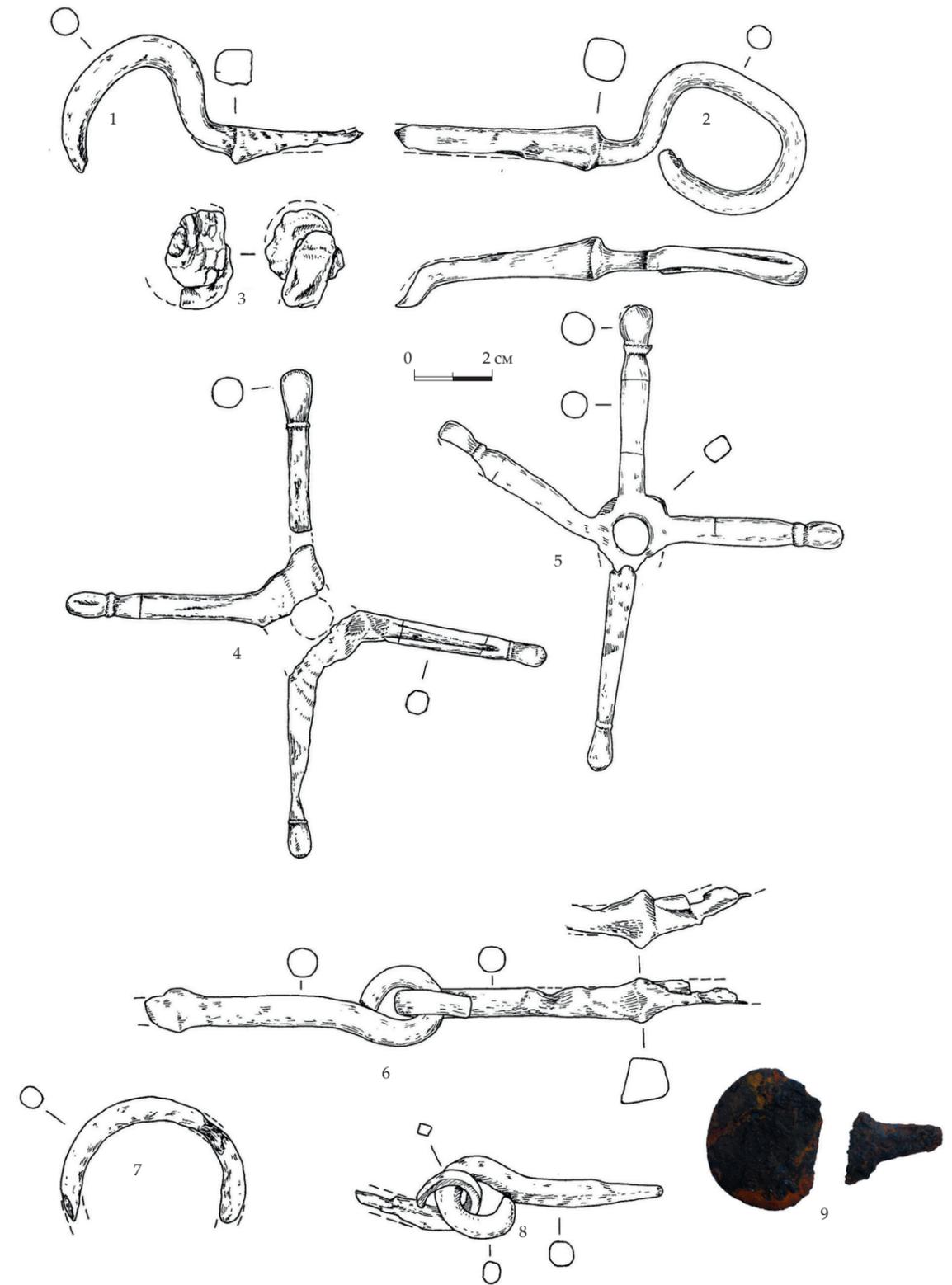

Рис. 11. Ритуальный клад из хут. Недвиговка. 1–3, 6–8 — фрагменты удили; 4–5 — крестовидные насадки; 9 — фрагмент шипцов. 1–8-Рисунки Г. Е. Парусимовой.

ское, Семёновка, Бравичены, Бубуечь) могли быть оставлены сарматами — саями царя Сайтафарна, известными по декрету в честь Протогена, но допускал и возможность скифской принадлежности «кладов» (Шукин, 1994, с. 97–98). В настоящее время в пользу позднескифской принадлежности «ритуальных кладов» высказываются С. В. Полин, Е. Г. Карнаух (Полин, Карнаух, 2012, с. 143; Полин, 2014, с. 641).

Ю. П. Зайцев первоначально интерпретировал такие комплексы («вотивные клады» по его терминологии) как особую форму отчуждения и захоронения на стороне части погребального инвентаря элитных воинских погребений. Традицию «вотивных кладов» в Северном Причерноморье Ю. П. Зайцев считал степной позднескифской. Истоки обряда захоронения «кладов», по его мнению, находились в Центральной Европе и на Северных Балканах, откуда в последних веках до н. э. эта традиция распространяется на восток (Зайцев, 2007, с. 266). На наш взгляд, это наиболее правдоподобная версия происхождения традиции «ритуальных кладов» Северного Причерноморья, хотя данная гипотеза была изложена Ю. П. Зайцевым лишь тезисно, для окончательных выводов требуется детальный сравнительный анализ северопричерноморских комплексов с балканскими и центрально-европейскими.

Позднескифская версия принадлежности «ритуальных кладов», правда, плохо согласовывалась с долго бытовавшим в науке представлением о весьма скромном скифском присутствии в степной части Северо-Западного Причерноморья в рассматриваемое время. Однако масштабные исследования позднескифского курганного могильника Глиное в рамках Тираспольской группы в Приднестровье во многом изменили картину. На некоторые параллели между «странными комплексами» и погребениями могильника Глиное впервые обратили внимание Е. В. Яровой и И. А. Четвериков (Яровой, Четвериков, 2000, с. 15–16). Ю. П. Зайцев отметил вероятную связь традиции «вотивных кладов» с памятниками Тираспольской группы в Приднестровье, где встречены элементы конской упряжи и вооружения, ранее известные в Северо-Западном Причерноморье только в составе «ритуальных кладов» (Зайцев, 2007, с. 266; 2008, с. 149–150). Подробный сравнительный анализ «ритуальных кладов» и материалов Глиного был сделан Н. П. Тельновым, И. А. Четвериковым и В. С. Сининой. По их мнению, в погребениях могильника Глиное, общая дата которого устанавливается в пределах рубежа IV–III вв. до н. э. — позднего II вв. до н. э. (возможно, не исключая и начала I в. до н. э.), были обнаружены практически все составляющие «кладов» — вооружение, конское снаряжение, посуда и др., что позволило исследователям сделать вывод о скифской принадлежности «ритуальных кладов» Северного Причерноморья и датировке большинства их III–II вв. до н. э., некоторых — I в. до н. э. (Тельнов и др., 2012, с. 12–13).

Гипотеза об отнесении могильника Глиное и «ритуальных кладов» к одному этнокультурному горизонту вызвала возражения А. В. Симоненко. Он посчитал, что в таком случае в погребениях Глиного должны были бы быть и другие вещи,

диагностирующие «странные комплексы»: котлы, ситулы, шлемы, эллинистические серебряные чаши (Симоненко, 2005, с. 258–259). Однако, как уже отмечалось, нет смысла ожидать полного совпадения вещевого комплекса погребальных и культовых памятников — отсутствие шлемов, ситул, котлов и чаш в захоронениях может быть связано с особенностями погребального обряда могильника Глиное (Дедюлькин, 2016, с. 185).

Версия Ю. П. Зайцева и тираспольских исследователей в отношении западной группы «ритуальных кладов» выглядит достаточно убедительной. Действительно, наибольшая концентрация «кладов» в Северо-Западном Причерноморье наблюдается именно в Приднестровье и междуречье Днестра и Дуная, некоторые «клады» тяготеют к территории Тираспольской группы: Великопоское, Бубуечь, Бравичены, другие находятся в непосредственной близости: Тараклия, Твардица, Семёновка, Весёлая Долина (Зайцев, 2012, рис. 2). С тезисом о параллелях в вещевом комплексе «ритуальных кладов» и погребений могильника Глиное с некоторыми оговорками можно согласиться.

Нам представляется, что определение всех «ритуальных кладов» Северного Причерноморья как позднескифских вряд ли приемлемо. Для комплексов восточной группы версия о сарматской принадлежности выглядит гораздо более обоснованной. Какое-либо варварское население, помимо кочевников-сарматов, в степной части Нижнего Подонья, Поволжья, Прикубанья в последних веках до н. э. пока не неизвестно ни по письменным, ни по археологическим источникам. Кроме этого, следует отметить во многих «кладах» восточной группы вещи, считающиеся диагностирующими для раннесарматской культуры: мечи с серповидными навершиями из Весёлого и Острога, наконечники стрел с длинными черешками и ложковидные наконечники ремней из Рестумова II, котлы сарматского типа из Качалинской и Рестумова II и др., зооморфный крючок из Качалинской.

Тем не менее, очевидно, что традиция захоронения «ритуальных кладов» по происхождению не сарматская. «Ритуальные клады» восточной группы тяготеют к территории западной части Сарматии: Северо-Восточное Приазовье, Прикубанье, Подонье. Восточнее находки «ритуальных кладов» единичны: в междуречье Волги и Дона — Жутовский, к. 27³ (Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 125–126, рис. 1), в Заволжье — Новоузенск (Спицын, 1909, с. 29, рис. 72; 73; 79). На «прародине» ранних сарматов — в Южном Зауралье и Приуралье обычай захоронения «кладов» конской упряжи и вооружения, кажется, вообще не имел распространения — в этих регионах пока не обнаружено ни одного подобного комплекса.

Распространение этого обычая у кочевников западных регионов Сарматии, видимо, было результатом заимствования. Б. А. Раевым в недавнем докладе об истоках традиции «стран-

³ Следует отметить, что принадлежность жутовского комплекса к «ритуальнымкладам» не бесспорна. Авторы публикации А. С. Скрипкин и О. А. Шинкарь считают захоронение набора фаларов в кургане 27 Жутовского могильника не «кладом», а частью ритуального действия, связанного с захоронением знатного воина (погребение 4) (Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 136).

ных комплексов»⁴ было высказано предположение о происхождении «ритуальных кладов» от меотских жертвенников. Поводом послужила находка комплексов конской упряжи (в т.ч. трёх налобников с крючком), характерных для «ритуальных кладов», в погребении 71 (жертвенном комплексе) грунтового могильника городища Новолабинское IV. Эти находки позволили Б. А. Раеву провести параллели между данным комплексом и «кладами» западной группы, в которых известны такие налобники и удила с крестовидными насадками, близкими меотским. Здесь необходимо отметить, что этот комплекс ничем, кроме наличия трех налобников с крючком, не выделяется среди остальных меотских жертвенников с взнузданными конями. Налобники такой формы в Закубанье единичны, и сами, вероятно, попали туда извне. Вряд ли оправдано делать их этноиндикатором и маркером отправной точки некоего влияния или миграции (Дедюлькин, 2016, с. 183).

Ю. П. Зайцев в одной из своих работ высказывал мнение, что истоки традиции «ритуальных кладов» оружия и конского снаряжения следует искать в культурах Центральной Европы и Северных Балкан, где похожий обычай существует с эпохи гальштатта (Зайцев, 2007, с. 266).

Западное происхождение «ритуальных кладов» предполагает и В. И. Мордвинцева, указывая на присутствие близких по составу и условиям захоронения комплексов в «культурах круга Ла Тена» на территории современных Болгарии, Венгрии, Румынии. В. И. Мордвинцева трактует эти захоронения вещей как приношения умершим в рамках погребального обряда, допуская возможность распространения у варваров Северного Причерноморья в это время неингумационных (водных, воздушных и т.п.) способов погребения (Мордвинцева, 2013, с. 154; 2015, с. 126).

С. В. Полин, очень кратко касаясь темы «кладов», также отмечает находки подобных комплексов на территории Болгарии, Румынии и даже в Прибалтике, но связывает их с наёмниками Митридата Евпатора (Полин, 2014, с. 641).

Ю. П. Зайцев со временем пересмотрел свою точку зрения о скифской атрибуции «ритуальных кладов». В результате картографирования «ритуальных кладов» он выделил две зоны их концентрации — Северо-Западное Причерноморье (точнее, территория Тираспольской группы памятников в Приднестровье) и Северный Кавказ (нижнедонская и прикубанская группы «кладов», тяготеющие к городищам Закубанья (Тенгинское и IV Новолабинское) и Ставрополя (Татарское и Грушевское)), для каждой из которых, по его мнению, свойственна своя специфика оформления предметов конской упряжи. Прочие «клады», по версии Ю. П. Зайцева, маркируют основные пути сообщения через незаселённые кочевниками территории и являются следами неких обрядовых действий, совершенных во время следования караванов (Зайцев, 2012б, с. 69–71).

Эта гипотеза Ю. П. Зайцева была принята исследователями

достаточно скептически (Мордвинцева, 2013, с. 152; Полин, 2014, с. 641). По мнению В. И. Мордвинцевой распределение «кладов» по территории Северного Причерноморья не создаёт впечатления соответствия их караванным маршрутам. Помимо этого нельзя не обратить внимание на территориальное несовпадение восточной группы «кладов» в Прикубанье и Нижнем Подонье с районом «памятников типа некрополей Тенгинского, IV Новолабинского и Татарского городищ», с которыми Ю. П. Зайцев связывает данную группу «вотивных кладов».

Таким образом, сегодня ни одна из гипотез не даёт объяснения всем аспектам проблемы происхождения и этнокультурной атрибуции «ритуальных кладов». В настоящее время принадлежность всех «кладов» не может быть однозначно определена как сарматская, позднескифская, кельтская или какая-либо ещё. Ареал распространения «ритуальных кладов» III–I вв. до н. э. очень широк — практически всё Северное Причерноморье и ряд сопредельных регионов — и не совпадает с границами ни одной из археологических культур этого времени. Нам представляется, что обычай захоронения «ритуальных кладов» предметов конской упряжи и вооружения следует рассматривать как надкультурное явление, присущее как кочевникам западных областей Сарматии, так и части поздних скифов, с определённым региональным своеобразием. В своё время к похожим выводам приходили и другие исследователи (Полин, 1992, с. 65⁵; Зайцев, 2008, с. 150).

Возвращаясь к рассмотренным выше «ритуальнымкладам» раннего I в. до н. э. из округа Танаиса, нельзя не отметить наличия в комплексах из Царского и Недвиговки большого количества вещей, не свойственных для нижнедонской раннесарматской культуры, зато находящихся аналогии в позднескифском Крыму и на Кубани: удила с крестовидными насадками⁶, ритуальный «жезл», наконечник ножен или ремня (вероятно, в составе поясного набора), золотые рифлёные пронизи, фрагменты щипцов. Особого внимания заслуживает шлем восточнокельтского типа в «кладе» из Царского. Попадание таких шлемов из балканской Кельтики в Северное Причерноморье принято связывать с событиями Митридатовых войн (Трейстер, 1992, с. 40–42; Симоненко, 2014, с. 265; 2015, с. 197; Казакевич, 2009, с. 21; Глебов и др., 2014, с. 82). Как известно, Митридат Евпатор имел союзнические отношения с балканскими кельтами, и именно в контексте Митридатовых войн (в связи с эпизодом смерти Митридата в 63 г. до н. э.) зафиксировано единственное достоверное упоминание кельтского воинского подразделения на Боспоре — «Битоит, командир кельтов (ἡγεμόν Κελτῶν)» (App., Mithr., 109, 111). Показательно также присутствие в составе «кладов» италийских или кельтских

⁵ Следует оговориться, что у С. В. Полина речь шла не о «кладах», а о комплексах с налобниками с крючками (в то время «ритуальныеклады» ещё не были выделены как самостоятельная группа археологических памятников), но большая часть рассмотренных им комплексов представляет собой «клады».

⁶ Распространённое в литературе определение «псалии» в отношении данных деталей конской упряжи является не совсем корректным, т.к. они не соединяют удила с ремнями оголовья, а служат в уздечном наборе дополнительными устрожающими насадками (Прокопенко, 2005, с. 179; Симоненко, 2010, с. 156–157; Стародубцев, 2012, с. 56). Это подтверждается находками уздечных наборов, в которых присутствуют и псалии, и насадки.

вещей: ситулы и возможно, канделябра, переделанного в ритуальный жезл (?).

Логично связать захоронение этих «кладов» в округе Танаиса с событиями Митридатовых войн 80–60-х гг. I в. до н. э.⁷ Похожая ситуация — тяготение «ритуальных кладов» к меотским городищам на Кирпилях, отмечена Н.Ф. Шевченко в Северо-Восточном Приазовье: Роговская (шлем Монтефортино и набор серебряных фаларов), Сергиевская (шлем Монтефортино и набор серебряных фаларов), Новоджерелиевская (котёл, набор серебряных фаларов, а также, вероятно, наконецник копья, стрелы и другие вещи), Кореновск (ситула, два серебряных фалара, серебряная пряжка)⁸. Некоторые из этих «кладов» — комплексы из Новоджерелиевской и Роговской — принадлежат к ближайшей округе меотских городищ (Шевченко, 2013, с. 68). Н.Ф. Шевченко объясняет концентрацию сарматских «ритуальных кладов» со шлемами и «импортами эпохи позднего латена» в этом районе вовлечением приазовских кочевников в фарватер митридатовой политики и возможным участием сарматов в войнах Митридата с Римом. По его мнению, через меотские городища на Кирпилях не только осуществлялась посредническая торговля со степью, но и проводился набор сарматских наёмников, принимавших участие в Митридатовых войнах.

Очевидно, ту же роль в эпоху Митридатовых войн играл и город Танаис, по-видимому, также вовлечённый в орбиту политики Митридата Евпатора. Танаис являлся единственной возможной базой для установления контактов с нижнедонскими сарматами, которых Митридат, несомненно, пытался привлечь в своё войско. Из сообщений античных авторов известно, что сарматы принимали активное участие в войнах Митридата с Римом в Малой Азии в 80–70-х гг. до н. э.: «передовой отряд (Митридата), сто савроматских всадников, встретив-

⁷ Вероятно, в связи с этим следует допустить бытование крестовидных насадок на удила несколько дольше, чем это представлялось ранее — по крайней мере, до 70–60-х гг. I в. до н.э.

⁸ К этому списку следует добавить комплекс из кургана 1 у х. Бойко-Полнура — шлем восточнокельтского типа с уздечными принадлежностями внутри, который, как оказалось, был найден не в погребении, а в насыпи кургана и, вероятнее всего, представляет собой «ритуальный клад» (Глебов и др., 2014, с. 78).

шись с 800 всадников Никомеда, некоторых из них взял в плен» (App., Mithr., 19), «... а когда он (Митридат) перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские, язиги, кораллы» (App., Mithr., 69). На переговорах при заключении Дарданского мира в 85 г. до н. э. Сулла обвинял Митридата в том, что он «заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, ... отправлял посольства к соседним царям ...» (App., Mithr., 57).

С большой степенью вероятности можно предположить, что в Танаисе постоянно или периодически действовало «представительство» царя Митридата, задачей которого были контакты с сарматами и привлечение их конных отрядов в царское войско. Конечно, сами переговоры могли проводиться и в ставках степных вождей, но пунктом пребывания посольства Митридата Евпатора мог быть только город Танаис. Безусловно, представителей Митридата в Танаисе должен был сопровождать воинский отряд, не обязательно большой, но наверняка хорошо вооружённый и экипированный.

Итак, римские или италийские вещи (в т.ч. предметы воинской амуниции), найденные в составе «ритуальных кладов» из окрестностей Танаиса, следует рассматривать как трофеи, попавшие к донским сарматам в результате их участия в войнах Митридата с Римом. Предметы кельтского, скифского, сиракского происхождения могли попасть к донским сарматам как в ходе войн Митридата с римлянами в Малой Азии, так и в Северном Причерноморье — на Боспоре или в Танаисе, в результате прямых или опосредованных контактов с людьми из войска Митридата Евпатора. В рамках большого разноплеменного воинства, какое представляла собой армия Митридата, наверняка происходило смешение элементов вооружения, конского снаряжения и бытового обихода. Оба «клада» из округа Танаиса могут быть уверенно соотнесены с историческим контекстом Митридатовых войн⁹.

⁹ Авторы выражают искреннюю признательность заведующему реставрационной мастерской Ростовского областного музея краеведения, доценту ДГТУ, к.т.н. Ю.А. Гордину, выполнившего реставрацию предметов из обоих кладов.

Приложение 1. Изучение состава некоторых находок из вотивного клада, найденного в кургане 18 могильника Царский

Попов Ю.В.

Исследование некоторых из описанных выше предметов «ритуальных кладов» проведено электронно-зондовыми методами, обеспечивающими возможность неразрушающего анализа с получением информации о степени сохранности материала, его микроструктурных особенностях, химическом составе в широком диапазоне определяемых элементов (Na-U) и концентраций (0.0n-100%). Измерения выполнены в Центре коллективного пользования научным оборудованием «Центр исследований минерального сырья и состояния окружающей среды» Южного федерального университета на растровом электронном микроскопе Tescan VEGA II LMU, оснащённом системой энергодисперсионного микроанализа (EDX) INCA Energie 450 (фирмы OXFORD Instruments Analytical).

Бронзовые предметы. Изучались шлифованные участки приповерхностной части изделий (площадью 4–8 мм²), несущие следы коррозионных процессов¹ в виде развития оксидных соединений (в микропорах также отмечается присутствие

водных оксидов железа, небольшого количества карбонатов кальция и соединений хлора, а также элементов, характерных для глинистых минералов). Травление поверхности не проводилось, вследствие чего микроструктурные особенности изучены недостаточно детально для установления режимов изготовления и обработки изделий. Характер анализируемой поверхности несколько снижает и достоверность результатов микроанализа, что ограничило задачи анализа измерением содержаний только основных элементов сплавов. Учитывая характерную для бронзовых сплавов с содержанием более 10% олова фазовую неоднородность, анализировались участки образца с типичными структурами и не несущие видимых признаков коррозии (Приложение 1–1). Результаты анализа приведены без учета содержания кислорода (содержания последнего, связанного с развитием вторичных оксидов, как правило, не превышали 4–5 вес.%). Обобщенные результаты приведены в таблице 1.

¹ Исследования проводились после передачи находок в музей, поэтому какое-либо изменение их степени сохранности было нежелательным.

Таблица 1. Заключение по результатам исследований

Изделие	Структурные особенности участка анализа	Состав в области анализа
Кольцо	Мелкозернистая полиэдрическая структура основной массы (образованная α-раствором и эвтектоидом (α+δ)) с обильными крупными включениями свинцовой фазы.	Оловянно-свинцовистая бронза (Sn ~10, Pb ~10 вес.%)
Пластина ножен	Мелкозернистая полиэдрическая структура основной массы с относительно равномерно рассеянными мелкими включениями свинцовой фазы расположенными преимущественно по границам зерен и фрагментарными участками их концентрации.	Оловянная бронза (Sn ~12–13, Pb <0.5 вес.%)
Литая вставка	Мелкозернистая полиэдрическая структура основной массы с крупными, сконцентрированными (в области анализа), обособлениями свинцовой фазы. Возможно, свинец в сплаве распределен неравномерно, и наблюдаемая структура связана с локальным концентрированием в процессе ликвации.	Оловянно-свинцовая бронза (Pb ~25–30 вес.%)
Фибула	Мелкозернистая полиэдрическая структура основной массы с относительно равномерно рассеянными по границам зерен мелкими включениями свинцовой фазы.	Оловянная бронза с примесью мышьяка (Sn ~14–15, As ~1.5 вес.%)

Стекло. Исследован фрагмент стенки стеклянного сосуда. Пробоподготовка включала промывку поверхности дистиллированной водой и спиртом (без дополнительной очистки и полировки) с последующим нанесением токопроводящего углеродного покрытия. Следует учитывать, что археологические стекла в грунтовых толщах неизбежно подвергаются коррозии: воздействие большинства кислых и нейтральных растворов приводит к выносу из поверхностного слоя щелочных компонентов путем гидролиза силикатных соединений, воздействие щелочных — к деструкции кремнекислородного каркаса, сопровождающейся образованием кремнекислородных анионов и легкорастворимых силикатов щелочных металлов (Павлушкин, 1983). За счет этого поверхность археологического стекла практически всегда покрыта тонким слоем, пронизанным ультратонкими порами, заполненными продуктами гидролиза, вследствие чего электронно-зондовый анализ,

проводимый по не подвергнутой специальной подготовке поверхности, носит приближенно-количественный анализ, позволяя охарактеризовать лишь общие особенности состава стекла. Сопоставление состава приповерхностного и более глубоких участков стекольной массы (рис. 1; табл. 2) указывает на интенсивный вынос натрия (и, соответственно, снижение исходного соотношения Na_2O/K_2O) и щелочноземельных элементов (с нарушением отношения CaO/MgO), накопление алюминия относительно кремния, значительную гидратацию поверхности и обогащенность поверхностного слоя железом (возможно, за счет сорбционных процессов).

Анализ содержаний основных элементов (табл. 1) с учетом направленности изменений состава позволяет в качестве наиболее вероятного геохимического типа стекла по систематике В. А. Галибина (Галибин, 2001) — Si (Al) — Na — Ca, производимый из содового сырья.

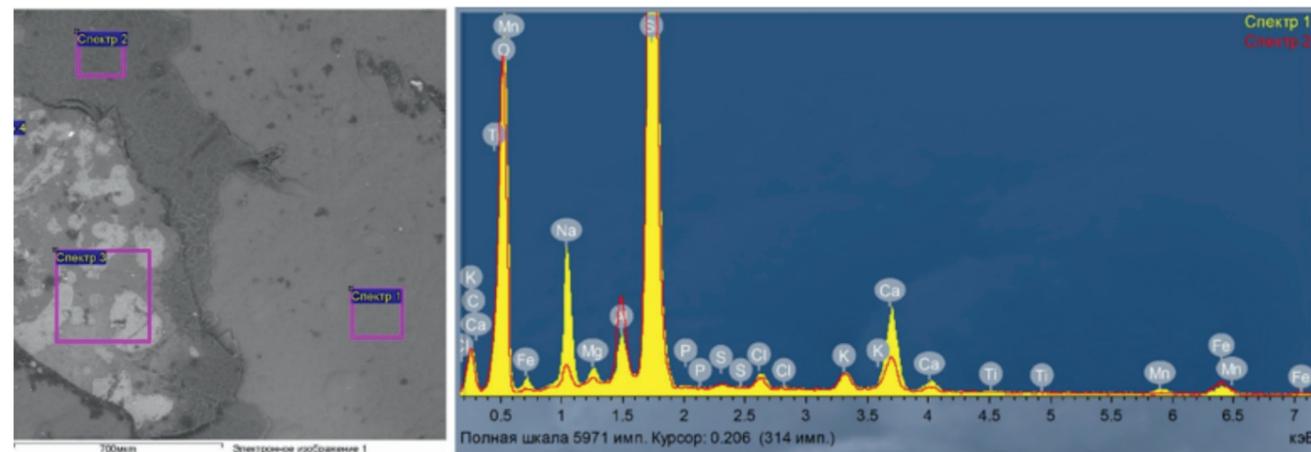

Рис. 1. — Спектры (EDX) более глубокого участка стекла (Спектр 1) и поверхностного измененного слоя (Спектр 2); на поверхности стекла (участок «Спектр 3») отмечаются слой, содержащий оксиды меди и олова.

Таблица 2. Состав стекла фрагмента стеклянного сосуда.

Элемент	Вес%	Вес.%	Формула	Соед.%	Элемент	± вес.%	± вес.%	Формула	Соед.%
Внутренняя часть стекла					Приповерхностная часть стекла				
Na	7.93	0.15	Na_2O	10.69	Na	1.18	0.06	Na_2O	1.59
Mg	0.75	0.05	MgO	1.24	Mg	0.22	0.04	MgO	0.37
Al	1.45	0.09	Al_2O_3	2.73	Al	2.51	0.07	Al_2O_3	4.74
Si	29.11	0.24	SiO_2	62.27	Si	24.40	0.22	SiO_2	52.19
P	0.13	0.07	P_2O_5	0.29	P	0.05	0.04	P_2O_5	0.11
S	0.08	0.06	SO_3	0.20	S	0.21	0.05	SO_3	0.52
Cl	0.77	0.07			Cl	0.59	0.05		
K	1.02	0.07	K_2O	1.23	K	0.84	0.06	K_2O	1.02
Ca	5.02	0.10	CaO	7.02	Ca	2.10	0.07	CaO	2.94
Ti	0.06	0.04	TiO_2	0.11	Ti	0.05	0.04	TiO_2	0.09
Mn	0.68	0.08	MnO	0.88	Mn	0.10	0.05	MnO	0.12
Fe	0.91	0.08	FeO	1.17	Fe	2.03	0.10	FeO	2.62
O	46.70	0.50			O	47.62			
Итого	94.60					81.90			

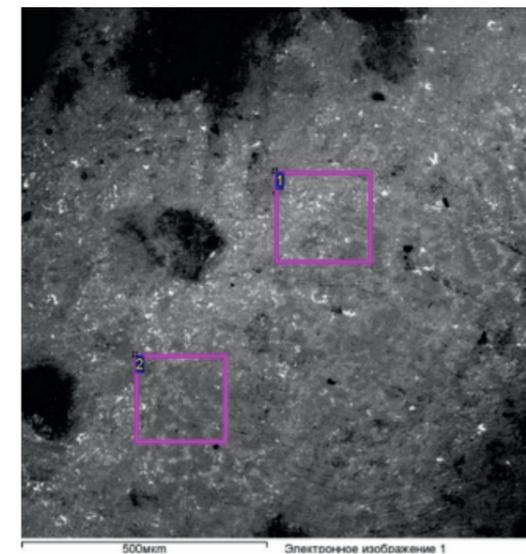

Рис. 2. Участки микроанализа (с разным соотношением основных фаз) изделия «Кольцо»

Таблица 3. Состав участков изделия «Кольцо».

Элемент	+ вес.%	Вес. %	
		Участок 1	Участок 2
Cu	0.72	82.08	74.76
As	0.15	0.16	0.55
Sn	0.38	8.77	11.11
Pb	0.66	8.60	13.09
Итого		99.61	99.51

Рис. 3 – Спектр EDX участка 2 (рисунок 2)

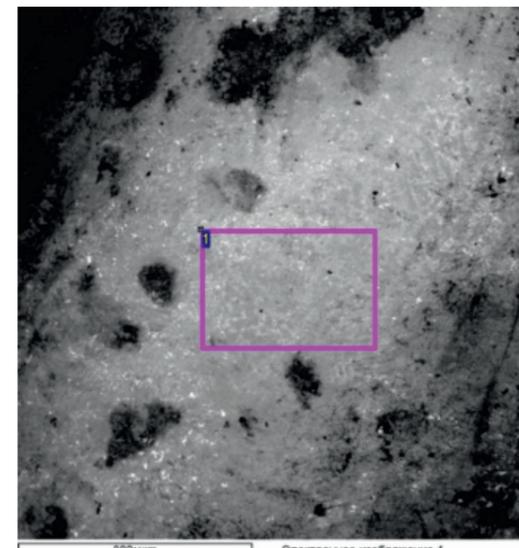
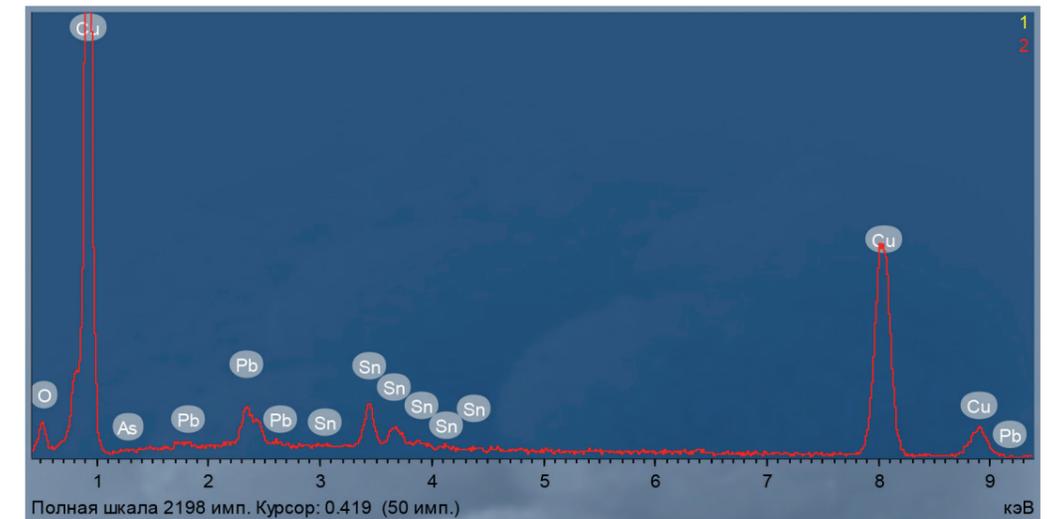

Рис. 4 – Участок микроанализа изделия «Кольцо» (результаты приведены в табл. 4)

Табл. 4. Состав участка изделия «Кольцо»

Элемент	Весовой %	± вес.%
Cu	80.33	0.44
As	0.28	0.20
Sn	9.44	0.22
Pb	9.48	0.38
Итого	99.53	

Образец «Пластина ножен»

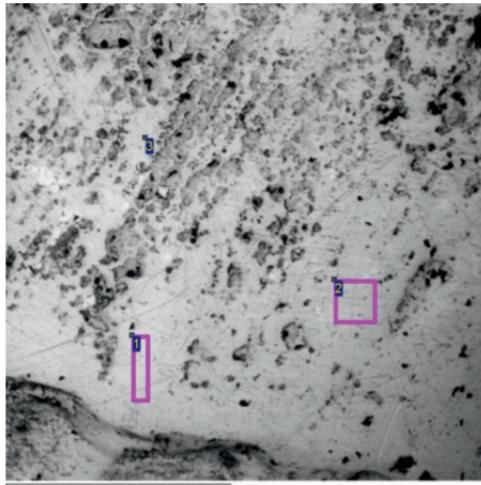

Рис. 5. Участки микроанализа изделия «Пластина ножен» (табл. 5)

Таб. 5. Состав участка изделия «Пластина ножен»

Спектр	Cu	Zn	As	Sn	Pb	Итого
1	85.18	<0.05	0.03	12.37	0.14	99.77
2	84.01	<0.05	0.03	12.94	0.24	97.26
3	84.86	0.07	0.07	12.28	0.19	97.48

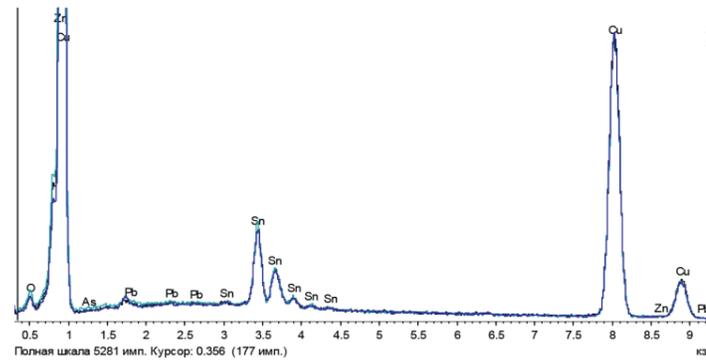

Рис. 6. Спектр EDX участков 1-3 (рисунок 5)

Образец «Литая ставка ножен»

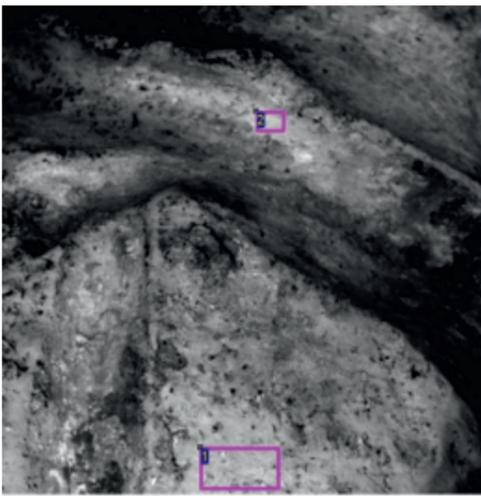

Рис. 7. Участки микроанализа изделия «Литая ставка ножен»

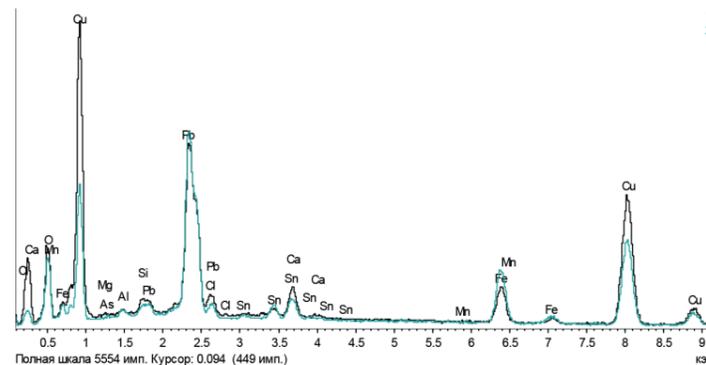

Рис. 8. Спектр EDX участков 1 и 2 изделия «Литая ставка ножен»

Элемент	+ вес. %	Вес. %	
		Участок 1	Участок 2
Cu	0.42	82.56	82.54
As	0.19	1.58	1.42
Sn	0.28	15.29	15.32
Pb	0.10	—	0.12
Итого		99.43	99.41

Табл. 3. Состав участка изделия «Фибула»

Рис. 9. Участки микроанализа изделия «Фибула» (табл. 3). Участок 3 — корродированная поверхность.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1961. Сарматские погребения Дона и Украины // СА. № 1.

Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. САИ. Вып. Д1-30.

Антипенко Е. О., Чирков А. Ю., 1992. Клад позднескифского времени из Северной Молдовы // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь.

Беглова Е. А., 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. М.

Беглова Е. А., 2005. Второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Беглова Е. А., 2010а. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. Вып. 5. М.

Беглова Е. А., 2010б. Хронология Тенгинского грунтового могильника в Закубанье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас.

Бруяко И. В., 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3.

Бруяко И. В., Росохацкий А. А., 1993. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ. Вып. 7.

Венедиков И., Герасимов Т., 1973. Тракийского искусство. София.

Виноградов Ю. А., 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II вв. до н. э.) // Nuxerbovurus: studia classica. Vol. 5. Fasc. 1.

Гаврилов А. В., Труфанов А. А., 2014. Святилище Туар-Алан II в. до н. э. — первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь.

Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. — СПб: «Петербургское востоковедение», 2001. — 216 с.

Глебов В. П., 2010. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Глебов В. П., 2016. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III-I вв. до н. э. // Скифские интерпретации (Stratum plus. № 3). Кишинев.

Глебов В. П., Дедюлькин А. В., Гордин И. А., 2014. Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». УАВ. Вып. 14.

Гордин И. А., 2014. Отчёт о спасательных археологических раскопках курганов №№ 17,18,19,20,120,122 курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 2011 году. Ростов-на-Дону.

Гущина И. И., 1969. Янчокракский клад // МИА. № 169.

Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь.

Дедюлькин А. В. 2012. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н. э. Тирасполь.

Дедюлькин А. В. 2016. Шлемы аттического типа с козырьком и votивные клады III-I вв. до н. э. // Третий до... Потерянное столетие (Stratum plus №3). Кишинев.

Дзиговский А. Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. Одесса.

Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф., 1984. Комплекс предметов из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь.

Зайцев Ю. П., 2005. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Зайцев Ю. П., 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб.

Зайцев Ю. П., 2008. Votивные клады Северо-Западного Причерноморья III-I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. Одесса.

Зайцев Ю. П. 2009. Художественные изделия из железа III-I вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб.

Зайцев Ю. П., 2010. Металлические наконечники ножен III-I вв. до н. э. из Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Подунавья: к проблеме межкультурных контактов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас.

Зайцев Ю. П., 2011. «Позднескифский костюм» как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III-I вв. до н. э. // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб.

Зайцев Ю. П., 2012а. Античная керамика в ритуальных (votивных) кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н. э. Тирасполь.

Зайцев Ю. П., 2012б. Северное Причерноморье в III-II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н. э. Тирасполь.

Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И., 2003. Подвязные фибулы

в варварских погребениях Северного Причерноморья позднелинистического периода // РА. № 2.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. — 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Зарайская Н. П., Привалов А. И., Шенко Л. Г., 2004. Курганы раннего железного века у пос. Острый // Донецкий археологический сборник. Вып. 11. Донецк.

Казакевич Г. М., 2009. Про етрусько-італійські та кельтські шоломи у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 3.

Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград.

Кожухов С. П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.

Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко Ю. А., 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // ДА. № 2.

Максименко В. Е. 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (39).

Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.

Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. № 3.

Мордвинцева В. И., 2008. Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья III–I вв. до н. э. и сарматская парадигма // ВДИ. № 3.

Мордвинцева В. И., 2013. Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные кладов» Северного Причерноморья III–I вв. до н. э. // ПИФК. № 2 (40).

Мордвинцева В. И., 2015. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье. ВДИ. № 1.

Мордвинцева В., Трейстер М., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. Том 1. Симферополь — Бонн.

Павлушкин Н. М. 1983. Химическая технология стекла и ситаллов. — М.

Петерс Б. Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев.

Полин С. В., Карнаух Е. Г., 2012. Гордашевский «клад» // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь.

Прокопенко Ю. А., 2005. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.

Раев Б. А., 1993. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Саратов.

Раев Б. А. Беспалый Г. Е., 2006. Курганы скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону.

Редина Е. Ф., Симоненко А. В., 2002. «Клад» конца II–I вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2.

Савельев О. К., 2010. Оружие дальнего боя из «странных комплексов» // Люди и вещи железного века (Stratum Plus №3). Кишинев.

Сергацков И. В., 2009. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. № 4.

Симоненко А. В., 1986. Пізнньоскіфський комплекс з с. Мар'ївка Миколаївської області // Археологія. № 56.

Симоненко А. В., 1993. «Клады» снаряжения всадника II–I вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.

Симоненко А. В., 2001. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4.

Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Симоненко А. В. 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев.

Симоненко А. В., 2014. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Римские орлы и сарматские драконы (Stratum plus №4). Кишинев.

Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Киев.

Симоненко А. В., 2018. О сарматском завоевании Скифии // НАВ. Том 17. № 1.

Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону.

Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. РА. № 1.

Смирнов К. Ф., 1954. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М.

Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политиче-

ского господства в Скифии. М.

Спицын А. А., 1909. Фалары Южной России. ИАК. Вып. 29.

Стародубцев М. В., 2012. К хронологии двух типов петельчатый уди у ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии антропологии и этнографии. № 2 (17).

Сьманович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев.

Тертиловский Р., Жаров Г., 2012. Дружинный могильник рубежа эр на Сейме // Inter Ambo Maria: Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Симферополь.

Тертиловский Р., Жаров Г., 2013. Металлические сосуды Мутинского могильника на Сейме // В поисках Ойума». Пути народов (Stratum plus №4). Кишинев.

Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2012. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь.

Трейстер М. Ю., 1992. Кельты у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 2.

Трейстер М. Ю., 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1.

Федоров В. К., 2013. Кинжал из Талалаевки и «савроматские» элементы в оформлении рукоятей прохоровских клинков // НАВ. Вып. 13.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Шевченко Н. Ф., 2006. «Сарматские жрицы», или ещё раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. № 1.

Шевченко Н. Ф., 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону.

Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ). ВДИ. № 1.

Шилов В. П., 1974. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА, Вып. 138.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Яровой Е. В., Четвериков И. А., 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.

Яценко И. В., 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. Вып. № 89.

Bolla et. al, 1991. Bolla M., Boube C., Guillaumet J.-P. Les sites // La vaisselle tardo-republicaine en bronze. Actes de la table-ronde C. N. R. S., Lattes, avril 1990 / Dijon.

Connolly P., 1981. Greece and Rome at War. London.

Dizdar M., Radman-Livaja I., 2004. Finds of Roman Bronze Ware on Celtic Sites in Eastern Slavonia // Actes du XIVème Congrès UISPP, Université de Liège, Belgique, 2–8 septembre 2001, Section 13, The Roman Age, General Sessions and Posters, Le Secrétariat du

Congrès (ur.), BAR International Series 1312, Oxford.

Eggers H. J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte 1, Hamburg.

Feugère M., 1993. Les armes des Romains. Paris.

Feugère M., 1994. Casques antiques. Les visages de la guerre, de Mycènes à la fin de l'Empire romain. Paris.

Guštin M., 2011. On the Celtic tribe of Taurisci: local identity and regional contacts in the ancient world // The Eastern Celts: the communities between the Alps and the Black Sea. (Annales Mediterraneae). Koper.

Mihaljević M., Dizdar M., 2007. Late La Tène bronze helmet from the river Sava near Stara Gradiška // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 3. s. XL.

Mordvinceva V., 2001. Sarmatische Phalaren (Archäologie in Eurasien, 11). Rahden.

Luik M., 2002. Die Funde aus den römischen Lagern um Numantia im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer, 31. Mainz.

Otchir-Goriaeva M., 2002. Das sarmatische Grab von Jaskul', Kalmykien // Eurasia Antiqua. B. 8. Berlin.

Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East: Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum. Malibu.

Radnoti A., 1938. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, Ser. II, № 6. Budapest.

Robinson H. R., 1975. The Armour of Imperial Rome. London.

Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.

Marčenko I., Limberis N., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz.

Schaaff U., 1980. Ein spätkeltisches Kriegergrab mit Eisenhelm aus Novo Mesto // Situla. № 20–21.

Schaaff U., 1988. Keltische Helme // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Monographien RGZM 14.

Schulten A., 1929. Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905–1912. Band IV. Die Lager bei Renieblas. Munich.

Vitali D., 1984. Una tomba di guerriero di Castel del Rio. I problemi dei corredi con armi nell'area cispadana tra IV e II secolo a. C. // Atti e memorie. Deputazione di storia patria per le province di Romagna, 35. Bologna.

Neuere Entdeckungen von «rituellen Hortfundorten» im Niederdon-Gebiet

Der Artikel befasst sich mit zwei Ritualkomplexen in der Gegend von Gut Nedwigowka im Niederdon-Gebiet (das antike Tanais), die sich auf die Zeitspanne vom Ende des 2. Jhs. bis zum ersten Drittel des 1. Jhs. datieren lassen. Der eine "rituelle Hortfund" wurde 2011 im Graberfeld Zarskij bei der Ausgrabung des großen Hügelgrabs Nr. 18 entdeckt, der in der Bronzezeit errichtet worden war. Der andere Hortfund bzw. Ritualkomplex wurde im selben Jahr von einem Bewohner von Nedwigowka dem Staat übergeben. Es sind keine genauen Raumangaben bzw. Umstände der Findung bekannt, es sei denn, dass der Hortfund in der Umgebung des genannten Gutes zu lokalisieren ist.

Es ist eine schwierige Frage, welche ethno-kulturelle Zugehörigkeit diese "rituelle Hortfunde" hatten. In der Zeit lässt sich nicht eindeutig bestimmen, ob diese Hortfunde den Sarmaten, Spätskythen, Kelten oder anderen Stämmen gehörten. Die "rituellen Hortfunde" hatten in der Zeitspanne vom 3. Jh. bis zum 1. Jh. v. Chr. ein sehr großes Verbreitungsgebiet, fast das ganze Schwarzmeerküstenland umfasst, ohne mit den Grenzen einer oder anderer archäologischen Kultur übereinzustimmen. Es scheint uns angebracht, die Bestattung von Pferdgeschirr und Waffen in den "rituellen Hortfundorten" als ein suprakulturelles Phänomen anzusehen. Jede regionale Spezifik im Auge behalten, ist dieses Phänomen sowohl bei Nomaden aus Westsarmatien, als auch bei Spätskythen zu finden.

Es sei darauf hingewiesen, dass in den Ritualkomplexen Zarskoje und Nedwigowka mehrere solche Fundstücke

entdeckt wurden, die für die Sarmaten-Kultur im Niederdon-Gebiet nicht typisch gewesen waren, hatten aber Analogien bei den Spätskythen im Krim- und Kuban-Gebiet gehabt. Besonders beachtenswert ist der Helm ostkeltischen Typs, der in der Fundstelle Zarskoje entdeckt worden ist. Dass die gleichen Helme einen Weg vom keltischen Siedlungsgebiet auf der Balkaninsel bis ins Nordschwarzmeergebiet mussten gemacht haben, ist üblicherweise durch die Umstände mithridatischer Kriege erklärt. Es könnte als höchstwahrscheinlich angenommen werden, dass König Mithridat VI. von Pontos in Tanais durch eine ständige Botschaft vertreten war, deren Funktion war es, mit den Sarmaten aus dem Niederdon-Gebiet in Kontakt zu treten bzw. sarmatische Reiterverbände in die königlichen Streitkräfte zu rekrutieren. Ohne Zweifel musste diese Botschaft von einem Militärverband begleitet worden sein, der nicht durchaus eine massenhafte, sondern unbedingt eine gut bewaffnete und ausgestattete Kraft darstellte. Die Tatsache, dass das mithridatische Heer groß und heterogen war, muss auch eine Mischung von Waffen, Pferdeausrüstung und Alltagsdingen bedeutet haben. Beide Hortfunde aus Tanais lassen sich mit dem Kontext mithridatischer Kriege verbinden.

W. Glebow, I. Gordin, A. Dedjulkin

СОКРАЩЕНИЯ

АВ – Археологические вести

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України

АО – Археологические открытия

БГУ – Брянский Государственный университет

ВАШ – Высшая антропологическая школа

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВДИ – Вестник Древней истории

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМЗ – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДА – Донская археология

ЗООИД – Записки одесского общества истории и древностей

ЗРАО – Записки Императорского Российского археологического общества

ІА НАН – Інститут археології Національної академії наук України

ІГ НАНБ – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ИАК – Известия императорской археологической комиссии

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КГКМ – Курчатовский городской краеведческий музей

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КГУ – Курский государственный университет

ККМ – Калужский краеведческий музей

КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей

КСИА – Краткие сообщения Института Археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Институт истории материальной культуры

МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі

МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии

МГУ – Московский государственный университет имени М.Ломоносова

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

МУСА – Международная уния славянской археологии

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НА ІА НАН – Науковий архів Інститута археології НАН України

ОАК – Отчеты императорской археологической комиссии

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

РА – Российская археология

РАЕ – Российская академия естествознания

РАН – Российская академия Наук

СА – Советская археология

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников

СамГТУ – Самарский Государственный Технической Университет

СДДМ – Сарматские древности Днестро-дунайского междуречья

СПб – Санкт-Петербург

УАВ – Уфимский археологический вестник

BAR – British Archaeological Reports

BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission

BSSR – Byelorussian Soviet Socialist Republic

ESA – Eurasia Septentrionalis Anttiqua

JAS – Journal of Archaeological Science

JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums

MCA – Materiale si Cercetari Arheologice

NyJAMÉ – A Nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve

RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum

RIC – The Roman Imperial Coinage

RSC – Roman Silver Coins, London

TSR – Tarybų Socialistinė Respublika

UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej